
Летчик-испытатель
Константин Коккинаки
МАЙХЭ —
ОЛЕНИЙ ГОРОДОК
БУДАПЕШТСКИЕ
ВЕЧЕРА
13 КАРТИН
РОКУЭЛЛА КЕНТА
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Панорама строительства Али-Байрамлинской ГРЭС в Азербайджане. Фото А. Горячева.

Куда бы вы ни поехали, в каком бы уголке страны ни очутились, всюду сквозь злую пургу или пышные заросли субтропических растений вы разглядите одну, общую для любой точки нашей земли деталь пейзажа с большим историческим значением — башенные краны.

Стройки, стройки, стройки... Новые заводы, рудники, кварталы жилых домов, электростанции—страна накануне XXII съезда партии...

Корреспондент «Огонька» попросил рассказать о важнейших стройках 1961 года В. Э. Дымшица, члена Госплана СССР, министра СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 5 (1754)

29 ЯНВАРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В. Э. ДЫМШИЦ,
член Госплана СССР, министр СССР

Пожалуй, никогда раньше нельзя было более точно применить к Советскому Союзу давно уже употреблявшееся выражение: «Страна напоминает гигантскую строительную площадку». Да, строим мы очень и очень много. И чтобы обеспечить своевременный ввод в действие наиболее крупных строек, 434 из них объявлены особо важными.

Сосредоточение капитальных вложений на основных участках индустрии дает большой эффект. Например, из многих строек черной металлургии особо важными объявлены тридцать восемь. Но именно эти 38 имеют важное значение в сложном процессе развития нашей экономики, в создании материально-технической базы коммунизма. Лишь в этом году будет построено 4 домны, 20 сталеплавильных печей, 7 прокатных станов.

География строек черной металлургии разнообразна — Липецк, Кривой Рог, Магнитогорск, Жданов, Череповец...

Тридцать восемь строек особой важности в этой отрасли индустрии дадут основной прирост новых производственных мощностей в 1961 году.

В третьем году семилетки черная металлургия сделает большой шаг вперед. Причем шаг твердый и уверенный, потому что не будет стоять на месте и сырьевая база — горнорудная промышленность. Один только Центральный комбинат в Кривом Роге должен сдать мощностей на семь с половиной миллионов тонн руды. Такая же задача стоит и перед строителями Качканарского горнообогатительного комбината на Урале.

Или вот химическая промышленность. Например, в производстве искусственного волокна значительная часть прироста производственных мощностей в этом году также приходится на долю особо важных строек.

В общей сумме — 434 — есть одно в полном смысле яркое «слагаемое» — 47 энергетических строек. В конце года должны войти в строй первые агрегаты Братской ГЭС, даст ток Али-Байрамлинская ГРЭС, недалеко от Москвы развернется стройка Конаковской ГРЭС — крупнейшей в мире тепловой электростанции, а за многие сотни километров от нее, в Средней Азии, будут сооружать Нурекскую ГЭС.

Партия и правительство уделяют большое внимание дальнейшему повышению благосостояния народа. И это находит свое яркое отражение в списке особо важных строек. Среди них 34 стройки легкой и пищевой промышленности. Заработает на полную мощность Свердловский камвольный комбинат, поднимутся корпуса хлопчатобумажного комбината в Краснодаре, увеличат выпуск продукции сахарные заводы.

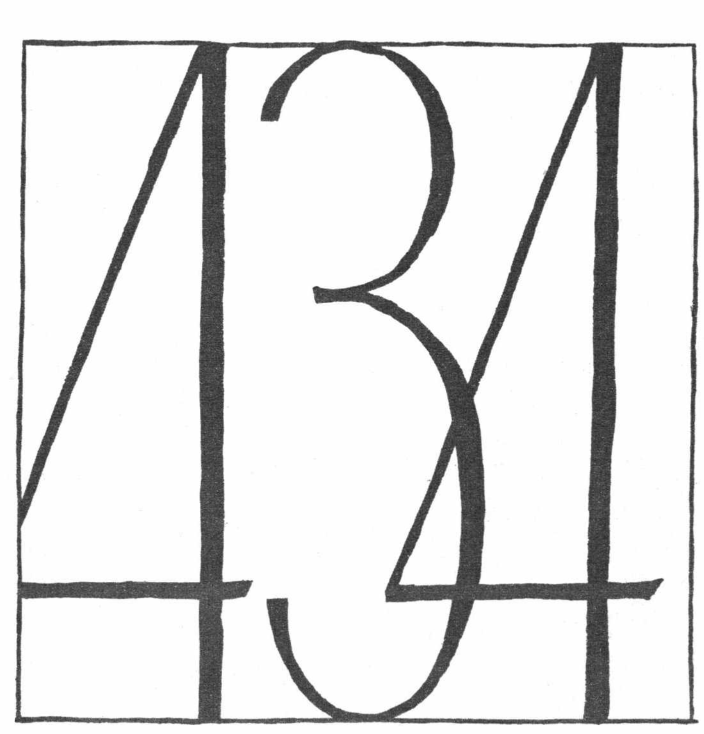
Титульный список строек особой важности представляет собой объемистую книгу. И, пожалуй, не найдешь в 1961 году «произведения», более содержательного, более связанного с жизнью, чем это.

Особо важным стройкам — особое внимание! Для них всегда и во всем должна быть «зеленая улица». В отличие от прошлых лет капитальные вложения здесь определены на весь период строительства и точно установлены сроки ввода в действие производственных мощностей.

Так начинает воплощаться в жизнь принятое правительством по предложению Н. С. Хрущева решение о дальнейшем совершенствовании системы планирования народного хозяйства СССР.

В 434 важнейших стройках концентрируется труд миллионов. Но дело тут не только за строителями. Экзамен держат сотни машиностроительных заводов, которые призваны поставлять им оборудование.

Страна Советов, готовясь к XXII съезду КПСС, выходит на новый рубеж коммунистического строительства. 434 стройки особой важности — большой вклад в развитие советской экономики.

Накануне открытия Всесоюзной выставки текстильных товаров в Центральном выставочном зале ее экспозицию осмотрели товарищи Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев. На снимке: Н. С. Хрущев и А. Н. Косыгин у одного из стендов.

Фото В. Акимова.

НАВСТРЕЧУ XXII СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Во все концы страны разъехались по домам участники Пленума ЦК КПСС. На сколько вопросов они должны ответить сейчас своим товарищам по работе, землякам, которые просят очевидцев рассказать еще и еще раз о том, что было сказано с высокой кремлевской трибуны!

И каждое слово находит живой отклик в сердцах миллионов.

Пленум решил, что в октябре 1961 года должен состояться очередной XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Перед этим съездом стоят важные задачи: подвести итоги огромной работы партии и народа по претворению в жизнь исторических решений XX и XXI съездов КПСС, утвердить новую программу КПСС, которая вооружит партию и советский народ в великой борьбе за построение коммунизма.

И страна готовится к этому съезду, посвящая ему свои трудовые достижения. Социалистические обязательства берут коллективы заводов, колхозов, целые города, районы, республики.

Советские люди уверенно смотрят в будущее потому, что их усилиями стремительно и последовательно развивается наука, техника, промышленность, сельское хозяйство Родины.

В редакцию в эти дни приходят большие письма, и коротенькие заметки, и фотографии, в которых корреспонденты и сами участники событий рассказывают о взятых к XXII съезду партии обязательствах, о достижениях на производстве, о цеховых успехах. Мы печатаем несколько таких сообщений.

1.

У КОЛХОЗА «ГИНТАРАС» ЛУЧШИЕ ПОКАЗАТЕЛИ в Каунасском районе за прошедший год. Колхоз получил на каждые 100 гектаров сельскохозяйственных угодий 750 центнеров молока и 202 центнера мяса.

Передовая доярка Элена Шкемене ухаживала за пятнадцатью коровами литовской черно-пестрой породы, надоила от каждой по 4 574 килограмма молока.

На снимке: Элена Шкемене на колхозной ферме.

Фото М. Огая.

2.

НА МАГНИТОГОРСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМБИНАТЕ монтируется основной корпус нового цеха.

Это будет крупнейший в стране цех изложниц. Пуск его позволит металлургам наиболее рационально использовать мощности прокатного стана «2500», повысить его производительность, расширить сортамент продукции.

На снимке: строительная площадка.

Фото Е. Карпова.

3.

«ОНИ ОСВЕТИЛИ ПОЛМИРА»! Так можно сказать о рабочих и инженерах ленинградского завода «Электросила» имени С. М. Кирова.

Совсем недавно в цехах «Электросилы» был создан первый мощный гидрогенератор для Братской ГЭС. Теперь такие гидрогенераторы пущены в серийное производство.

Сейчас конструкторы разрабатывают чертежи уникального генератора Красноярской ГЭС. По своей мощности он равен нескольким Волховским ГЭС. Рабочие чертежи этой гигантской машины электросиловцы решили завершить в честь XXII съезда КПСС досрочно.

В подарок съезду Коммунистической партии конструкторы создадут раньше установленного срока технический проект мощного гидрогенератора для высокогорной Нурекской ГЭС, сооружаемой на реке Вахш — в районе Памира.

На снимке: здесь создается мощный гидрогенератор для Красноярской ГЭС. Слева: ведущий конструктор А. С. Орлов.

Фото Г. Копосова.

4.

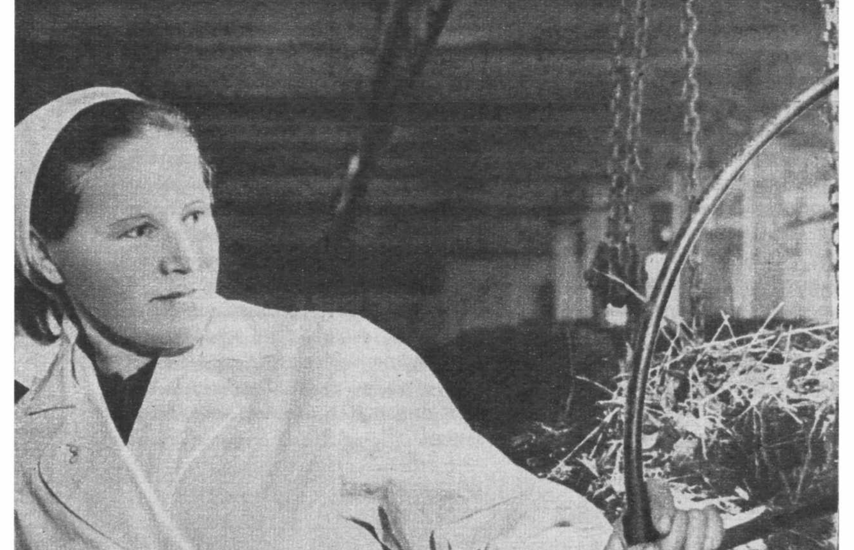
ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. Винницкий агрегатный завод увеличивает выпуск запасных частей для сельскохозяйственных машин. Недавно пущен еще один цех, в котором установлены четыре автоматические линии.

Машиностроители борются за почетное звание коллектива коммунистического труда.

На снимке: у одной из автоматических линий нового цеха.

Фото Е. Копыта.

1 2

Ольга Александровна

Ольга Александровна Зеленская.

З. ХИРЕН

— Приезжайте к нам в Черкизово. Вы Ольгу Александровну не узнаете: сразу на десять лет помолодела,— слышу я в телефонную трубку задорный голос знакомого агронома Нелли Васильевны Терентьевой.

Конечно же, хочется, ни минуты не теряя, лететь в подмосковную деревеньку Черкизово, чтобы вновь увидеться с Ольгой Александровной Зеленской.

И с Ольгой Александровной и с Нелли Васильевной мы познакомились немного более года тому назад в Москве, на ярмарке. Это была необыкновенная ярмарка. У северных ворот Выставки достижений народного хозяйства СССР вытянулись ряды легковых и грузовых автомашин. Со всех концов Подмосковья прикатили председатели колхозов, агрономы, инженеры. Люди покупали тракторы, сеялки, плуги. Приехали на эту ярмарку и две эти женщины. Ольга Александровна возглавляла тогда колхоз в Мытищинском районе, а Нелли Васильевна сперва прибыла к Зеленской на практику, а затем осталась в колхозе агрономом. Еще тогда бросилось в глаза, что Зеленская хоть внешне и похожа больше на учительницу, но на ярмарке, как говорится, чувствует себя в своей тарелке. Она не выслушивала объяснений консультантов ярмарки, о каждой из машин она сама могла прочитать увлекательнейшую лекцию. Учителями ее в «Тимирязевке» были такие светила науки, как Вильямс, Прянишников. 23 года работала она в одном колхозе. Для нее земля была то же самое, что для ваятеля мрамор. Она знала, что можно получить от земли и что нужно дать земле. Не могла не запомниться такая женщина! И мы расстались тогда, в тот морозный, зимний день, условившись обязательно встретиться затем у нее в колхозе, чтобы узнать, как поступит она с техникой, закупленной на ярмарке,— а закупила она ее на 200 тысяч рублей. И помнится, что, знакомясь с ней и ее помощницей, а затем прощаясь на Ярославском шоссе, возле знаменитой мухинской скульптуры рабочего и колхозницы, я еще подумал: две женщины — одна вот уже несколько десятилетий трудится на земле, а другая, окончив Ленинградский институт, лишь вступает на эту стезю, разные у них судьбы, но обе молоды, исключительно молоды. И не любовь ли к земле, не любовь ли к крестьянскому труду сделали их такими?

И вот мне говорят: Ольга Александровна помолодела на десять лет. И я знаю, это не просто слова, к этому времени я уже прочитал выступление Никиты Сергеевича Хрущева на Пленуме Центрального Комитета КПСС и знал, что для Ольги Александровны слово «помолодела» отныне играет не последнюю роль.

Тогда, описывая в «Огоньке» встречу с Зеленской и с другими колхозными вожаками, мы назвали репортаж «На ярмарку!». И вот в течение девяти последних месяцев несколько бездушных людей из Мытищинского района изо дня в день повторяли этой женщине, что ей пора «с ярмарки». Но на этот раз в слово «ярмарка» вкладывался совсем другой смысл. Нет, речь шла не о той веселой ярмарке в Москве, где продавались машины, тракторы, плуги. Ярмарка в данном случае обозначала работу, которую эта женщина вела на земле. Зеленской сказали, что она уже слишком стара, чтоб трудиться, что пора ей на покой, что нужно уступать дорогу молодым.

А она не могла себе представить жизни без этой «ярмарки». Она боролась, изо дня в день ходила в райком партии, в райисполком: «Не могу я сидеть без работы, дома без работы, как в тюрьме. Я привыкла к этой земле и к этим людям и могу еще принести пользу». Но ее не слушали. А чтобы не прослыть бездушными, начинали проявлять повышенную заботу о ее здоровье, говорили, что ей уже трудно ходить по полям, а она отвечала: «Готова с любым хоть наперегоночки». Говорили, что память не так свежа, а она — хоть ночью разбуди ее — скажет, где какое растение в поле, в теплице.

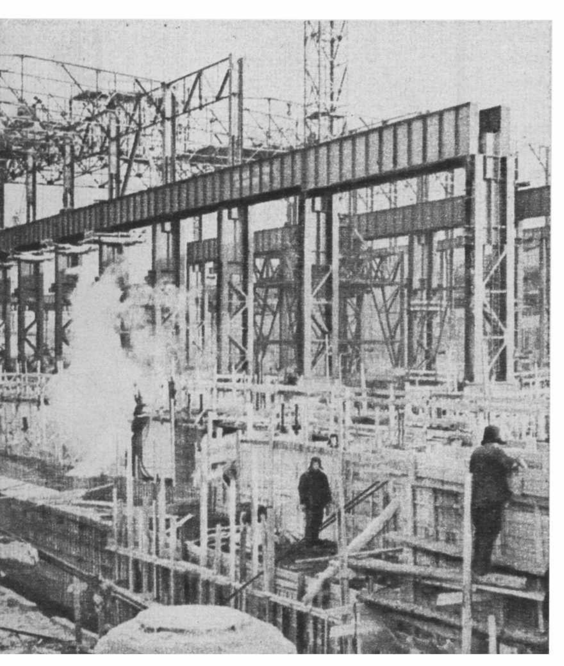
И вот Ольга Александровна — пенсионерка. Она должна сидеть в своей скромной избушке и смотреть из окна, как знакомые и дорогие ей доярки идут доить коров, как близкие ей и дорогие люди идут на сенокос. Словом, наступила другая жизнь, жизнь «из окна». Нет, долго так продолжаться не могло. Ольга Александровна ходила по полям, по теплицам и фермам. Да, капуста прижилась хорошо, а вот морковка вся заросла сорняками, даже междурядья. Огурцы поздно посеяли, и, понятно, урожая не будет. С коровами беда. Решено, что механизация снижает удои молока. Кто это решил? Панков, бывший заврайфо, а ныне директор совхоза. Лошадей из деревни Коргашино перевели в Пирогово. Люди ходят пешком, а девять здоровенных битюгов едят овес, едят сено и ничего не делают. И так каждый день. На такое спокойно из окна глядеть никаких сил нет. Зеленской хочется вмешаться, поправить дело, но тут появляется некий Павел Сергеевич Алдошин. Когда-то она его с работы бригадира сняла, а сейчас он отдает приказание сторожу:

— Скажи этой, пусть сюда не ходит, а то авторитет директора подрывает.

И тогда Зеленская стала ходить по полям ночью.

Кто-то из друзей посоветовал ей отправиться в путешествие. Нашлась туристская путевка в Польшу и Чехословакию. Надо сказать, что до этого Ольга Александровна не отличалась тягой к перемене мест, она, как правило, и отпуск проводила дома, в деревне, потому что время-то всегда совпадало с жатвой, со страдой. Но тут, потеряв всякую надежду вернуться «на ярмарку», отправилась путешествовать. Ничего не скажешь, Польша и Чехословакия ей понравились, а больше всего люди. Она даже не представляла себе, как хорошо там относятся к нам, советским гражданам; встречали, угощали, были откровенны во всем. Это был разумный совет — путешествовать!

Ольга Александровна ходила по музеям, выставкам, концертам, театрам. Но уже на второй или третий день путешествия затосковала, и сильно затосковала. Дело в том, что ей во что бы то ни стало хотелось узнать, как в этих странах живут крестьяне, как обрабатывают они землю, как ухаживают за коровами, но это не входило в программу. Она видела поля из окна быстро мчавшегося поезда. Опять окно! Ведь она теперь и дома смотрела на поля только из окна, а хотелось потрогать руками землю, взять щепотку, потереть большим и указательным пальцами, понюхать, что за земля, а может, и попробовать на вкус. И вот, вопреки туристическим планам, упросила гида свезти их на денек в деревню. Было это в Чехословакии, под городом Готвальдовом. Вышли из автобуса, вокруг

3

4

благодать, солнце, бескрайние поля. Пришли крестьяне. Такие же, как наши, подмосковные. И лица такие, и руки такие, и одеты примерно так же. Поначалу встретили ее и ее спутников, как туристов. Но, конечно же, очень любезно, ласково, но все-таки как туристов. Не станешь же туристу рассказывать, как пашешь, как доишь корову. А вот Ольга Александровна как раз об этом и стала расспрашивать. Причем со знанием дела. И крестьяне сразу это почувствовали. Такое сразу чувствуешь. Ответили ей, стали спрашивать, кто она, чем занимается дома, в Советском Союзе. И тут произошло то, чего никогда в жизни с Ольгой Александровной не было. Она солгала. Просто самым грубым образом солгала. Она сказала, что работает председателем колхоза под Москвой. О-о, это как бы послужило сигналом. Теперь уж только ее одну спрашивали. Она едва успевала отвечать. И если прежде гиду приходилось главным образом переводить с чешского на русский, то сейчас он только был занят переводом с русского на чешский. И если бы кто-нибудь со стороны взглянул на этих людей, собравшихся в поле, то, конечно же, решил бы, что главным гидом здесь женщина в пенсне — Ольга Александровна Зеленская. А экскурсанты — это чехословацкие крестьяне. Она рассказывала им о теплицах, об искусственном дождевании, об уходе за коровами...

...Из поездки она вынесла одно: что ни в коем случае без дела оставаться не будет. Прямо с поезда прибежала на ферму. Рассказала дояркам о путешествии, о том, как ухаживают за коровами в Польше, Чехословакии. Слушали ее со вниманием. Потом забежала в теплицы.

Вновь пороги районного начальства! Но районное начальство было твердо и непоколебимо. Из вежливости выслушивали. Но ответ был всегда один: вы «уже старая женщина, вам уже пора с ярмарки». И все те, кто произносил эти слова, держали себя так, словно старость им не грозит, словно земля признает только молодые руки, словно на свете нет людей с большим жизненным опытом, с большими агрономическими знаниями. Да, конечно, нужно широко выдвигать молодых, и с этим никто не спорит. Но ведь речь здесь шла о крупном, видном специалисте сельского хозяйства, который с годами стал более зрелым, более умным руководителем.

Их не интересовало, что удои в совхозе упали, что ухудшилось птицеводство. Они думали только об одном: «Зеленскую долой с «ярмарки»! Ольга Александровна просила, чтобы ей дали работу без зарплаты. «Буду помогать». «Нет,— отвечали ей,— вам тут делать нечего».

И вот, потеряв всякую надежду поправить дело, написала письмо Никите Сергеевичу Хрущеву.

...Мчимся по Ярославскому шоссе. Позади осталась мухинская скульптура рабочего и колхозницы, та самая, возле которой расстались с Зеленской во время ярмарки, кварталы новых высоких домов. Показались покрытые снегом поля, рамы теплиц, трубы котельных. Обычная для Подмосковья картина. Мы доехали до Тарасовки и свернули налево, в Черкизово. Не успели произнести фамилию Зеленской, как десятки прохожих, перебивая друг друга, стали объяснять, как лучше проехать к ней. И тут нельзя не вспомнить, как еще несколько дней тому назад звонил я в Мытищинский райисполком. К телефону подошел дежурный. К этому времени было опубликовано уже в газетах выступление Н. С. Хрущева. Я у дежурного спросил, не назовет ли он телефона Зеленской. Он ответил, что такая ему неизвестна. Тогда я в сердцах сказал, что в речи Никиты Сергеевича чуть ли не половина газетной полосы посвящена ей, нашел ведь время Первый секретарь ЦК КПСС познакомиться с Зеленской. И тут дежурный ответил: «Ну, это вы преувеличиваете, положим, не половину». Значит, читал!

Вы скажете: пустяк, к чему вспоминать такое? Но это не пустяк. Не принято у нас говорить о журналистской работе. Но в истории, о которой здесь идет речь, безусловно, сыграл почетную и благородную роль журналист Е. Андреев из газеты «Сельская жизнь». Уже после того, как Ольга Александровна обратилась с письмом к Никите Сергеевичу, уже после того, как было дано указание дать работу Зеленской, районные организации ничего для нее не сделали. И вот об этом стало известно корреспонденту газеты «Сельская жизнь». Он отправился в Мытищинский райком партии, зашел к секретарю райкома тов. Борисову. Ему не верилось, что Борисов отказался поговорить с Зеленской, бывшим председателем передового колхоза, выслушать просьбу, помочь ей.

— Я не знаю Зеленскую,— сказал Борисов корреспонденту.—Никогда ее не видел и говорить о ней не буду.

Какая разница между ним и дежурным? Значит, ответ дежурного на мой вопрос вовсе не случайность. Все эти дни после опубликования выступления Никиты Сергеевича Хрущева люди с огромным удовлетворением, с огромной радостью, благодарностью говорили и о той части речи Н. С. Хрущева, где упоминается история этой женщины. И только руководители в Мытищах об этом предпочитают молчать.

Мы приехали к Ольге Александровне в обеденный перерыв. Она только что вбежала домой из теплицы, чтобы выпить чашку чая и сразу же вернуться обратно. Непрерывно дребезжал телефон. Ее поздравляли, у нее много друзей... Да, Ольга Александровна действительно помолодела, и не менее чем на десять лет! Она теперь занята! Я беседовал — и это без всякого преувеличения — с самой счастливой женщиной на свете!

...Ни одного звонка ни из райисполкома, ни из райкома партии, ни из конторы директора совхоза Панкова. Кстати, а где он? Как он отнесся к тому, что было сказано в Москве о нем на Пленуме Центрального Комитета? Оказывается, Панков, как только прибыли из Москвы газеты, укатил на «Волге» бежевого цвета и больше нигде не появляется. Одни говорят, что он дипломатически захворал, другие, что пишет заявление, а ведь, честное слово, куда вернее было бы приехать на отделение Ольги Александровны, поздравить ее, вместе с ней обсудить, что предпринять в ближайшее время. Дело в том, что Ольге Александровне предложили должность директора совхоза, и, как все мы помним, Никита Сергеевич на Пленуме ЦК КПСС так и сказал: «Я бы тов. Зеленскую назначил директором совхоза. Уверен, товарищи москвичи, она показала бы вам кузькину мать. **(Смех в зале).** Ручаюсь, что тов. Зеленская поднимет производство. **(Аплодисменты)».** А Зеленская отказалась от этой должности и пошла работать заведующей отделением совхоза. И, как вы видите, не только Панков, но и все остальные руководящие работники района не пожелали пожать руку человеку, который настоял на своем, настоял в интересах дела, и только дела!

Мы сидим в маленьком, немного покосившемся домике Ольги Александровны и пьем чай с клубничным вареньем. Ольга Александровна показывает мне платочек, подаренный ей крестьянками в селе близ Готвальдова, книжки. Говорит, что, как только наладит дело, обязательно свяжется с этим селом: надо помочь им, можно многим помочь — опыт у нас большой. В это время вбегает Нелли Васильевна, она торопит Зеленскую. Идет окуривание теплиц, что-то произошло в котельной. Терентьева мимоходом роняет мне:

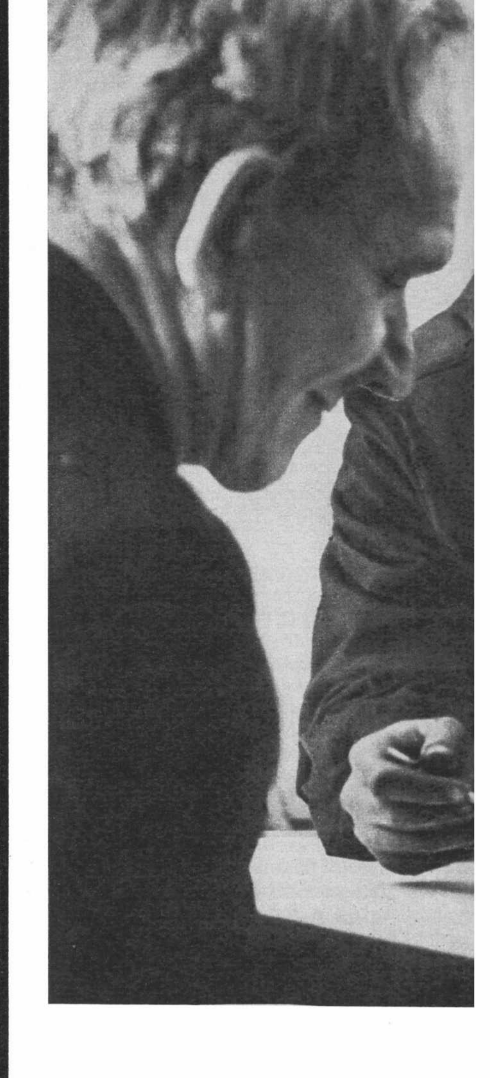
— Ну, правду я вам говорила? Честное же слово, помолодела на десять лет.

Но я и не думаю спорить.

О. А. Зеленская и Н. В. Терентьева.

Фото Риммы Лихач.

СКАЗА

Всегда быть впереди... Так повелось в локомотивном депо Москва-Сортировочная от первого коммунистического субботника, который В. И. Ленин назвал великим почином. Не случайно заповеди бригад коммунистического труда, вывешенные в цехах, начинаются так: «Даешь самую высокую производительность труда!» «Даешь» — это звонкое слово советские люди пронесли сквозь битвы гражданской войны и трудные будни первых пятилеток, через годы и годы...

Еще встречая XXI съезд нашей партии, первая бригада тепловозоремонтного цеха решила стать бригадой коммунистического труда и в ноябре 1958 года заво-

НО—СДЕЛАНО—НАШ ДЕВИЗ

евала это высокое звание. Потом пошло по цепочке — бригада за бригадой, цех за цехом включались в движение передовиков семилетки.

5 января 1961 года всему коллективу депо было присвоено звание предприятия коммунистического труда. Вдохновленные трудовой победой и приветствием Н. С. Хрущева, железнодорожники встали на вахту в честь XXII съезда КПСС и приняли новые, повышенные обязательства, каждый пункт которых — это десятки часов экономии на ремонте тепловозов и электровозов, это сотни тысяч рублей, дополнительно освобожденных для строек семилетки. А слово здесь держат крепко!

Ю. КРИВОНОСОВ
Фото автора.

На снимках:

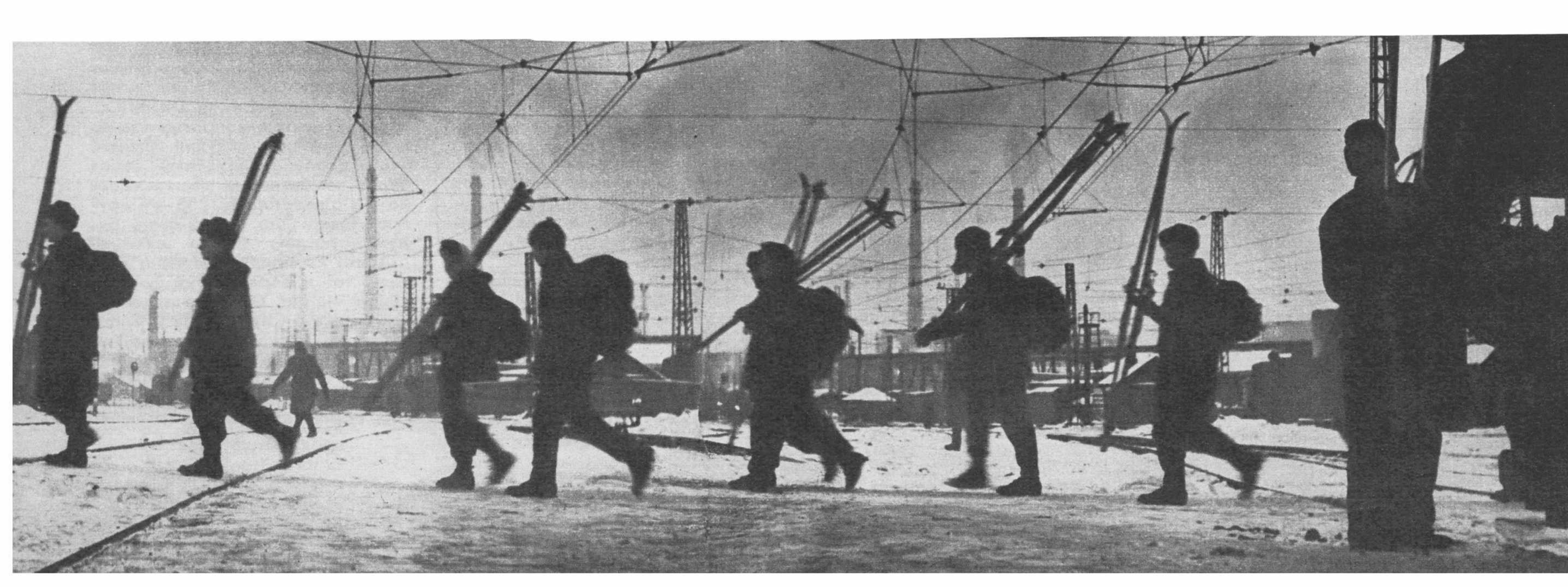
Никиту Широкова, Виктора Шаройко и Геннадия Гудкова часто можно видеть в лаборатории рационализаторов.

Еще один тепловоз отремонтирован досрочно. Бригада малого периодического ремонта — зачинатель движения бригад коммунистического труда в депо.

→ Ремонтникам доверена сложная техника.

Позади трудовая неделя. Субботним вечером молодые рабочие отправляются в туристский поход. ↓

Хозяин гречишного поля Петр Михайлович Стрекалов.
Фото Е. Савалова.

Всем кашам каша!

Дорогая редакция!

Из газет я узнала, что товарищ Н. С. Хрущев поздравил бригадира колхоза имени 1 Мая, Солнцевского района, Курской области, П. М. Стрекалова с замечательным урожаем гречихи. Я тоже рада успеху курских колхозников. Нам, женщинам-хозяйкам, без круп никак нельзя. Без них и суп не заправишь и второе блюдо не приготовишь. Мне это хорошо известно еще и потому, что я не первый год работаю поваром в детском саду фабрики «Большевик». Очень любят дети гречку, она всем кашам каша! Пусть ваш корреспондент приедет к нам и убедится в этом. Аппетит, с каким дети едят гречневую кашу,— лучшее признание! Бригада П. М. Стрекалова сеяла сорт «Богатырь». Вот я и хочу сказать: чем больше будет круп в магазинах и разных каш в меню, тем быстрее вырастут наши маленькие богатыри.

Купцова Мария Ивановна, повар детского сада фабрики «Большевик».

г. Москва.

Н. БЫКОВ

Воспользовавшись приглашением Марии Ивановны, я побывал в детском саду московской фабрики «Большевик». Я выбрал день, когда в обеденном меню значилась гречневая каша.

В полдень краснощекие карапузы вернулись с прогулки. Первое интервью дал бойкий Миша.

— Миша, ты любишь кашу?

— Люблю! — задорно ответил Миша.

— И я люблю! И я!..— наперебой высказывались любители каши.

И вот, наперегонки разделавшись с супом, ребята приступили ко второму. На тарелочках возвышались холмики душистой, рассыпчатой каши. Гречневая, с мясной подливкой! В комнате наступила тишина — абсолютная, если не считать глухого перестука ложек и легкого посапывания обедающих. Вот уж действительно: хороша кашка, да мала чашка!

Гречиха!.. Как случилось, что об этой древней, исконно русской сельскохозяйственной культуре с тревогой заговорили в проблемных статьях, на совещаниях, а раньше всего в продовольственных магазинах, на прилавках которых так редко появляется гречневая крупа?

В сказках народных непременным блюдом на столе богатырей, а также людей, понимающих толк в яствах, всегда была каша. Горшок с нею появлялся в самые торжественные минуты. Можно с уверенностью сказать, что это была каша гречневая, а не какая-нибудь другая!

Гречиха и в самом деле культура сказочная. Именно она дает лучшую по своим качествам крупу. Химический состав ее зерен почти не отличается от состава хлебов. И по урожайности гречиха ничуть не уступает пшеницам.

«Прописана» гречиха на самых различных широтах; в этом ее большое преимущество. Она прекрасно растет и на Украине — в Черниговской, Житомирской, Киевской областях,— и в Белоруссии, и в областях Центральной черноземной зоны, и на севере, где посевы ее доходят до Вологды и Перми, и на востоке, особенно в Татарии, Башкирии, и в Сибири — вплоть до Красноярска. Почва? Почти любая годится: черноземная, песчаная, кислая. Хороши для нее и только что освоенные земли — целинные.

Гречиху наряду с рожью по праву можно назвать хлебом севера. Она может, говоря языком купеческим, озолотить области, небогатые землей. Но и повозиться с ней надо, не без этого. Капризная! Такова уж ее биология. И солнечного-то перегрева боится, и переопыляется без посторонней помощи плохо, и время цветения, а значит, и вызревания очень уж у нее растянуто, и осыпается при неумелой уборке.

В общем, требует гречиха к себе внимания, заботы. Лодырям каша в руки не дается. А тут не только про уход, а и про самую гречиху забыли: перестали сеять в одной области, в другой, в третьей...

И вот за какие-нибудь два-три года гречиха оказалась в числе заброшенных культур — вместе с тем же просом, горохом, ячменем... Посевы ее резко сократились, заготовлено гречихи в прошлом году в несколько раз меньше, чем в 1956-м. Создалось положение, когда людей, сеющих ее и получающих высокие урожаи, страна знает поименно. Одно такое имя стало известно из поздравительного письма Никиты Сергеевича Хрущева, адресованного курскому бригадиру Петру Михайловичу Стрекалову. Это же имя с благодарностью называет в своем письме в редакцию журнала и повар детского сада.

Бригада Петра Стрекалова собрала в минувшем году по сто двадцать пудов гречихи с каждого из пятидесяти четырех гектаров. Урожай отменный! Письмо бригадира товарищу Н. С. Хрущеву прочли по всей стране. Быть может, этот человек, мастер урожаев, поможет понять, что произошло с русской гречихой?

С Петром Стрекаловым я встретился в московской гостинице как раз в дни работы Пленума. Это было на следующий день после посещения детского сада фабрики «Большевик». Я рассказал о том, что видел в детском саду, и мы вместе с колхозным бригадиром порадовались аппетиту малышей, которые давно и высоко (не в пример некоторым дядям из Министерства сельского хозяйства СССР) оценили гречку.

Заговорили о ней.

— Получается, что такие, как вы, заново открыли ее? — спросил я Стрекалова.

— Нет тут никакого открытия,— ответил бригадир чуть раздраженно.— И проблемы никакой нет. Сеять ее надо, только и делов!

Видно было, что ему даже не по себе от такого разговора.

— Скажут тоже, открытие! — усмехнулся Стрекалов.— С мальства мы эту гречиху знаем. Отцы, деды ее сеяли. Я припоминаю: отец еще за конной сеялкой ходил, а кашу лопали — аж за ушами трещало! Без масла хороша была...

Он помолчал, потом остро глянул прямо в глаза.

— Теперь вот масло есть, а каши — пустой горшок. Спроси меня, когда я ее, гречневую, ел!

— Отчего так?

— Сдаем всю гречиху, себе только на семена оставляем. А сдавать приходится полностью оттого, что мало кто ее вокруг нас сеял. Почему не сеяли? Причина простая. Кое-кто еще не отвык от того, что на все план «сверху» идет. А плана-то на гречиху в последнее время и не спускали. Ну, ленивый хозяин и рад-радешенек ее вовсе позабыть. У государства нужда в крупе, оно за гречиху большие деньги платит, а ее не сеют — и точка. Теперь-то с этим разобрались!

В бригаде самого Петра гречиха не случайный гость, а ее урожай в прошлом году не результат удачного эксперимента. В бригаде давно уже введен севооборот, и гречиха вместе с кукурузой, клевером, просом, пшеницей занимает в этом севообороте свое вполне законное место.

О гречихе Петр рассказывает куда охотнее, чем о себе. И все же я узнал, что молчаливому густобровому человеку всего тридцать один год. В колхозе родился, учился, там и живет безвыездно со своей семьей, а она у него не маленькая — сам пятый. Петр — бригадир механизаторов. Оттого и уход за всеми полями в бригаде правильный: в его руках машины, знания.

Сам Петр с детства возле машин. Лет десять был трактористом. Законы жизни земли и зеленого мира у него в сердце. Это чувствуешь во всем его облике — облике человека земли, спокойного, большерукого, неторопливого, продумывающего каждую фразу. Когда речь снова зашла о гречихе, он оживился. И я сразу увидел его среди июльского, густо осыпанного цветами гречишного поля. На меже остался мотоцикл, а бригадир уходит все дальше и дальше, в самую дурманящую кипень. Тишина! Только пчелы гудят вокруг; их тысячи! Без них большинство цветов гречихи не опыляется. Явление, отмеченное еще Дарвином. О нем хорошо знают такие мастера, как Стрекалов. На свое гречишное поле Петр велел свезти все улья из Сорочина — около двухсот. И вот с зари до зари гудят крылатые труженицы.

— Пудов двадцать дополнительного зерна с каждого гектара мы получили благодаря пчелам,— заметил Петр.— Да еще меда килограммов по двадцать тоже с гектара. А медок-то какой — опять же гречишный!

Гречиха местами еще цвела, а уж комбайнер бригады Стрекалова косил ее. Два дня дозревала она в валках, потом подобрали комбайном.

— И осыпаться не успела, родимая! — улыбнулся вдруг бригадир. И тут в нем сказался механизатор и хозяин.

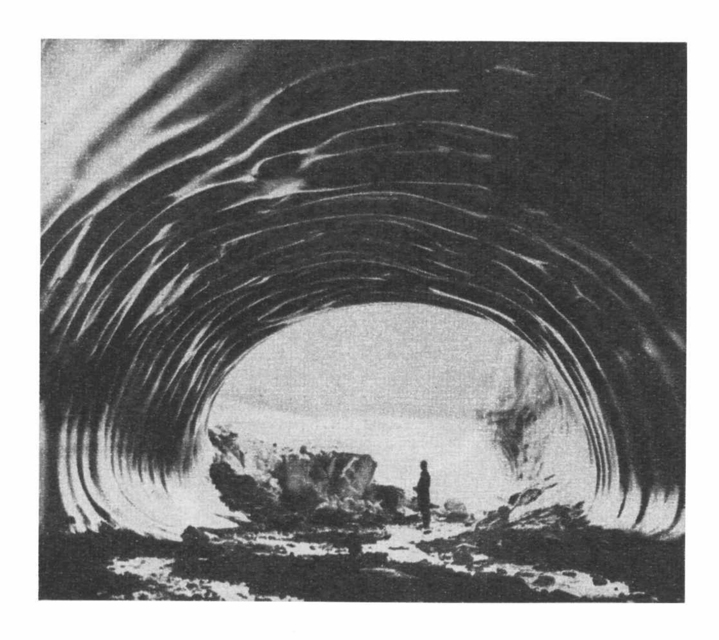
Стрекалов рассказал нам, как в области отозвались хлеборобы на письмо Никиты Сергеевича.

— Словами, обещаниями теперь не отделаешься, сеять будем гречиху. Сеять! Нам без каши оставаться — позор!

Слушал я его, а сам думал: надо не только по-стрекаловски работать, но и по-стрекаловски держать свое слово. Честное, доброе слово землепашца! Еще задолго до весны бригада Петра решила вырастить стопудовый урожай гречихи. И вырастила. Да не сто, а сто двадцать пудов намолотила с гектара! Будь ты бригадир или председатель, свинарь или секретарь райкома, обязательно оставайся хозяином своему слову, мастером своего дела! Эта мысль звучала чуть ли не в каждом выступлении на Пленуме ЦК КПСС.

— Да, многие вопросы,— заметил Стрекалов,— обсудил Пленум, будто пропустил хлебный ворох через комбайновые решета. Зерно — в одну сторону, сор — в другую. Теперь это зерно сеять будем!..

А что касается собственно гречихи, то и вправду тут никакой проблемы нет. Сеять ее надо — и вся недолга! Сеять и знать. Знать и любить. Тогда не будут за нашим советским столом говорить: хороша кашка, да мала чашка,— хватит ее большим и маленьким. Она, гречневая, всем кашам каша!

Ледяное «метро»

Это не искусственный подземный ход, не тоннель и не галерея. Это расположенный на северо-западном побережье Новой Земли ледник. Гигантские своды и форма тоннеля, созданного самой природой, вызывают удивление и восхищение. Участники нашей гляциологической экспедиции по программе МГГ дали ему наименование «Метро».

Каким образом родился ледник? Он возник в долине ручья. Ветер постепенно наносил снег, не успевший стаять за короткое полярное лето. Образовался так называемый снежник. Он превратился в многолетний фирн (плотный, слежавшийся зернистый снег), ежегодно цементируемый талой и снова замерзающей водой, и, наконец, в лед. «Метро» медленно движется по уклону.

В обрывах ледника «Метро» мы видели годовые слои прироста фирна и льда, подобные возрастным кольцевым концентрическим линиям на пнях многолетних деревьев. Через весь ледник длиной свыше двухсот метров проходит естественный тоннель, промытый когда-то талыми водами. Ледяной грот обнажается только на короткий срок летом.

Е. ЗИНГЕР,
научный сотрудник Института географии АН СССР
Фото автора.

Соперница кожи

Вы знаете, сколько пар кожаной обуви будет выпущено в 1965 году? 515 миллионов! Но потребности людей постоянно растут. Химикам нужна, например, обувь, не разъедаемая кислотами и щелочами, машиностроителям — ботинки, не боящиеся смазочных масел, геологам — сапоги, приспособленные к условиям тайги, гор, болот, родников.

Проверено, что подошвы из натуральной кожи в среднем изнашиваются: детьми за 70 дней, мужчинами за 110 дней и женщинами за 160. А вот пару обуви на микропористой подошве не износишь и за два года. Но все же у микропорки существенный недостаток: она тяжела, нога в туфлях на резиновой подошве быстро устает.

А как сделать подошву из микропорки эластичней, прочней и легче кожаной? Недавно сотрудникам лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института искусственной кожи, возглавляемой кандидатом технических наук Б. А. Сафраем, удалось получить почти невесомую подошву из микропорки, даже легче пробки.

Как это удалось?

В резиновую смесь было введено порообразующее органическое вещество. Оно выделяет при высокой температуре газ. Это «тесто» помещали в вулканизационный аппарат, в котором поддерживалось высокое давление, не позволяющее газу расширяться. Потом давление уменьшали, и газ начинал расширяться. Выйти из «теста» он не мог, так как его не пускала образовавшаяся твердая резиновая корочка. Газ рвался наружу, разрыхляя резиновую массу, пробивал в ней «ходы», делая ее легкой и воздушной...

Кто работал в резиновых перчатках, знает, как быстро руки становятся мокрыми. Резина задерживает влагу, выделяемую порами человеческого тела. То же самое происходит с ногой, обутой в резиновый сапог. Из ноги человека за сутки испаряется около стакана влаги. Она легко уходит вместе с воздухом через поры кожаного ботинка.

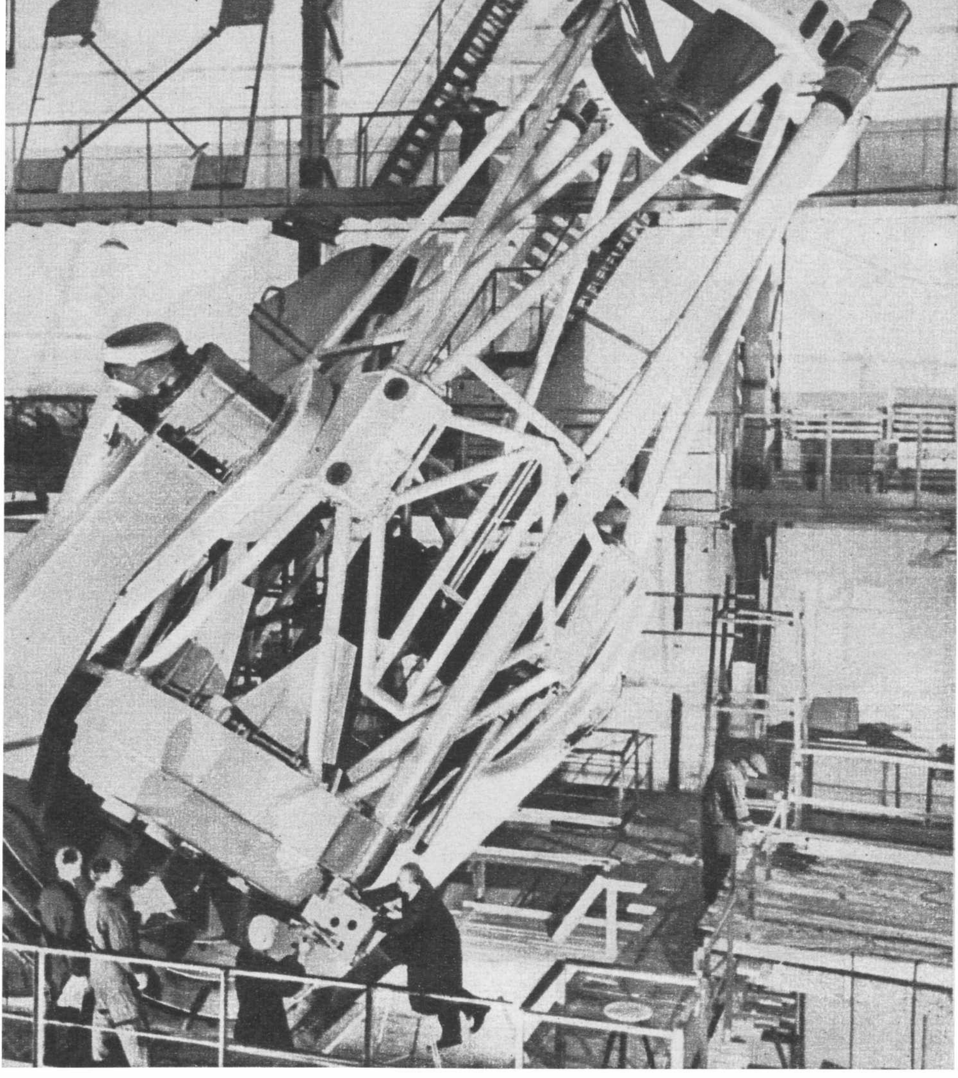
Как же создать эти поры в искусственной коже?

Ответ на этот вопрос дал талантливый изобретатель-химик П. Ф. Сапилевский.

В смесь синтетического каучука и специальных смол, которыми покрывается ткань при производстве искусственной кожи, Сапилевский предложил добавлять тонко измельченный хлористый калий. А после термической обработки полученную кожу промывать водой. Соль при этом растворяется, но оставляет на коже множество микроскопических пор, через которые свободно проходит воздух.

Искусственному материалу можно придать любую фактуру: блестящей лайки, крокодиловой кожи, бархатистой замши или тонкого шевро.

М. АНГАРСКАЯ

Первый в Европе

Скорый поезд, уходивший из Ленинграда на Юг, имел необычный вид. К нему была прицеплена открытая платформа, на которой возвышался какой-то груз, обшитый досками. Пассажиры с недоумением спрашивали:

— Где это видано, чтобы к скорому прицепляли товарную платформу!

А на платформе лежало аккуратно упакованное... зеркало, такое зеркало, каких никогда еще не приходилось транспортировать железнодорожникам. И прицепили платформу к скорому для того, чтобы как можно быстрее доставить необычный груз в поселок Научный. Там под куполом специально выстроенного здания монтировали мощный зеркальный телескоп, созданный на Ленинградском оптико-механическом заводе.

Главное зеркало телескопа — дело трудное и для конструкторов и для ученых. Гигантская заготовка была отлита на одном из стекольных заводов Московского совнархоза. На этом же заводе оптики производили первоначальную обработку будущего зеркала. А затем доставили его в Ленинград на оптико-механический завод. Там-то и начались самые сложные работы. Пришлось даже построить особое помещение, где поддерживались строго необходимая температура и влажность воздуха. На одном из отечественных заводов спроектировали и создали редкий шлифовально-полировочный станок.

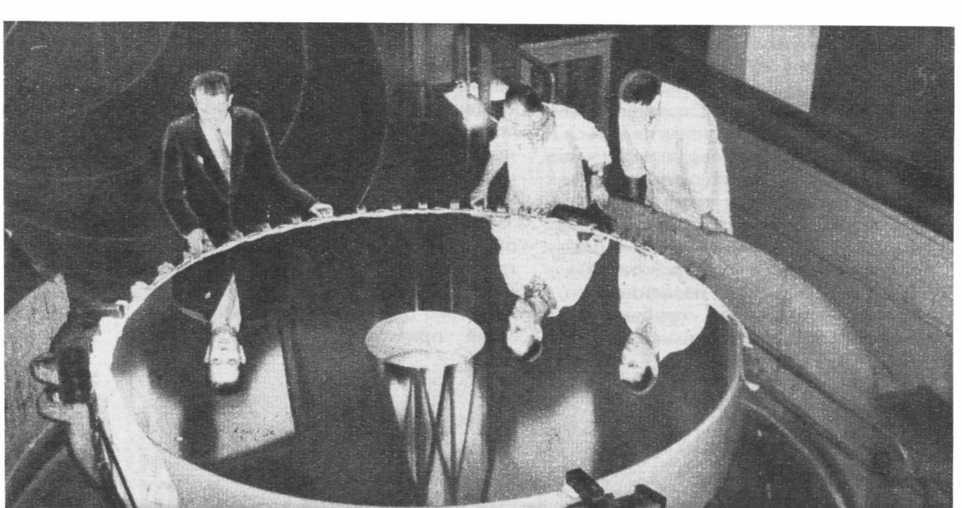
Не один месяц лучшие оптики завода под наблюдением инженера В. В. Ошурко обрабатывали многотонную заготовку. Ведь допуски на отделке отражающей поверхности составляли тысячные доли микрона. После мелкой шлифовки и полировки зеркалу была придана параболическая форма. Нелегким оказался и последний этап изготовления зеркала — алюминирование его отражающей поверхности. Оптики сумели достичь идеальной зеркальной пленки, толщина которой одна десятая доля микрона.

Это гигантское зеркало, как и весь новый телескоп, установленный в Крымской астрофизической обсерватории, — крупное достижение советской оптической техники. Член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Максутов, участвовавший в создании телескопа, рассказывает:

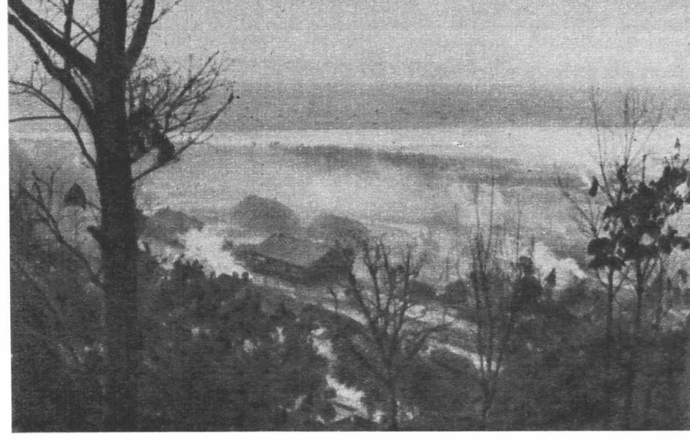
— Телескоп с зеркалом, диаметр которого 2,6 метра, разработан лауреатом Ленинской премии Багратом Константиновичем Иоаннисиани. Это современный инструмент, интересный по своей конструкции. В нем применены последние достижения науки и техники. Управление телескопом автоматизировано. Стоит только нажать кнопку на пульте — и телескоп устанавливается на необходимые координаты и «следит» за звездами. Впервые в таком инструменте использованы гидростатические подшипники, которые обеспечивают точность и плавность вращения телескопа. Экспозиция съемки звезд в зависимости от их яркости продолжается от нескольких минут до нескольких часов. Новый телескоп, названный именем академика Г. А. Шайна, по своей величине первый в Европе. Есть два бо́льших телескопа в США. Мы надеемся, что мощный астрономический инструмент, установленный в Крымской астрофизической обсерватории, еще более раздвинет перед нами пределы Вселенной.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимках: вверху — телескоп в заводском цехе; внизу — главное зеркало телескопа.
Фото О. Перцова и А. Бурова.

ОЛЕН

Поселок «Майхэ».

Семен ШУРТАКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Если от Находки подняться долиной реки Сучан до города Сучана, а затем повернуть на запад, в сторону Уссурийского залива, то можно попасть в оленесовхоз «Майхэ». Он раскинулся по лесистому берегу реки, которая и дала ему имя.

Миновав центральную усадьбу совхоза и фермы серебристо-черных лисиц и норок, вы увидите широкий распадок, а в нем — несколько деревянных строений: домик, дворы, навесы. Строения эти огорожены, а если приглядеться повнимательнее,— незаметной в лесу зеленой сеткой огорожена и вся прилегающая к дворам тайга.

За этой высокой сеткой красивейшие в мире животные — пятнистые олени. Они столь красивы, столь изящны, что название это кажется если и не грубым, то слишком уж прозаичным. Да, в отличие от обыкновенных оленей шерсть у них на спине покрыта белыми пятнами. Но неужто, кроме этого, ничего не увидел человек, впервые так назвавший это животное?! Неужели не заметил он умных, почти человеческих глаз и чутких ушей, не увидел, какие стройные и сильные ноги у животного, какая нежная шерсть — светлая, бежевая под грудью и на боках и похожая на попону, красноватая на спине?! И не пятна вовсе, а чудесные белые цветы раскиданы по этой красноватой «попоне». Недаром же китайцы именно так и назвали это редкое грациозное животное: хуа-лу — олень-цветок!

Дубы, ясени, маньчжурский орех, мелколистный клен, тис и граб, лимонник и виноград — каких только родов и видов растительного царства не увидишь в богатой приморской тайге! Среди этого зеленого царства, защищенные человеком от диких хищников, мирно — точь-в-точь телята на лугу — пасутся олени.

Олень — животное необыкновенно чуткое. Где-то что-то стукнуло — в то же самое мгновение вскинулась от травы голова, туда-сюда запрядали сторожкие уши. Каркнула ворона на соседнем дубу — вздрогнула оленуха и опять навострила уши. Будто строго спрашивает животное: что там, в чем дело?

Олень — особенно ланка — существо не только безобидное, но и почти беззащитное. Разве что заяц его не может обидеть. В борьбе с врагами у оленя одно оружие — рога. Но рога даже у самцов бывают не круглый год, у оленух же их и вовсе нет.

Одна ланка заметила меня, подняла голову, наладила в мою сторону уши и замерла, окаменела. В черных, блестящих, необычайно выразительных глазах вопрос: откуда ты взялся и что тебе надо здесь? Мне хочется успокоить оленуху, и я тоже взглядом говорю ей: не бойся, ничего плохого я тебе не сделаю. Как бы в ответ на это оленуха чуть скашивает глаза в сторону, туда, где стоит, так же как и мать, неподвижно замерший ее маленький детеныш. «Я боюсь за него, — говорит она, — он ведь еще совсем беспомощный».

Так мы стоим, не отводя взгляда, минут, наверное, десять, если не больше. В конце концов малышу это пристальное разглядывание надоедает, он делает к матери шаг, другой и тыкается мордочкой ей под брюхо. Мать осуждающе поводит ухом в его сторону: вот, мол, нашел время. А глаза по-прежнему внимательно следят за мной. Я тихонько ухожу. И тогда только оленуха успокаивается, тогда только она поворачивается к сосунку и нежно облизывает его. Но и все равно, стоит мне оглянуться — моментально вскидывается голова и навастриваются в мою сторону «радары».

Да, конечно, трудно, очень трудно животному победить в себе вот эту пугливость, это недоверие к человеку. Всегда много врагов было у оленя-цветка, и инстинкт, вырабатывавшийся в течение веков и веков, заставляет его теперь видеть, подозревать опасность везде, даже и там, где ее нет. Ведь хорошо знает оленуха, что люди, которых она видит каждый день, не только не причиняют ей никакого вреда, наоборот, когда в тайге не хватает корма, там, под навесом, дают ей корм. Знает, но... но в ее крови течет кровь предков, для которых человек никогда не был другом, а был таким же, если не более страшным, зверем, как и все звери. А этот, которого она только видела, и совсем чужой, незнакомый — его просто нельзя не бояться...

Как же, как же пересилить в животном вот этот исконный страх перед человеком, как заставить его поверить в то, что человек ему не враг?

Над решением этой очень увлекательной и очень нелегкой задачи вот уже не один год работает

Ь-ЦВЕТОК

Леонид Петрович Рященко — старший научный сотрудник хабаровского научно-исследовательского института. Совхоз «Майхэ» — один из опорных пунктов этого института.

Познакомился я с Леонидом Петровичем при не совсем обычных обстоятельствах.

Мой приезд в совхоз совпал по времени со срезкой пантов у оленей, и я, естественно, попросил, чтобы мне показали, как это делается.

Панты — это молодые, ежегодно нарастающие рога оленя-самца. Они появляются у него весной, и если летом их не срезать, то к осени они окостенеют, олень проносит их зиму, а по весне сбросит.

Зачем же срезают молодые рога?

Они таят в себе чудодейственную силу, возвращающую людям здоровье и молодость. Китайцы знали это еще очень давно и всегда необычайно высоко ценили пятнистого оленя, предпочитая его панты пантам изюбра или марала. Теперь же, если и не все знают, что такое оленьи панты, то множество людей пользуется различными медицинскими препаратами, изготовленными из них. Во всяком случае, о пантокрине, наверное, слышали все.

Раньше был только один способ получить панты — выследить оленя в тайге и застрелить его. И если бы мы и до сих пор добывали панты этим именно способом, пятнистых оленей можно было бы видеть разве что в зоопарках. Их и так осталось немного: водятся они лишь в Китае, Корее да в нашем Приморье — и все.

Поэтому с некоторых пор большие участки девственной тайги начали обносить заграждением, за ним содержат оленей. На зимний период строят дворы или навесы, где животных подкармливают.

В дворах этих обычно и устраиваются глухие, закрытые стойла, из которых оленя загоняют в станок для срезки пантов.

Делают так. Двое рабочих, аккуратно одетые — в сапогах и спецовках — входят в темноватый коридор, в конце которого находится станок. Один из этих рабочих прячется над станком, а другой выманивает оленя из стойла в коридор.

— Мось! Мось! — позвал рабочий, и я слышу через дощатую переборку, как вздрогнул в стойле олень, как он дробно переступил с ноги на ногу.

Но голос знакомый, он к нему уже привык,— значит, ничего страшного.

— Мось! Мось!

Олень выходит из стойла, и дверь за ним закрывается. Теперь он в узком коридоре, задняя стенка которого начинает тихонько двигаться и поджимать животное к станку. По опыту олень знает, что ничего хорошего станок ему не сулит, но коридор настолько узок, что в нем даже не повернешься. Можно идти только головой вперед. Впереди неожиданно открылся просвет — вот оно, спасительное окно, через которое можно вырваться из темного коридора в светлый, зеленый мир! И хотя олень тоже по горькому опыту знает, что это почему-то никогда не удается, все же желание во что бы то ни стало вырваться на волю в тот миг ослепляет его, он делает резкий прыжок и... И снова, как было уже не раз, голова его действительно на воле, но пол ушел из-под ног, и туловище зависло между двух скошенных стенок. А чтобы уже и совсем нельзя было выпрыгнуть из щели, сверху на хребет уселся человек, а другой прикручивает голову к станку.

Теперь прямо передо мной — рукой достать — молодые оленьи рога. Они мало чем похожи на рога в нашем обычном понимании. Набухшие кровью, которая просвечивает сквозь молодую кожу персикового цвета, рога покрыты нежными волосками и, если потрогать их, податливо проминаются под пальцами.

Рабочий, выманивавший оленя в коридор, сейчас ловко, быстро завершает операцию по срезке пантов. Видно, что делает он это не впервые: каждое движение его уверенно и точно.

Вот и опять я сказал: рабочий. А ведь этот рабочий, как мне теперь объясняют, и есть кандидат наук Леонид Петрович Рященко. Да, на нем синяя спецовка и кирзовые сапоги, у него лицо и руки рабочего или, если хотите, крестьянина, крупные, сильные. От него, что называется, пышет здоровьем, и как-то весь его облик находится в резком контрасте с обычным нашим и, к сожалению, ставшим довольно распространенным представлением об ученом человеке.

Сибиряк по рождению, Леонид Петрович Рященко сразу же по окончании Дальневосточного университета в 1932 году уехал работать в тайгу. В нынешние времена такой поступок некоторые особо тонкие, «высокоорганизованные» натуры из числа оканчивающих вузы готовы считать чуть ли не подвигом. А уж в заслугу такое ставится почти определенно. Как это сказано в поэме Василия Федорова «Седьмое небо»:

И малые сегодня версты
Готовы ставить людям в честь.

А ведь никакого подвига тут вовсе и нет. Во всяком случае, Леониду Петровичу ни тогда, ни позже не мерещилось в своем поступке ничего даже отдаленно похожего на какое-то там подвижничество.

А нам поехать было просто
И буднично,
Как пить и есть.

Вот именно: просто, как пить и есть. И если уж что и надо поставить в честь Леониду Петровичу, так это не то, что он поехал в тайгу, к оленям, а то, что за свой почти тридцатилетний срок работы, имея возможность тридцать раз сменить таежную жизнь на более удобную, городскую, все же не сделал этого. И вот именно такая любовь к своему делу, непоколебимая верность и преданность ему вызывают чувство глубокого уважения к этому человеку.

Мы сидим с Леонидом Петрови-

Олени-самцы. Скоро у них снова отрастут рога.

Главный зоотехник совхоза «Майхэ» Галина Ивановна Круглова знает всех оленят «в лицо».

чем на лесной поляне, недалеко от проволочной сетки, за которой пасутся олени, и он рассказывает мне, как и с чего начинал свою работу.

Такие проволочные сетки в ходу были уже и тогда, в тридцатые годы, но олени, содержавшиеся в огорожах, мало чем отличались от диких, и нередко панты добывались все тем же древним охотничьим способом — способом отстрела.

Потом оленей по зимам стали завлекать на корм в специально построенные оленники и оставляли их там до лета, а потом, после срезки пантов, выпускали. Это было уже шагом вперед: отпала нужда в отстрелах.

Однако парковое содержание оленей имело — и по сей день имеет — серьезные недостатки. Во-первых, в копеечку обходится проволочная сетка, тянуть которую приходится на несколько километров. Во-вторых, как бы ни была девственна тайга, которую огородили, через год, через пять, через десять лет она уже не останется прежней. Зеленого корма, нужного оленям, в ней будет все меньше и меньше. Хотя за огорожей этого корма по-прежнему будет в изобилии.

Профессор П. А. Мантейфель подал идею приручения оленей до такого состояния, чтобы их можно было пасти в лесу, точно так же, как пастух пасет коров. Рященко и сам уже не раз думал об этом, и потому идея, что называется, упала на подготовленную почву. В «Майхэ» смело и широко начали проводиться опыты по одомашниванию оленей. И теперь, не через год и не через два, а через много лет после начала этих опытов, можно уже определенно говорить о вполне очевидных результатах. Извечный страх оленя перед человеком побеждается самим же человеком.

Многолетние наблюдения над животными убедили Рященко в том, что всего лучше привыкают к месту те олени, которые появляются на свет не в тайге, а в оленнике.

Известно, что оленуха перед отелом забирается в самые глухие таежные дебри и потом, когда появляется детеныш, она ревниво оберегает его, в первые дни почти не оставляя одного. С молоком матери впитывает детеныш сторожкое внимание к бесчисленным звукам и шорохам темного леса, страх перед опасностью, которая может таиться в каждом из этих шорохов, страх перед всем живым, перед всем, что может двигаться или кричать, перед всем, что может пахнуть иначе, чем пахнет зеленый лист. И вот такое пугливое существо видит человека, слышит, как он тяжело топает, как громко говорит. О! Это, несомненно, очень опасный, очень страшный зверь, решает олененок. И как бы ты потом хорошо ни относился к нему, как бы заботливо ни кормил, все равно тебе уже не победить страха, впитанного там, в глухом лесу.

И совсем другое дело, если детеныш появляется на свет не в густой таежной чаще, а в светлом, просторном оленнике. С первого же дня, если не первого часа, рядом со своей матерью он видит человека. Человек не делает ему ничего плохого, и мать тоже не очень-то боится этого «страшного» существа,— что ж, значит, и мне бояться нечего. Олененок видит человека изо дня в день, месяц, год, из олененка он уже вырос в оленя, а человек неизменно рядом с ним, как и все кругом, как вот эта зеленая летом тайга, как вот эти дворы, где зимой ему дают вкусный корм. Нет, человека определенно нечего бояться!

И тогда-то, если человек и выпустит оленя в тайгу — в неогороженную, вольную тайгу,— и побежит олень, почуяв полную свободу, и даже, может быть, далеконько забежит,— не бойся! Он все равно будет помнить, где появился на свет, где его хорошо кормили в такое голодное и холодное время; у него уже есть что-то похожее на чувство дома, как есть оно у домашних, давно прирученных животных, — и олень вернется, обязательно вернется.

Во всяком случае, в «Майхэ» ни у пастуха Василия Козлова, ни тем более у Александры Федоровой, работающей в совхозе около пятнадцати лет, олени не убегают. Они пасутся в лесу и возвращаются в оленник вместе со своими пастухами.

Конечно, какая-то доля риска все же остается. И на этом осно-

У старшего оленевода Николая Николаевича Губина олени берут пищу из рук.

Леонид Петрович Рященко.

вании некоторые слишком осторожные головы посматривают на опыты Леонида Петровича Рященко довольно косо. А не проще ли, рассуждают эти люди, кормить оленя, как корову, в оленнике — и никаких хлопот? Они, эти люди, прекрасно понимают, что при таком, стойловом, что ли, содержании оленей им надо уйму дорогого корма, а при пастьбе олень питается буквально дармовым, никакими другими животными не поедаемым. Для него, например, листья дуба — лакомство. Ему нравится и виноград, и полынь, и даже чертово дерево. И пусть деревья растут на крутых склонах, куда никакой корове не забраться, — олень достанет. И это еще не все. При вольной пастьбе увеличивается продуктивность рогачей: они нагуливают более тяжелые, более ценные панты. Все это известно осторожным людям, и все же они против пастьбы, они за стойло, то есть, говоря прямее, за спокойную жизнь.

Пишу же я так подробно об осторожных людях потому, что есть они и среди прямого начальства Рященко. А осторожность, облеченная административной властью, может уже не просто «мнение иметь», но и ставить палки в колеса.

А Леонид Петрович — он человек упорный и не робкого десятка — всерьез подумывает уже не только о том, чтобы пасти оленя в тайге, а на ночь приводить в оленник. Он подумывает о том, чтобы животные паслись в тайге и день и ночь и приходили в оленник сами. И так будет. Уже и сейчас есть олени, которые охотно идут на зов и смело берут корм. Резали панты сегодня оленю по кличке Нахал. И как вы думаете, за что его так не очень красиво назвали? Да за то именно, что корм он брал не то что смело, а просто-таки нахально. И таких «нахалов» будет все больше и больше. Надо только вести домашнее воспитание животных с самого что ни на есть младенческого возраста.

Я видел этих милых младенцев, растущих в оленнике, и мне понятно, почему с такой нежностью в голосе говорит о них Леонид Петрович. О них и нельзя говорить иначе. Даже у самого мрачного человека, наверное, один вид этих необыкновенно изящных, быстроногих и чуть-чуть смешных малышей обязательно вызовет улыбку, вызовет добрые, если не нежные чувства, как вызывают у нас добрые чувства совершенные произведения природы и искусства. Светло-рыжая «попонка» с белыми пятнышками и маленькая голова на высокой, точеной шее так легко и быстро переносится с места на место длинными, стройными ногами, что за ними и взглядом едва успеваешь.

Одни малыши бегали по оленнику, резвились, другие в ожидании своих мам лежали. Дощатая огорожа в одном месте наполовину разобрана. Маленькие перескочить через оставленные доски не могут, а вот их мамы перепрыгивают легко. И, накормив своих детенышей, мамы снова уходят пастись. А как только накопится молоко, идут в оленник. Вот появилась одна, вторая... Малыши несутся им навстречу и с лету тыкаются остренькими мордочками под брюхо. Мамы нежно нализывают своих сокровищ. Они соскучились по ним так, словно не час, а месяц не виделись, и, похоже, любви и нежности у них накопилось за это время еще больше, чем молока.

Оленухи вообще необыкновенно нежны и любвеобильны к малышам. Они часто ласкают и даже кормят не только своих, но и чужих детенышей. Я видел, как одна ланка старательно прилизывала свое чадо, а другая, от которой малыш куда-то убежал, глядела-глядела на это и, не зная, куда еще излить переполнявшую ее нежность, подошла и стала с другого бока нализывать маленького.

Я и до сих пор не могу удержаться от улыбки, когда вспоминаю эту трогательную картинку, виденную мной в далекой приморской тайге. И в моей памяти теперь как бы слилось воедино и поэтическое название красивейшего в мире животного — олень-цветок, и горячая, нежная любовь его к своим милым детенышам, и не менее горячая, выдержавшая испытание временем любовь к этим животным человека с простым, загорелым лицом и голубыми глазами — Леонида Петровича Рященко.

Деревянная душа

Наталья **СОКОЛОВА** — Рассказ — Рисунки И. **ГРИНШТЕЙНА**

Валторнист Борис Сазонов проснулся и с удовольствием подумал о том, что театр уже в отпуску, можно валяться по утрам сколько угодно, целый месяц он не будет вздрагивать от строгого постукивания палочки дирижера, не будет видеть все тот же пюпитр с облупившимся уголком и розовую блестящую лысину своего друга Осипа Данилюка.

Борис засмеялся, обхватил голой сильной рукой подушку и уткнулся в нее рыжеватой растрепанной головой. Вот висит его любимый серый пиджачок с разрезом сзади и тремя накладными карманами, а в верхнем — конверт с билетами в Сочи. Едет он не один, с ним едет красивая женщина, чужая жена, та самая, что измучила его своей недоступностью, всякими выкрутасами, гордячка, недотрога, за которой он охотился всю эту зиму и которую, по правде говоря, и не поцеловал как следует в губы, припухшие, всегда будто искусанные, такие соблазнительные. А вот едет, едет с ним, подкинув на этот месяц ребенка приятельнице, отправив в Трускавец своего мужа, театрального администратора, с его язвой желудка.

Осип Данилюк (вторая флейта) любил вести нравоучительные беседы: «Вот возьмите Бориса, он у нас добрый малый, тембр звука у него хороший, густой. Кто будет это отрицать? Но покажите вы ему какую-нибудь юбчонку, да чтоб сверху была смазливая рожица и кудряшки, а снизу пара ножек на этаких каблучках-иголочках, и готово — пойдет на край света». Но это была неправда. Он, Борис, никогда не разменивался на случайные встречи, как другие, не соблазнялся легкими победами, он всегда увлекался по-настоящему и только интересными женщинами, а не какими-то мещанскими кудряшками. А если этого увлечения ненадолго хватало, что ж, никто не виноват, значит, уж такой он поверхностный, неглубокий человек. Значит, и вправду у него «деревянная душа», как сказала когда-то мать. Зато он никогда не говорил громких слов, не клялся в вечной любви, словом, продавал товар без обмана: хотите — берите, хотите — нет.

Зазвонил телефон. Борис снял трубку, лицо его, обычно добродушно-жизнерадостное, стало растерянным; похожий на большого школьника, он ерошил свои спутанные рыжеватые волосы и бормотал что-то невнятное. Потом влез в пижамные брюки и побежал к соседке, шестидесятилетней вдове профессора, с которой жил в большой дружбе.

— Алла Николаевна! Что на меня свалилось!.. Это ужас какой-то! Нет, вы только представьте себе!.. Мне сейчас приведут сына...

— Сына? Ах, того мальчика, на которого... которому вы деньги посылаете? — Алла Николаевна, седая и пристойная, в строгом платье с глухим воротом и с длинным рядом кругленьких пуговичек вдоль прямой спины, священнодействуя, заваривала кофе.— Присядьте, Боренька, попейте со мной кофейку. Позвольте, зачем вам... это дитя? Она ведь как будто бы сама категорически настаивала, чтобы вы с ним не виделись...

— Да, Зина ставила это условием. Но теперь все переменилось. А я только что сделал новые парчовые чехлы на все свои подушки, вы же знаете... И потом билеты, билеты в Сочи. Не могу же я... Нет, это невозможно.

У каждого человека бывает первая любовь. Девятнадцатилетний Борис, студент музыкального техникума, вынужденный жить на одну стипендию, играл время от времени в оркестре одного драматического театра. В него влюбилась Зиночка, бутафорша, бледненькое, некрасивое существо с тонкими косицами и сильной волей. Борис переехал к ней в комнату. Он отогрелся в тепле, стал носить накрахмаленные и подсиненные рубашки, ел перед супом закуску, от души привязался к Зиночке с ее тоненькими косами и торчащими косточками на шее, словом, был очень доволен жизнью. Но негнущаяся Зиночка задумала переделать его по своему образу и подобию и с фанатическим энтузиазмом приступила к делу. Эта попытка, как и большинство подобных попыток, была заранее обречена на неудачу. Борис взбунтовался, отстаивая свое «я», и был с позором изгнан.

Года через полтора он встретил на улице Зинину соседку, которая не без язвительности сообщила ему, что сын весь в отца, ну, прямо вылитый... Какой сын? Борис ахнул, изумился, помянул нелестным словом Зинин железный характер. Купил на ходу бутылку шампанского, цветы и шумно вторгся в знакомую комнатку. У ребенка была корь; что-то маленькое, кисло пахнущее, попискивающее ворочалось в кроватке, завешенной от света одеялом. Зина не дала себя обнять, ледяным тоном сказала, что никогда его не любила и просит оставить в покое их, ее и сына, да, да, в покое. Она сама вывела его на площадку и сунула в руки бутылку шампанского.

Он стал посылать на сына триста рублей в месяц. Первый денежный перевод она гордо вернула, потом примирилась: видно, жилось ей трудновато. Борис, человек широкий, денег этих не жалел, о сыне особенно не задумывался, о Зине — и того меньше, он привык к этой ситуации, она его не беспокоила. И вот на тебе! Зина сломала ногу, месяца полтора пролежит в больнице. Позвонила соседка: она уезжает в деревню, могла бы, пожалуй, взять мальчика с собой, но ему первого сентября нужно в школу, он и слышать не хочет о том, чтобы опоздать в первый класс, так вот не выручит ли Борис... это ведь временно... у нее нет другого выхода...

— Это невозможно,— твердил Борис, обжигаясь горячим кофе,— немыслимо! А Сочи? И потом, куда его класть? Вот несчастье!..

— Какое же это несчастье? — поправила его Алла Николаевна, женщина в высшей степени разумная.— Так, маленькое осложнение.

Соседка Зины привезла мальчика и объемистый чемодан с вещами. Мальчик был обыкновенный — широколицый, ясноглазый, лобастенький, как бычок, неторопливо-доброжелательный, приветливый. Он протянул дощечкой свою еще по-детски полноватую руку сначала Алле Николаевне, потом Борису и назвался:

— Плюшик.

— Володя? — переспросил Борис.— Или тебя Вовой зовут?

— Меня мама всегда зовет Плюшиком...

Он деловито пояснил, что очень любит калорийные булочки:

— Знаете, такие кругленькие, по рублю? (которые у них в квартире называют плюшками) — и, бывало, в детстве все ходил за мамой, выпрашивал: «Мамочка, купи плюшик! Очень плюшика хочется». Так его и стали звать.

— Пора отвыкнуть, но у нас с мамой не хватает характера, мы все откладываем.— Он заглянул мельком через открытую дверь в апартаменты Аллы Николаевны и тихонько охнул: — Это ваш аквариум, да? А кто вам его делал? А кто вам меняет воду? А можно я вам буду помогать мыть рыбок? Я ничего не разобью, я аккуратно. Как у вас красиво! А зачем такое яйцо стеклянное на столе?

Борис, который мало сталкивался с детьми, отметил с мрачным удовлетворением, что семилетний мальчик — это все же существо довольно разумное, с которым, кажется, можно договориться, и что, во всяком случае, парчовым подушкам не грозит непосредственная опасность. Алла Николаевна, седая и величественная, оттягивая от шеи какую-то рюшку с брошкой, нагнулась и, слегка порозовев от усилия, поцеловала мальчика в светлое темечко. Потом, вздохнув, сказала:

— Первым делом, Боренька, покажите ему, где мыть руки. И объясните, что кошки не любят, когда их дергают за хвост.

После безуспешных попыток найти женщину, которая согласилась бы пожить этот месяц с мальчиком, после совещаний с мудрой Аллой Николаевной Борис сдался. Он понимал, что обстоятельства бывают иногда сильнее человека. Положение создалось явно безнадежное. Он не такая свинья, чтобы бросить ребенка на произвол судьбы, а иного выхода нет, значит...

Борис продал билет, стойко перенес тяжелую сцену объяснения с прелестной женщиной, которая нравилась ему больше, чем когда бы то ни было, и которую он совершенно незаслуженно обидел, вышел от нее злой, как черт, и очень несчастный. Он шел пешком

вдоль Арбата, проклиная отборными словами весь белый свет, ступеньки, на которых Зина сломала ногу, воображаемых обольстительных молодых людей с тонкими усиками и модными узкими брюками, которых, конечно, в Сочи полным-полно. Впрочем, ближе к «Диетическому магазину» здоровый оптимизм, свойственный Борису, взял свое: он стал думать, что, может быть, недели через две все же вырвется в Сочи, и вот она идет одна по дорожке, грустная, звеня своими круглыми сережками, погружая каблучки в песок, и вдруг слышит...

Не было в жизни Бориса более трудной поры, чем этот отпускной месяц. Непривычно раннее вставание совсем измучило его, и он целый день ходил с тяжелой головой, плохо соображая, что к чему. День проходил незаметно: отправить Плюшика в школу, покормить, вывести погулять (не может же ребенок без воздуха!). А тут еще заболела теща Данилюка; Борис одолжил ему чуть ли не все наличные деньги и теперь должен был подрабатывать, играя то в парке на танцплощадке, то на гражданской панихиде. Под парчовыми подушками стояла кастрюля с горячей картошкой, обернутая в газету; на полу, не таком блестящем, как раньше, валялись детали Плюшикиного конструктора, сломанные цветные карандаши, какие-то гаечки и гвоздики; у двери в мокрой лужице лежала на боку детская калоша.

В первый же день Плюшик вышел из школы в необыкновенно радужном настроении и всю дорогу, ухватившись за палец Бориса, изливался:

— А мальчик, который со мной сидит, в очках. Его пересадят ближе к доске, потому что он близорукий... А я попробовал мел, он невкусный... А нас выводили на пятиминутку в зал. А учительница веселая и совсем не страшная, самая обыкновенная. Она, знаешь, как хорошо рассказывает?

— Что же она рассказывает?

— Там такой шум, разве услышишь? — Он пожал плечами.— А отчего я не близорукий? А близорукими родятся или делаются? — Он не решался сказать «папа», а «дядя Боря» — это тоже как-то не выговаривалось, и вопрос о форме обращения оставался открытым.— А учительница может стать близорукой, если захочет? Я ее спросил, она не ответила. Там такой шум!..

— А что вам задали?

— Выучить стих «Первое, первое, первое сентября». Знаешь?

Дома Борис весь вечер возмущался: безобразие, мало того, что не дала текст, даже не сказала, кто автор. Звонил знакомым, узнавал. Ездил за книжкой Маршака к Осе Данилюку, у которого было много малолетних внуков и племянников. А утром он стоял очень тихий, руки по швам, перед молоденькой строгой учительницей с плохо завитыми, похожими на мех волосами и слушал, как она холодно говорила: «Напрасно старались. Я специально проверяла их память на устном незнакомом материале».

Выручала Алла Николаевна. У нее оставался Плюшик, если Борису надо было уходить. Они сидели друг против друга — величественная седая дама с высокой прической в кресле с высокой спинкой и маленький, плотненький Плюшик на низкой скамеечке для ног. Золотисто-красные рыбы сновали в аквариуме; узкие часы в дубовом футляре медленно, словно нехотя, раскачивали маятник, круглый, медный и блестящий, похожий на старинный таз для варки варенья; зайчик от хрустального яйца, отливая по краям чем-то разноцветным, играл на белом потолке.

Алла Николаевна читала мальчику вслух басни Крылова, баллады Жуковского, сказки и стихи Пушкина — все то, что она сама учила, когда была девочкой. Случалось, что голос ее становился немного потоньше и плохо сгибающиеся пальцы дрожали на переплете книги. Плюшик слушал спокойно и доброжелательно, иногда просил поесть или отлучался куда следует, а остальное время сидел неподвижно, как столбик, на своей скамеечке.

Перед уходом в виде благодарности Плюшик читал Алле Николаевне единственное стихотворение, которое он знал наизусть:

Первое сентября!
Первое сентября!
Первое сентября —
Славный день календаря...

Читал он по-разному — чтобы не скучно было слушать. Спрашивал:

— Как читать: с выражением или на скорость? Могу на красоту, могу на быстроту.

Еще Плюшик умел на ритм («тац-тац-тац, как часы») и на точность («чур, не перевирать»). Когда он тараторил на быстроту, то кончал чуть живой, полузадохшийся, а через некоторое время спрашивал со скромной гордостью:

— Вы слышали? Я почти не вдыхал воздуха по дороге. Так, чуть-чуть, маленькую капельку.

Алла Николаевна твердила Борису, что надо заходить за Плюшиком в школу, не пускать его по улицам одного. Борис только отмахивался: некогда ему, ничего с мальчиком не случится. Но вот в один ветреный сентябрьский день, ясный и сухой, Плюшик вовремя не пришел домой.

Борис побежал в школу; уборщица сказала ему, что все первоклассники уже ушли. Он решил, что разминулся с мальчиком по дороге, и кинулся домой. Но на площадке стояла встревоженная Алла Николаевна, подагрическими пальцами теребя рюшку. Борис вернулся обратно, заразил своим волнением уборщицу, вдвоем они обошли все классы третьего этажа, заглядывая под парты и даже в какие-то пыльные чуланы, где стояли тазы и щетки. Везде было пусто и тихо, под ногами скрипел раздавленный мел, черные спины парт равнодушно поблескивали, перечеркнутые наискось длинными световыми дорожками, которые тянулись от окон. Предчувствие неминуемой беды сжало сердце Бориса.

Бледный, без шляпы, со свисающим из кармана пальто ярко-клетчатым шарфом, Борис шел обратно знакомой дорогой. Раньше он не замечал, что шоферы ездят как сумасшедшие, а решетки над подвалами слишком редкие, вполне может провалиться нога ребенка. Идти прямо в милицию? Или предупредить сначала Аллу Николаевну? Он хотел было уже свернуть в свое парадное, но для чего-то заглянул во двор. Там на асфальте взрослые ребята играли в футбол, куртками и портфелями обозначив ворота. Среди зрителей, прижимая обеими руками к груди сумку с книгами, стоял как вкопанный в землю маленький Плюшик в своей вельветовой курточке и, забыв обо всем на свете, безмятежными небесно-голубыми глазами наблюдал за шумной и удивительной жизнью этих взрослых великолепных мальчиков, которые бросают портфели прямо в пыль, а кепки носят козырьком назад. Он был полон доброжелательного любопытства к окружающим и давно уже потерял всякое представление о времени.

Борис привел Плюшика домой, держа его за ухо, сунул тут же, в коридоре, лицом в угол и, обращаясь к Алле Николаевне, стал патетически перечислять преступления «этого ребенка». Плюшик добросовестно заплакал: ему было и больно и обидно, но он, кажется, не очень хорошо понимал, в чем дело и из-за чего такой крик. Во всяком случае, как только Борис ушел в комнату, Плюшик кончил плакать, стал отковыривать в углу штукатурку, которая падала на пол очень интересной мелкой осыпью, потом, еще всхлипывая немножко, позвал шепотом: «Тетя Аля!» — и стал выяснять вопрос, будет ли «он» кричать, если Плюшик попросит, чтобы ему сюда, в угол, дали супу и немножко хлеба...

А вечером Плюшик долго не мог улечься, вертелся с боку на бок, перекладывал по-всячески подушку и, наконец, попросился к Борису в постель. Так он и уснул, доверчиво привалившись к плечу Бориса тяжелой круглой головой, почти вытеснив его с подушки. Борис лежал в неудобной позе, боясь пошевелиться, и думал, что жизнь у них не налаживается, что завтра на репетиции в Мосэстраде он будет сонный и непременно даст кикса, сфальшивит, что Зина может пролежать в больнице и два и три месяца, а ребенку нужен на это время хороший уход, налаженный семейный дом.

В воскресенье Борис и Плюшик приоделись, начистили ботинки и отправились к Данилюку в Замоскворечье.

Ося Данилюк, добродушный низенький человечек с грубо-красными щеками (как будто кто-то основательно растер их жестким полотенцем) и толстым носом, сразу усадил их за большой стол, на котором во множестве стояли чистые и грязные чашки. Дети и внуки Оси Данилюка, разных возрастов, с такими же, как у него, толстыми носами и красными кружочками румянца на щеках, но без его седых височков и сияющей лысины, одни уже совсем взрослые, даже почти старые, другие еще в детском возрасте, входили и выходили из комнаты, пили чай, играли в прятки между ножками стола, жизнерадостно перебранивались друг с другом. Молодая женщина с толстым носом кормила ребенка, сидя боком на валике дивана, а у ее ног подросток с особенно сильно растертыми щеками собирал велосипед, теряя мелкие части и ползая за ними по полу. Плюшику тут очень понравилось; полуоткрыв рот, он во все глаза разглядывал многочисленных Данилюков и слушал бодрый шум, присущий этому разветвленному семейству.

То и дело звонил телефон. Ося, человек малограмотный (он рос сиротой, воспитанником музыкантской команды в Астраханском казачьем полку), пользовался всеобщим уважением за свою деловую сметку и абсолютную честность и фактически уже много лет подряд распоряжался разовыми, случайными работами, распределяя их между товарищами, улаживая недоразумения и денежные споры. К нему звонили с кинофабрики, из филармонии, с радио, и он без всяких записей, похлопав себя ладонью по лбу, называл музыкантов, дни, когда они свободны, давал номера телефонов, адреса.

Когда-то Ося играл года два в Большом театре, прошел по конкурсу, правда, не в основной состав, а в банду. Так называется в Большом театре верхний оркестр, который играет за сценой, иногда на сцене («Пламя Парижа», «Кармен») и в котором не требуется такой высокой квалификации, как в нижнем. До сих пор у Оси благоговейно хранилась коробочка грима, которую выдают «верхним» музыкантам, и в семье любили говорить: «Когда папа был в банде...», «Когда папу зачислили в банду...» На непосвященных это производило тяжелое впечатление.

— Пей, пей чай, это промывает,— сказал Ося засмотревшемуся Плюшику.— Симпатичный мальчик, как раз ровесник нашей Ксаночке. Ксаночка родилась...

— Ксаночка родилась, когда папу приняли в банду,— сказала молодая женщина, которая сидела на валике.

— Что ты понимаешь! Когда я уже перешел к Немировичу.— Зазвонил телефон. Ося снял трубку.— Алё, Данилюк слушает. Гиндин? — Он хлопнул себя ладонью по лбу.— Нет, Гиндина я с некоторых пор не рекомендую. Он так мило говорит, так ласково говорит, все дышит точностью. А на генеральной репетиции бац — и нет его! — Ося положил трубку и повернул к Борису свое доброе красное лицо с седым бордюром вокруг блистающей лысины.— Не беспокойся, Боря, мальчику будет хорошо.— Зазвонил телефон.— Данилюк слушает!..

Плюшик, который разбирал с Ксаночкой ее коллекцию фантиков (под письменным столом), увидел, что Борис прощается за руку с дядей Осей, вылез и тоже приготовил руку дощечкой. Но, к его удивлению, Борис как-то странно, смущенно кашлянул и сказал чересчур уверенным голосом:

— Вот что, Плюшик... ты остаешься у дяди Оси, здесь. Остаешься пожить... Тут уход, обед... Тебе будет хорошо.

Плюшик смотрел на взрослых широко открытыми голубыми глазами безмятежно и как-то даже туповато.

— Будешь играть с Ксаночкой,— пообещал дядя Ося,— а бабушка сделает вам пирог с вареньем.

Но когда Борис двинулся к входной двери (мельком не без горечи подумав, до чего дети непривязчивы), Плюшик крепко ухватил его за палец и сказал громким шепотом:

— Я тут не останусь. Я хочу домой.

— Куда домой? — не понял Борис.

— К нам домой. Где тетя Аля... И мои тетрадки.

Ося делал знаки Борису, чтобы тот скорее уходил. Борис замешкался, Плюшик выскочил вслед за ним на площадку, прижался щекой к влажному драпу его толстого осеннего пальто, и по всей лестничной клетке разнесся отчаянный детский выкрик:

— Папа! Ты не оставишь меня здесь, па-па?

— Не оставлю,— сказал Борис, кладя руку на светлую головенку, прижавшуюся к его животу.— Дай-ка нам, Ося, с вешалки пальтишко...

Шел октябрь, соседка с той квартиры привезла теплые вещи мальчика, начались репетиции и спектакли в театре, где работал Борис. Маленькая травести с детской челкой над недетскими глазами сказала Борису с колючей улыбкой, что он стал худой и неинтересный.

— Что-то ты, старик, поизносился малость! — приветствовал его своим хорошо поставленным голосом Михайлов, не очень молодой актер на роли молодых героев, которого все в театре любили за хороший характер.— Я вот четырех выращиваю, и ничего!

Плюшик был охвачен в эту пору непреодолимой страстью к рисованию. Он рисовал не только дома, но и в школе: на парте (мелом), на промокашке, на обложке тетради. Сделал своему соседу «маникюр»: нарисовал на каждом ногте чернильную рожицу. Учительница говорила, что мальчик «недостаточно собран» и что надо «привить ему навыки», «создать режим». Как нарочно, у Аллы Николаевны заболела сестра, тоже одинокая, и она уезжала каждый вечер ставить ей банки. А Борис прибегал сломя голову после спектакля и только тогда начинал кормить и укладывать мальчика. Легко сказать, режим!

Однажды вечером усталый Борис с трудом разогрел макароны, которые все время липли к сковородке. Плюшик, которого он звал, никак не мог оторваться от своих гаечек и коробочек. Наконец сел к столу, попробовал и сделал кислую мину: макароны холодные, невкусные.

Борис взорвался, стукнул кулаком по столу:

— Сам виноват, так ешь теперь холодные!

Плюшик сполз на пол и заплакал. Когда Борис попытался поднять его, он закричал:

— Не буду ужинать. Тебе назло. Вот!

Это был открытый мятеж.

Борис твердо решил выдержать характер, не обращать на Плюшика никакого внимания. Пусть знает! Это все Зинино воспитание — испортила, избаловала, а ему теперь приходится отдуваться. Неблагодарный, черствый ребенок, ничего не ценит, все принимает как должное! И подумать только, что это ради него он лишился отпуска, ради него теперь недосыпает, живет кое-как, растерял всех друзей...

Плюшик долго хныкал в углу комнаты на ковре, а потом, предоставленный самому себе, так и заснул одетый. Борис стал на колени и, стараясь его не разбудить, стал расшнуровывать ботинки, расстегивать бретели. Мальчик горько всхлипывал во сне, никак не мог успокоиться. А в сущности, что он такого ужасного сделал? Ну, покапризничал немного. Алла Николаевна уладила бы этот маленький инцидент, не повышая голоса. У Бориса было гадко на душе, он чувствовал себя виноватым. Имеешь сына — так изволь научиться его воспитывать!

На другой день после утренней репетиции Борис отправился за кулисы разыскивать Осю, чтобы посоветоваться с ним по вопросам педагогики. Но Осе было не до того.

— Некогда, Боренька, надо «тузов» ловить.— Он решительно втиснулся в актерскую уборную, где маячила немного уже располневшая, но все еще видная фигура Михайлова.— Иван Петрович, ты знаешь? Слышал? — Ося со всеми был на «ты».— Скрипач Кошеваров уходит на пенсию. Собираем на подарок.— Лицо и лысина Оси сияли, он обожал такие чрезвычайные происшествия в музыкантской семье, которые требовали организационных усилий: юбилеи, свадьбы, рождения и даже, что греха таить, похороны.— Когда я был в банде, там эти вещи были поставлены на широкую ногу, о!

Войдя вслед за Осей, Борис увидел, что узкая артистическая уборная Михайлова была сплошь увешана детскими рисунками и фотографиями его четырех ребятишек, этот поток захлестнул даже часть зеркала.

Сам Михайлов в расстегнутом широком пальто какого-то чересчур светлого тона и фетровой шляпе с каким-то чересчур лохматым ворсом стоял у стола и, дожевывая бутерброд с копченой колбасой, устало надписывал собственные фотографии, лежавшие перед ним пачкой. Федотыч, старейший гардеробщик театра, имел свои сложные финансовые взаимоотношения с поклонницами Михайлова (великолепного Фердинанда и обаятельного Белугина), и тот, уважая старика, не хотел лишать его этого дополнительного небольшого дохода. Поэтому он старательно выводил на очередной открытке: «Милой Мане от заслуженного артиста РСФСР...», мысленно посылая эту «милую Маню» к дьяволу.

Ося, получив двадцать пять рублей, устремился на поиски следующего «туза». Михайлов надписал последнюю открытку, помахал в воздухе затекшей рукой, и они вместе с Борисом отправились в путешествие по железным лестницам и узким закругляющимся коридорам.

— Что, достается? — Михайлов смотрел на Бориса проницательным, понимающим взглядом, тень усталости сошла с его красивого лица.— Сына воспитывать — это потруднее, чем добывать билеты на футбол?

Они вышли на улицу и, как это обычно бывает после театральной полутьмы, обрадовались дневному свету, живому солнышку.

Борис стал рассказывать о своих взаимоотношениях с Плюшиком, пожаловался, что не имеет подхода к детям.

— Ну, и как же с ними управляться? Что делать? Книги по воспитанию читать?

— Что делать? Любить,— сказал Михайлов неожиданно серьезным тоном и с такой глубиной чувства, какую трудно было, казалось, ожидать от этого располневшего, благодушного человека.— Любить детей и не ждать, что

эта любовь когда-нибудь принесет тебе проценты! Ну, вот что: мои все равно на даче, дом у меня пустой, так хочешь, заедем сейчас к тебе, посмотрим на твоего мальчика? Идет?

— Если вам не жалко времени...— Борис был смущен, взволнован и вместе с тем не прочь похвастаться своим Плюшиком, его милыми манерами (с чужими он был неизменно мил) и ясными голубыми глазами.— Только зайдем купим калорийные булочки, он их очень любит.

Алла Николаевна открыла им дверь, при виде Михайлова сняла с платья неуловимую пушинку и чуть порозовела: она знала его по кино.

— Вот привел Ивана Петровича, хочет познакомиться с нашим Плюшиком,— доложил Борис, кладя на тумбочку пакет со сдобой.

Брови Аллы Николаевны поднялись вверх в виде двух аккуратных небольших скобок.

— Разве вы не в курсе... Она вам не позвонила? Я думала... Приезжала Зина и забрала мальчика вместе с его вещами. Она поправилась, только ходит, опираясь на палочку. Очень за все благодарила, надеется, что это в первый и последний раз... и что больше она Бориса не побеспокоит.

— Что ж, бывает,— сказал Михайлов ошеломленному Борису, который за последнее время успел накрепко позабыть о существовании Зины.— Вот и кончилась твоя вахта. Знаешь что, раз такое дело, нечего тебе одному тут сидеть, киснуть: давай в «Праге» пообедаем. Посидим, поговорим о жизни. Идет?

Пока Борис менял перед зеркалом галстук, Алла Николаевна успела с женской беспощадностью сообщить ему, что Зина одета к лицу и держится с достоинством. И вовсе она не такая худощавая, как говорил Борис, наоборот, у нее недурная фигура.

— Честное слово, Боренька, эта дама, что к вам несколько раз заходила... под Кармен, с кольцами в ушах... с которой вы еще уехать собирались... она выглядит куда дешевле.

Борис недоверчиво скривил губы. Конечно, Алла Николаевна — ума палата, но что касается ее взглядов на женскую красоту...

— Плюшик,— Алла Николаевна понизила голос,— спросил: «А папа?» Она так спокойно отвечает: «Папа уехал и не скоро вернется. К твоей свадьбе».

— Бо-рис! — нетерпеливо звал Михайлов своим хорошо поставленным голосом.

И началась для Бориса его прежняя холостяцкая жизнь. Первые дни он по привычке просыпался в семь часов, вскакивал — и с наслаждением заваливался обратно, вспомнив, что школа и школьные дела его теперь не касаются. Но потом это отошло, забылось. Комната опять стала прежней, парчовые подушки лежали на тахте в продуманном беспорядке, блестел натертый пол. Борис отоспался, пришел в себя, в троллейбусе и на улице на него по-старому заглядывались женщины, маленькая актриса с детской челкой, встречаясь с ним за кулисами, нежно и задорно щурила свои недетские глаза. Выпал первый снег, и зимняя налаженная жизнь прочно вошла в свои права, как будто ничего и не было, как будто никогда не стояли у порога детские калоши и не висело на вешалке бобриковое короткое пальтецо.

Борис был бы не прочь повидать ту, которую Алла Николаевна прозвала «Кармен», но все поджидал удобного случая: инцидент с Сочи был еще очень свеж, а жена театрального администратора, как и положено по традиции жгучей брюнетке, кротостью не отличалась. И вот он наступил, этот случай. Идя утром с инструментом по одному из арбатских переулков, Борис увидел впереди знакомый профиль и розовое ухо с мотающейся круглой сережкой. Кармен свернула в маленькую булочную, он тоже и стал в углу за кассой. Она была в сильно вытертой кротовой жакетке, которую он на ней никогда не видел, кое-как повязанная шарфом, с ненамазанными губами, совсем другая, утренняя — он привык видеть ее при искусственном свете, с ярко подкрашенным крупным ртом, с соблазнительной игрой темных дерзких глаз.

— Батон с изюмом... ох, черствоват! — говорила Кармен будничным, резким голосом, который ничем не напоминал ее «вечерние» лукаво-бархатные интонации.— Булочная в центре Москвы, и не можете... Один бородинский. Три калорийные булочки. Как, нет калорийных булочек? — Она непритворно огорчилась.— Ну, я вас очень прошу, ну, девушка, милая, поищите, может быть, парочка где-нибудь завалялась. У мужа больной кишечник, он привык... Хорошо, я подожду, вы только поищите.

Борис потихоньку выбрался из булочной, стараясь не попасться ей на глаза, и пошел своей дорогой. Помнится, перед отъездом в Сочи он жалел этого немолодого мужа молодой, хорошенькой женщины: все-таки неприятно быть обманутым, играть смешную роль. А вот теперь у него было такое чувство, словно он сам обманут, сам оказался в дураках.

В четверг вечером Борис был свободен, его ждали в гости Данилюки, но он не пошел (вообще последнее время его стал раздражать Ося со своими бесконечными хвастливыми рассказами о Ксаночке и других внуках). Эх, кажется, зря не пошел! Он чувствовал себя дома как-то сиротливо, неуютно, не знал, чем заняться. Открыл книжку — нет, не читается. Натертый пол блестел холодно, недоброжелательно, раздражала цепочка непомятых, слишком старательно уложенных подушек.

Навестить, что ли, Аллу Николаевну? Дверь к ней была полуоткрыта, и из освещенного коридора он увидел погруженную в сумерки комнату, край обитого зеленым сукном письменного стола, угол ковра. В кресле с высокой спинкой сидела прямая и подтянутая седая дама с высоким зачесом, опустив руки на подлокотники, а подле нее стояла низенькая скамеечка, никем не занятая. О чем она думала, не зажигая света, отложив вязанье — и, как видно, давно уже отложив? Борис не стал ее беспокоить, потихоньку прошел по коридору, оделся и вышел из дому.

Снег, мокрый, потемневший и растоптанный на тротуаре, светло-шоколадный, изъезженный на мостовой, лежал белым пухлым нетронутым слоем на спинах машин. Ярко горели в окнах палаток разноцветные бутылки с напитками и настойками, освещенные изнутри,— темно-бордовые, почти черные и рябиново-красные, желтые и совсем бледно-лимонные, бросая слабые отсветы под ноги прохожих. Борис шел, сам не зная куда, затянув потуже узел своего ярко-клетчатого шарфа, подняв воротник. Мычал какие-то рифмованные строчки, сначала просто ритм, потом со словами: «Первое, первое, первое...» Откуда это? Ах да, детский стишок.

Первое сентября —
Славный день календаря...

Прицепится вот такая пустяковина, и не отвяжешься от нее!

Потому что в этот день
Все девчонки и мальчишки
Городов и деревень...

А почему бы ему, собственно, не позвонить Плюшику? Что мешает? Когда было плохо, трудно, так он отец, а когда все гладко,— посторонний, который не имеет права даже раз в неделю повидать ребенка. Явилась (одетая со вкусом!) — и пожалуйста: «Надеюсь, больше не обеспокою». Как няньку отпустила; да нет, няньку отпускают сердечнее, с какими-то хорошими словами, долгими разговорами.

Афиша цирка, Олег Попов... Интересно, был ли Плюшик в детском театре, в цирке? Как-то не пришлось спросить. И какими глазами он стал бы смотреть на клоунов, на номера под куполом?

Первое-первое-первое сентября!..

В конце концов он может поставить условием — один день в неделю... суббота, например... нет, в субботу вечером он занят, ну, четверг... он должен, обязан знать, как живется мальчишке. Алла Николаевна говорит, что Зина похорошела, как знать, может быть, у нее кто-нибудь есть... даже наверное есть, почему не быть? А тут Плюшик. Какие у него отношения... с этим дядей? И как она объясняет...

...все девчонки и мальчишки,
Городов и деревень,
Взяли сумки, взяли книжки,
Взяли завтраки под мышки...

Да нет, скорее всего она одна. Такие натуры... В ней была заложена глубокая женская верность, преданность... Это не Кармен с ее сережками, которой требуются сильные ощущения. А тут все отдано ребенку, это же видно. Как сказал тогда Михайлов? «Любить детей и отдавать им без процентов». Странно сказал. И при этом у него было умное, хорошее лицо, а на экране обычно бывает глуповатое, когда он говорит чувствительные слова.

...взяли завтраки под мышки,—
И помчались в первый раз
В класс!

Да, вот так прямо возьмет и позвонит. Сейчас позвонит. Из первого попавшегося телефона-автомата, хотя бы из этого. Зачем откладывать? У него и записная книжка с собой, со всеми телефонами, где-то во внутреннем кармане. Вот она!

Борис улыбнулся ближайшей продавщице апельсинов, та озябшими пальцами набрала ему пятнадцатикопеечных монеток. Вошел в тесный загончик, открыл свою книжечку на букву «З» («Зина»), набрал номер. Гудки. Затем там сняли трубку, и приятный баритон неторопливо спросил: «Вам кого?» Телефон был в комнате у Зины, на столе, возле ее кровати, это он знал твердо.

Борис как-то растерялся, смешался и неловко положил трубку, не найдя, что сказать.

А может быть, за это время телефон вынесли в коридор, сделали коммунальным? Да нет, там небольшая квартира, и жильцы не такие... Впрочем, за семь лет состав мог измениться. Да, семь лет — большой срок. А почему, собственно, он решил, что Зина должна быть верна своей первой любви? С какой стати? И почему ему так неприятно при мысли, что она... что у нее... Что ж, в конце концов это Зинино личное дело. Но все равно Плюшик его сын, и никто не вправе им запретить разговаривать по телефону, встречаться... никакие дяди!

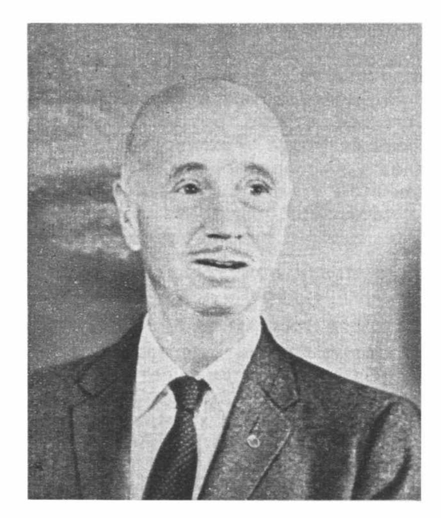
А не спутал ли он телефон? Борис подошел к витрине ювелирного магазина и торопливо стал листать свою книжечку, не попадая от волнения на нужную букву. Черт, так и есть! Вот строчка «Зина», а немного повыше «Захаров» — это такой старичок пенсионер, который чинит музыкальные инструменты. Голова садовая, у Плюшика ведь «Ж», Таганская станция, а тут «Д»!.. Как он мог забыть?

Когда длинноногая девушка-подросток в пыжиковой ушанке, поблескивая зажатыми под мышкой узкими длинными лезвиями конькова, подбежала к телефону-автомату, перед самым ее носом туда вошел рослый гражданин с приметным клетчатым шарфом и плотно прикрыл прозрачную дверку. Тьфу ты, как неудачно! Это, наверное, надолго, а Севка будет ждать, нервничать.

Она потрясла варежкой, чтобы проверить, не выпала ли монетка, вздохнула и приготовилась ждать.

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Рокуэлл Кент.

Горы и человек...

Паром, перевозивший пассажиров и десятка два автомобилей из Вермонта в порт Кент, едва миновал середину озера, как мы увидели на далеком берегу, у самой кромки воды, две человеческие фигурки.

По тому, как одна из них стремительно перебегала с места на место, приветственно размахивая руками,— по этой неистовой живости движений — мы сразу узнали Рокуэлла Кента. И не ошиблись.

Когда паром причалил к берегу и нас еще разделяла широкая полоса воды, а матросы начали на редкость неторопливую, как нам казалось, возню со сходнями, Кент так естественно разбежался, изображая готовность немедленно прыгнуть на борт, не дожидаясь трапа, что матросы заорали и замахали на него кулаками. Мы тоже сделали вид, что готовы немедленно перемахнуть через борт и лезть в воду, чтобы заключить в объятия Селли и Рокуэлла. Эта несложная пантомима вызвала веселое оживление на пароме и на берегу; одни только матросы упорно не желали видеть в ней игру и ленивыми окриками старались сдержать наше нетерпение.

Мы уже полтора месяца путешествовали по Соединенным Штатам. Почти в каждом городе мы вытаскивали карту и прикидывали, какое расстояние отделяет нас от дома Кента и когда примерно может состояться наша встреча. Но до последнего дня не знали, состоится ли вообще эта встреча. Да ей бы и не бывать, если бы не поразительная энергия и настойчивость Кента. Ведь наш маршрут был до мелочей разработан госдепартаментом и весьма придирчиво соблюдался.

Но вот мы стоим наконец на берегу порта Кент, обнимаемся, хлопаем друг друга по плечам и спинам, снова обнимаемся и наконец размещаемся в двух машинах и мчимся по отличной дороге к дому Кента. Дорога обсажена старыми, могучими деревьями. Осень расцветила их листву во все оттенки желтого и красного. Здесь, на севере, у самой границы Канады, осень давала себя знать не только в окраске листьев. Когда открытая машина, в которой ехал мой спутник, художник Андрей Мыльников, обогнала нас, я, каюсь, испытал эгоистическую радость оттого, что еду в закрытой машине. Мыльников и наш переводчик были с головой закутаны в пледы, и я даже не сразу в этих ярко окрашенных коконах узнал их.

Мы ехали вдоль быстрой горной реки и видели сквозь деревья ее обрывистые берега. Наконец дорога, круто свернув, прорезала сосновую рощу. Мы выехали на открытое место и... сразу узнали его, потому что видели много раз на пейзажах Рокуэлла Кента. За полем, на котором мирно дремали коровы, на фоне синего силуэта Адирондакских гор белело знакомое здание фермы. Дом, в котором живут Селли и Рокуэлл, стоит на опушке соснового леса. Среди толстых, уходящих в небо стволов деревьев на некотором расстоянии от дома высится мастерская — солидное строение скандинавского типа, рубленное из могучих бревен.

В доме Кента на стенах много картин, гравюр, рисунков. Машинально, по привычке, усвоенной в Штатах (почти каждый день мы осматривали от одного до трех музеев), мы ринулись их обозревать. Среди работ хозяина дома и его американских коллег нам приятно было увидеть несколько полотен и рисунков советских художников. Мы нашли и свои работы, подаренные Кенту во время его посещений нашей страны. Рокуэлл, конечно, тут же театральным шепотом спросил домашних, почему не все наши работы перенесены из коровника; жена и дочь оправдывались с хорошо разыгранным смущением.

Потом Рокуэлл за стойкой, как заправский бармен, приготовил нам коктейли и из-за той же стойки «стрелял» в нас из старинного, кремневого пистолета. Мы «отстреливались» из всех углов, но только когда все были повержены, как в ковбойских фильмах, Рокуэлл внял мольбам Селли сесть наконец за стол.

У наших приборов лежали небольшие ключики.

— Это ключи от моего дома, ставшего с этой минуты и вашим,— объяснил нам Рокуэлл.— Вы можете в любое время приехать сюда, открыть дверь своим ключом, поселиться и жить здесь, в своем доме. И это только слабая возможность ответить на щедрое гостеприимство, которое Селли и я неизменно находили в вашей стране, в домах советских друзей...

Мы были крайне растроганы этим прекрасным проявлением дружбы. Но несколько минут спустя Рокуэлл потряс нас новым подарком, поистине драгоценным.

— Слушайте все! — начал он необыкновенно торжественно.— Сейчас вы узнаете один секрет.

Вынув из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, Рокуэлл бережно расправил его, водрузил очки и стал читать:

— «Я осмеливаюсь предложить все, что у меня осталось из результатов моей творческой жизни, советскому народу за самый, по-моему, крупный акт мира в истории — за его призыв в Организации Объединенных Наций к полному и всеобщему разоружению во всем мире...»

Кент читал свое письмо, обращенное к Н. В. Поповой, председателю Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

— В эти минуты,— продолжал Кент,— мои картины плывут в трюме корабля к берегам вашей страны. Картины художника — его дети. Я надеюсь, что мои дети найдут в вашей стране отчий дом...

Мы обнялись с Рокуэллом. По воле счастливого случая Андрей Андреевич Мыльников и я были первыми советскими людьми, которым довелось горячо поблагодарить американского художника за его великий и добрый дар нашему народу.

В эту ночь мы легли очень поздно, а заснули уж так поздно, что этому предрассветному часу, наверно, больше соответствует слово «рано». Наш радушный, неистощимый на выдумки хозяин никак не мог угомониться и еще долго врывался в нашу спальню, чтобы рассказать «только одну, совсем короткую, распоследнюю историю...»

Наутро мы с Мыльниковым отправились на маленькую станцию Вильсборо, чтобы погрузиться в экспресс, идущий из Монреаля в Нью-Йорк, а Селли и Рокуэлл в этот же день пересекли границу Канады, чтобы сесть на самолет, увозивший их в Москву. На этот раз мы расставались ненадолго.

Рокуэлл Кент подарил советскому народу восемьдесят живописных полотен, восемьсот графических работ, книги, написанные и иллюстрированные им в течение долгой жизни,— Кенту сейчас 78 лет. Выставка его работ переехала из Москвы в Ленинград, и очень жаль, что сразу после ее официального открытия Кент уехал на родину, а значит, и не мог видеть бесконечного людского потока у здания Академии художеств, где размещалась экспозиция. Я надеюсь, что она перекочует и в другие наши города... Кроме того, любители изобразительного искусства смогут познакомиться с талантливыми работами Кента в репродукциях. «Огонек» кладет этому доброе начало.

Одна из последних книг Кента называется «Горы и люди». Это же название можно было бы дать всей его выставке. Герой Кента — мужественный, выносливый человек, победитель стихии. Во многих работах, особенно в графике, Кент оперирует аллегориями — символами добра и зла. Доброе начало неизменно торжествует победу.

Между Рокуэллом Кентом и героями его произведений много общего. Рабочий, фермер, путешественник, мореплаватель, журналист, писатель, общественный деятель, художник — Рокуэлл Кент сменил много профессий. Жизнь не всегда баловала его, но его мужество, выносливость, оптимизм, неистощимая вера в добро и справедливость привели его на тот путь, на котором мы встретили, узнали и полюбили его,— на путь борьбы за мир и дружбу на земле.

Естественно желание Кента, чтобы плоды его труда стали достоянием народа, жаждущего мира и умом и сердцем.

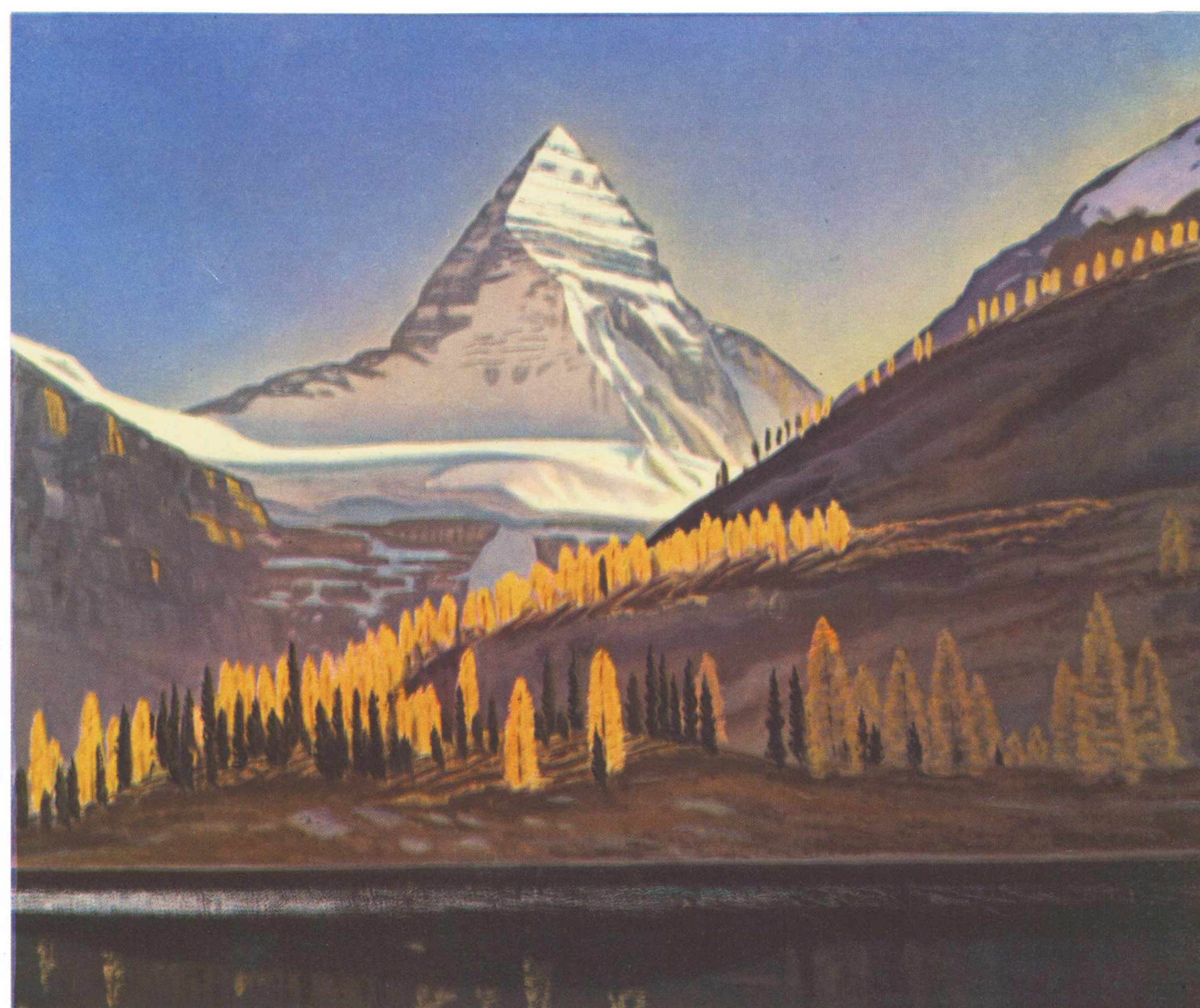
— Такой народ, — говорит Кент,— я нашел в вашей стране.

Дар художника тем дороже для нас, что он принесен сыном Америки, горячо любящим свою родину...

Недавно я получил письмо от Рокуэлла Кента. Поздравляя с Новым годом меня и мою семью, Кент пишет, что хотел бы, если бы мог, поздравить с Новым годом всех, всех советских людей и пожелать им счастья и процветания. На страницах журнала «Огонек» я могу хотя бы частично исполнить это желание нашего большого и испытанного друга Рокуэлла Кента.

Весенняя лихорадка, Беркширские холмы в Массачусетсе.

РОКУЭЛЛ КЕНТ

Гора Ассинибойн, Канадские Скалистые горы.

Огненная Земля.

Рыбачья деревня, заход солнца.

Мэн.

Ловец омаров.

Начало ноября, северная Гренландия.

Возвращение охотника, северная Гренландия.

Рокуэллу Кенту

Альберт КАН

Дорогой Рокуэлл, мой друг
И друг жизнелюбцев, живущих на нашей планете,
Я шлю тебе этот привет,
Привет неумелого вестника всей благодарной любви,
Зная, как мало он может сказать,
Желая так много сказать.

Я благодарен тебе, Рокуэлл,
За то, что ты — это ты,
Не умеющий жить на коленях,
Не знающий, как пресмыкаться
с угодливой, льстивой улыбкой;
За то, что никто не посмел бы тебя уличить
В вероломном обмане или тщедушном вранье,
Во фразах и формах, изломанных робко в угоду
Тупым толстосумам или убийцам;
За то, что ты шел меж людей,
Плечи расправив
И пронося свою честность,
как чистый блестящий алмаз.

Я благодарен тебе за содружество кисти и цвета;
За то, что дарит им жизнь волшебство
твоих рук, и мысли, и сердца;
За раскрытый секрет красоты человека и мира;
За стремительность линий, говорящих на звучном
наречье,
Понятном рабочему люду
и женщине у колыбели ребенка.

Я благодарен тебе за ненависть к злу,
Породившему прах разбомбленных домов,
лязг цепей и ребенка голодного крик,
За обличение жадности и клеветы,
Когда гнев твой развеивал несправедливость
и боль человека.

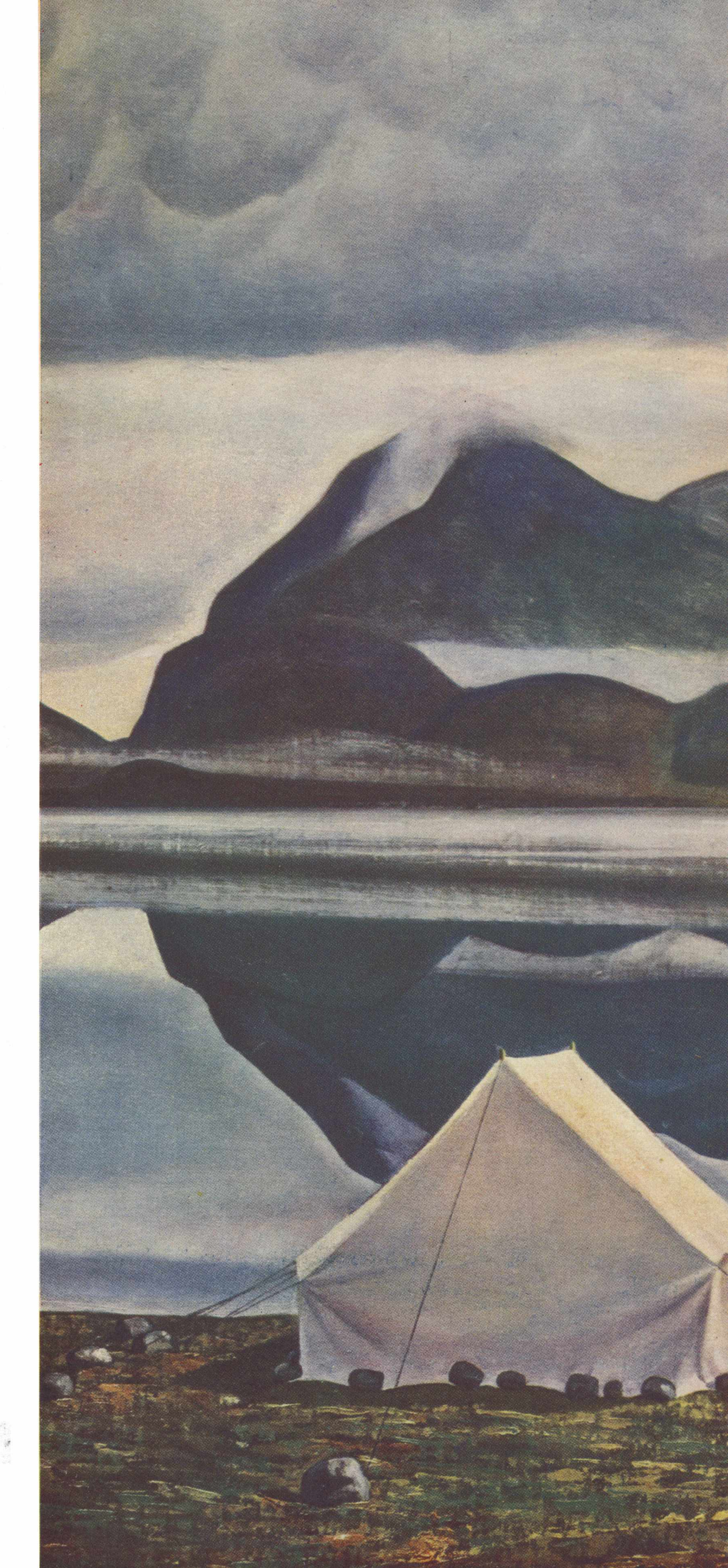
Я благодарен тебе за каждое слово о мире,
Звучавшее всюду: в Париже, Москве и Пекине,
Озарявшее серость наших сенатских хором
Внезапной яркостью правды;
За то, что слову «американец»
Сообщал ты истинный смысл,
Заставляя звучать его гордо.

Я благодарен тебе за верность в годину невзгод;
За радость бессчетных часов, которые мы
разделили;
За то, что радушный твой кров становился моим
И я чувствовал твердую руку твою,
Начиная любую работу.

Я благодарен тебе, друг холмов,
Брат пичужек лесных и смеющихся горных
ручьев,
Благодарен от имени трех моих сыновей
И детей, живущих повсюду,
От имени жизни их, которую ты охранял,
Их рассветного мира — своей стародавней мечты.

Мысли мои
стремятся к тебе, Рокуэлл,
Точно птицы, несущие в клювах
ароматы цветения.

Перевела с английского
Галина ШЕРГОВА.

Художник в Гренландии.

Каяки.

Гренландия.

Эскимос в каяке.

Красный закат, вид из Асгора.

Дорога к Асгору. Адирондакские горы.

Старый человек, старая лошадь, старый сарай, старый мир. Адирондакские горы.

Стог Дэна Уорда. Ирландия.

Из крымских стихов

Казимир ЛИСОВСКИЙ

* * *

Я двадцать лет тебя не видел, море!
В сороковом,
Мальчишка озорной,
Еще не знавший ни забот, ни горя,
В последний раз встречался я с тобой.
А в наше время, в нашей жизни двадцать,
Что пятьдесят в былые времена...
Ведь прожитого, если разобраться,
На целый век хватило бы сполна.
Ах, море, море! Снова я с тобою.
Я слышу голос твоего прибоя,
Врывающийся в утреннюю тишь.
Стою, гляжу на скал прибрежных груды
В нелепом, детском ожиданье чуда,
Как будто ты мне юность возвратишь.

На вершине Ай-Петри

Не помню уже, на каком километре,
Сквозь радугу,
В легкой пыльце дождевой,
Глазам распахнулась вершина Ай-Петри,
Поросшая чахлой и редкой травой.
Я сыну машу бестолково руками:
— Скорее, мой мальчик! Как сказочно тут!
Ты видишь:
взлетаем над облаками,
И белые хлопья
под нами плывут?
Немало я трактов сибирских изъездил,
Я видел Саяны, Белухи отрог,
И фары машин,
Как ночные созвездья,
Горели внизу, на изгибах дорог.
Но так вот,
Один на один с облаками,
Встречаться ни разу еще не пришлось.
Бескрайнее море лежит перед нами,
Соленым дыханьем касаясь волос.
А памятник над партизанской могилой,
Вздымая над кручей шершавой гранит,
Скупыми словами
С былинною силой
О подвиге павших с тобой говорит.
Мне кажется, лучшего места не выбрать
Для тех,
что погибли во имя живых.
Пусть люди с Тахо, Амазонки и Тибра
Приходят
учиться бесстрашью у них.
Пусть знают: они умирали орлами,
И Родина похоронила их там,
Где небо да солнце,
Где ветер да камень,
Где вольно и радостно только орлам!

Илья АВРАМЕНКО

Я верю в тот рыбацкий сказ:
я видел сам не раз,
как выносил к подножью скал
все чуждое
Байкал.

Ему ль закон свой изменить?
Не терпит ничего,
что может чем-то осквернить
хоть чуточку
его.

Чего б судьба ни нанесла —
достанет и со дна!
Как совесть детская, светла
лазурная
волна.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Две строки

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Был я в Сибири и, чтобы удержать факты в памяти, бросал строки в блокнот. Короткие, одному мне что-то говорящие фразы или даже слова, но за каждым из них стояли люди, события, дела. И только моя собственная память способна теперь восстановить по этим строчкам некоторые подробности. Итак,

Строка первая:

Дашинема Аюшеев, табунщик, певец

Если в Улан-Удэ, в самом центре города, вы остановите бурята и спросите его, как пройти к какому-либо месту, он никогда не ответит: прямо, направо, налево... Нет, истинно местный житель подумает мгновение и скажет:

— Идите на северо-восток.

И все. Почему так? Я понял это, когда впервые оказался в степи.

Мы ехали на машине из Кудары в колхоз имени Ленина. Вокруг лежала отполированная ветрами степь. Заснеженная, серо-желтая, без единого домика или дерева, с выпуклостями-холмами и впадинами-оврагами, гладкими и круглыми, она казалась причудливо отформованным листом пластмассы, уже остывшим и уложенным на землю. Появлялось нелепое желание подцепить этот лист каким-нибудь ломиком, приподнять его и посмотреть, что делается под ним... Степь, без конца и без края, с уходящим от путника горизонтом,— ну скажите, разве применимы здесь наши узенькие, короткие «влево» и «вправо»? Здесь другие масштабы, иная терминология...

Вот почему Дашинема Аюшеев отказался переехать в город. Когда ему предложили работу в оперном театре, он просто и бесхитростно сказал:

— Я табунщик, степной человек, мне нужен простор.

И не поехал. Мы познакомились с ним не случайно. Еще в городе я много слышал о знаменитом певце и, как только оказался в колхозе, первым делом спросил:

— Можно ли увидеть Аюшеева?

И через несколько минут он вошел в комнату. Ему было на вид не больше двадцати пяти лет, хотя на самом деле, как он сказал, «все тридцать». В обыкновенном полушубке, в валенках, в национальной бурятской шапке, маленькой юртой сидящей на голове, в простых рукавицах, с ясной улыбкой, он даже видом своим производил впечатление рядового табунщика, не певца, а если уж и певца, то истинно народного. Лицо его было открытым, добрым и мужественным. Когда он вошел — а сидели мы в правлении колхоза,— все присутствующие сразу заулыбались, произошло движение, хотя никто не двинулся с места, как в театре при открытии занавеса, и на всех лицах появилось теплое и гордое выражение. Но никто не сказал при этом, что вот пришел, мол, наш знаменитый певец, большой талант, просим любить и жаловать... Нет, его даже официально не представили,— вошел человек, как входили многие до него и после, протянул руку гостю, назвал свое имя — Дашинема — и сел в сторонке.

Прерванный разговор продолжался, но уже на другую тему, потому что при нем неудобно было говорить о нем же. Но я уже знал, как Аюшеев стал певцом. Эту историю, видимо, знала вся деревня, а быть может, не только одна деревня, потому что история была почти легендой.

Когда-то Дашинема ничем не отличался от своих сверстников, был таким же мальчишкой, как и другие, с шести лет табунил, а с восьми стал ходить в школу. Правда, пел еще Дашинема, но табунщики все поют, когда гонят лошадей, потому что в степи не петь нельзя, и никто на это не обращал внимания.

И вот однажды гнал он табун, пел песню, которую слышал от отца, а отец — от своего отца, и когда родилась эта песня, в деревне уже забыли. А лошади прядали ушами, таращили умные глаза, не поворачивая головы, и далеко не отбивались. Потом наступила ночь, и ночью напали волки. Это случилось при нем впервые, ему было четырнадцать лет, и он растерялся. Кони сбились в кучу, стали головами друг к другу, заржали жалобно и тревожно: звали людей. А по степи бегали зеленые огоньки. И когда первый волк подкрался к табуну и кинулся сзади на лошадь, она закричала, а Дашинема очнулся, повернул своего коня и на полном скаку пронзил волка длинным и острым стягом. И еще долго держал его прижатым к земле, пока зверь, хрипя и извиваясь, не издох. Оглянулся Дашинема, а кони уже мирно пощипывают травку, и огоньков в степи больше не

видно — погасли. На рассвете погнал он табун домой, напевая песню. Сначала тихо, а потом все громче и громче, во весь голос, и не заметил даже, как въехал в родную деревню. А пел он о том, как убил волка,— гордая, воинственная, славная получилась песня и очень радостная. Он воспевал свой край, где вырос и стал мужчиной, собственную силу и геройство, и пел он: «Я сын своего отца-батыра, и сам я батыр!»

Тогда-то народ впервые услышал Дашинему, впервые его отметил. С тех пор он столько песен спел людям, что им счета нет, и если его спросить, что это за песни, сам ли их придумал, или они народные, ответить он не сможет и, чтобы не ошибиться, всегда скажет, что народные.

Когда Дашинема вошел в комнату, мы сразу переменили тему разговора, вспомнили о скачках, которые должны были скоро состояться, и я спросил, не будет ли Аюшеев в них участвовать. Но все засмеялись, а он ответил, что для соревнований стал непомерно тяжелым, ни один конь не выдержит, и что он свое уже отскакал, когда ему было лет шесть, а теперь у него другая забота: готовить коней и молодых наездников.

Потом я попросил его спеть. Он не стеснялся, он был у себя дома, и он любил петь, потому что его любили слушать. Встал со стула, выключил радиоприемник, улыбнулся, оглядел присутствующих вопросительным взглядом, и кто-то сказал, хотя вопроса он не задал: «Что хочешь, Дашинема»,— и он запел, а мне тихо переводили:

Моя родина красивая — Кудара,
И красота ее в том, что вокруг все расцветает.
У меня есть любимая девушка, и когда мы вместе,
Я понимаю, что это тоже настоящая красота,
Но я табунщик, и я бываю с ней вместе только в мечтах...

Не умею писать рецензии, и вообще я не искусствовед. При всем желании мне никогда не определить, каков диапазон его голоса и правильно ли он артикулирует. Мне просто очень, очень понравилось. Немного печальная, спокойная мелодия проникала в самую душу, бередила ее, слегка тревожила, заставляла приятно томиться. Я слушал Дашинему и думал совсем не профессиональную думу: что важнее — иметь хороший голос или большие чувства? Без голоса певца вообще быть не может, но певец без чувств — обычный горлодер, не больше.

А сколько чувств пело в его песне! Как он понимал природу! Он мог лечь на землю, смотреть в небо, и облака казались ему не просто облаками, а скачущими лошадьми, и матовый шар солнца был настоящей юртой, которая вот-вот распахнется и выпустит девушку, яркую и стройную, как солнечный луч; и воздух был для него густым и емким, он замечал его движение, его игру, он видел теплые и холодные струи, а небесная синь манила его, влекла... Когда же он вскакивал верхом на коня и смотрел вниз, земля становилась ему небом, а небо — землей. Дашинема мог лежать, спиной опираясь на небо, и все живое и неживое на земле открывало ему тысячи красот и тайн, описать которые я просто не в состоянии, и если бы я мог это сделать, я бы знал, что чувствую природу так же тонко, как и он... Увы! Певец глядел вокруг себя так жадно, словно был до сих пор слепым и ему только что вернули зрение, или знал, что его скоро ослепят, а потому спешил наглядеться. Он всегда так глядел вокруг себя, всегда!..

Природа не ошиблась, дав голос этому человеку.

Дашинема Аюшеев — табунщик и певец.
Фото О. Кнорринга.

Строка вторая:

Какой он Пепеляев!! Испепеляев!

— Хватит! — Усы топорщатся. Жест решителен.— Уеду к чертовой матери!..

А голос резкий, неприятный, злой. Маленькая Нинка вздрагивает, роняет на пол конверт, оборачивается и смотрит на отца испуганным взором. Он ерзает на стуле, хочет еще что-то сказать, но только шевелит губами, не может успокоиться. Проходит минута, вторая, третья...

Я смотрю на стену, на качающийся маятник. Слева и справа от часов висят две фотографии. На одной — белобрысый мальчишка в косоворотке, глаза чуть навыкате, наивные и восторженные. На другой — человек лет пятидесяти, стоит, прислонившись спиной к дереву, закинув голову, глядя куда-то вверх. Четкие морщины на лице, мечтательный, грустный взгляд. Маятник ходит от одной фотографии к другой. Движение влево — что было, вправо — что стало, влево — что было, вправо — что стало. Сорок лет разницы. Вся жизнь. Для маятника — секунда...

— На родине снимался,— говорит вдруг Пепеляев, ткнув пальцем в белобрысого мальчишку,— в Астрахани. А потом армия, аккурат восемнадцать стукнуло... Нинка, дай альбом!

Семейный альбом. Застывшая биография. Долговязый пограничник в форме, блестящие сапоги, фуражка с кокардой. Фуражка была единственной на всю заставу, ее одалживали у командира, как только появлялся фотограф. У Пепеляева возмужавшее, чуть погрубевшее лицо, от юнца остались добрые, навыкате глаза.

И еще фото — целая группа. Лица Пепеляева не видно, снят со спины, зато девушка в полной красе: высокая, гибкая, скуластая, смеющаяся.

— Жена. Скоро придет, детским садом заведует. И шесть «лепестков».— Он кивает на Нинку.— Меньшая... Вас не смущает, что детишек так зову? Ведь я садовод...

«В секрете» — надпись на другой фотографии. Пепеляев тщательно замаскирован, торчат из кустарника нос и глаза, и собака рядом. Оба смотрят колюче и напряженно в объектив аппарата, словно оттуда сейчас покажется нарушитель.

Смеется Пепеляев: конечно же, это липа. На самом деле никаких фотографов к границе не допускают: не до них. Лежишь, бывало, в секрете, прильнув к земле, и забываешь, что ты живой человек. Весь внимание. И только запахи одолевают. Пахнет земля. Както особенно, будто она и не земля, а громадный чан, в котором варится пахучее варево. Вот дымком потянуло, будто костер под чаном, а вот словно кто-то приподнял крышку, и ударил в лицо запах меда, и хлеба, и парного молока, и вишни цветущей — все вместе, разом...

— Дурман!

Любил Пепеляев землю. А потом кончился срок службы, и надо было решать, куда двигаться: на родину или здесь оставаться? Бурятия... Что такое Бурятия? Бескрайние просторы. Природа такая, что можно найти здесь и леса Подмосковья, и горы Закарпатья, и луга Ставропольщины, и степи Приволжья.

И нашел Пепеляев недалеко от села Кудара-Сомон кусочек астраханской природы.

Сначала остался на сверхсрочную, потом женился, а потом началась война. Прошел ее всю, из конца в конец. А когда вернулся, в волосах была седина.

Ну что ж, приняли в колхоз, отрезали землицы. Дом поставил. А что толку разводить собственное хозяйство? Попросил увеличить участок и засадил колхозный сад. Год возился, потом второй... Приходили люди, смотрели, цокали языками: не верили.

«Шаманишь, Георгий? Шамань!»

А на третий год выросли арбузы и дыни.

«Нашаманил»! Что может расти на этой земле? Да все! Не земля — скатерть-самобранка! Даже «лепесткам» своим сказки такие рассказывал и замечал потом, что бродили дети по саду и шептали: «Раз, два, три — земля, уроди: яблоки и грушу, дыни и свеклушу!» Чудаки, чтоб их леший взял!

Вот ведь неладное, даже самому не верится: двумя своими руками — жене некогда было, с малышами возилась да на работе пропадала — засадил весь колхозный сад. Маленький, конечно. Но собрал урожай — все охали и ахали. Яблоки, вишни, груши, помидоры, огурцы весом в пятьсот граммов каждый... Из дынь сам наварил варенья, ну чисто ананасное! Веками тут жили — дынь не видели, даже названия такого не слыхали. Зимы лютые, ветреные, промерзала земля до самого сердца—разве может в такой земле плод уродиться? Нет, не может. Люди цокали языками, ели варенье, облизывали ложки — и не верили.

В первую зиму померзла вся капуста, все помидоры, весь лук. Прямо тут, в огороде, лежали сложенными в горы и мерзли, мерзли... Сначала кострами пытался спасти, а потом махнул рукой. Дыни с арбузами закопал вместе в одну яму, как в братскую могилу.

Не покупали. Даже даром не брали!

А был у Пепеляева проект. Вон там, прямо из окна видать, пологий скат холма. Когда раздвигается занавеска, он кажется картиной художника, вставленной в оконную раму. Но посмотрите: разве это скат холма? Пятьдесят гектаров плодороднейшей земли! Ходил туда Пепеляев, всю обнюхал, ископал, саженцами засадил для пробы, и что вы думаете? Сразу принялись, прижились, почувствовали родню — на другой же год! А вокруг сами по себе, дикарями, выросли ранет и вишни...

Думал-думал, что делать с этими гектарами, и придумал для начала название: «Золотая долина». Нельзя сказать, чтобы очень уж оригинальное, но зато правильное. Только вот беда: воды там маловато, опасно в засушливые лета. Глубоко сидит вода, метров двадцать до нее,— мыслимо ли руками докопаться?

Обратился в колхоз, предложил. Промышленный сад? Подумали в правлении, покачали головами. Сколько будет стоить бур? Во сколько обойдется насос? Какой доход колхозу? «Ну и хитер,— сказали,— Георгий Деомидыч! Одного насоса на пятьдесят гектаров не хватит, одной буровой тоже мало будет. А ты потом скажешь: деньги вложили, неужто им пропадать зазря? Отпустите еще на одну скважину, еще на один насос!»

Вспылил тогда Пепеляев. «Там земля,— закричал,— только смазки требует! Клад, не земля! Она без всяких насосов вон что родит!..»

Отказали. Хлопнул дверью в правлении, аж штукатурка посыпалась, потом сам чинил.

Ну что за люди! Боятся рисковать. «А вдруг,— говорят,— не вырастет? Денег жалко...» А вдруг вырастет? Бурят со своими собственными, не с привозными овощами — мечта! А они: «Овец,— говорят,— знаем, лошадей знаем, дынь с арбузами — нет». Так узнаете! Разве плохо?

Уперлись. Приезжает начальство — бегут к Пепеляеву: угости вареньем. На выставки посылают

с удовольствием. А чтоб деньги на промышленный сад отпустить, чтоб «Золотую долину» освоить...

Три раза чинил еще двери в правлении. С тех пор стали звать его «Испепеляевым». «Какой,— сказали,— он Пепеляев? Испепеляев!»

И плюнул было на все. Нашел покупателя на дом, приценились, ударили по рукам. Садик решил отдать школьникам — пусть играют в Мичурины, все же польза. И поехал на родину, в Астрахань, к старикам своим — выяснить, как там с работой в деревне, с жильем. Думал, месяц поживет, присмотрится, а потом — за семьей.

И что же? Две недели выдержал, даже того меньше.

Как же так получается? Бился, бился, выводил морозоустойчивые сорта, чтобы привыкли к бурятской земле, сроднились с нею, а вывел, выходит, себя самого...

И вернулся. Решил: надо драться. Пошел в райком, написал в центр. Появились в скором времени «заслуженные деятели поддержки», как он их называл: из республиканской газеты, из райисполкома, колхозники. Объяснил, убедил. И добился наконец от правления: решили исследовать «Золотую долину».

Исследовали. А дело ни с места, хоть ты лопни. Тянут всякими правдами и неправдами.

А жизнь? Усы поседели, не рыжие, годы уходят, пора бы и злости на покой. Недавно на заседании правления так и сказали:

— Чего ты, Пепеляев, пылишь? И Москва, говорят, не сразу строилась. Куда торопишься?

Нет хуже людского равнодушия! Нет хуже старых привычек, ломать которые — что тормоз переделывать на скорость!

— Куда торопишься...— передразнивает Пепеляев.— Нет, хватит! Уеду! Пока силы есть, пока умение осталось,— да что же это я, в конце концов, не найду земли или работы рукам? Надоело здесь, больше не могу, не хочу, не буду! Нинка, положи на место конверт!

Нинка, этот маленький «лепесточек», все же успела расковырять письмо. К листку бумаги аккуратно приклеены семена арбуза, они сидят в разлинованных строчках, как патроны в патронташе.

Вздыхает Нинка. Тишина.

— Переписка солидная? — спрашиваю.

— Почтальоны ругаются... Это мне из Сталинграда знакомый прислал. Садовод. Новые сорта. Хочу попробовать у себя в саду и, если взойдут, перенесу потом в «Золотую долину»...

...Недавно, недели две назад, мне пришлось звонить в Кудару-Сомон по делам, не имеющим отношения к Пепеляеву. Когда разговор уже подходил к концу, работник райкома партии, который был на том конце провода, вдруг сказал:

— Кстати, вам привет от Пепеляева. Просит передать, что все в порядке...

— Промышленный сад? — перебил я.— Уже засадили?

— Деньги колхоз отпустил, людей дал, весной начнем...

— Добился все же! — сказал я.— Наверное, «испепелил» своих противников?

— Да нет, мы сами поняли... Так что прошу осенью в гости. На свежее варенье. И арбузом угостим!

ВДВОЕ БЫСТРЕЕ ЗВУКА

К. К. Коккинаки.

К летчику-испытателю Константину Константиновичу Коккинаки я пришел субботним вечером и попал прямо на домашний киносеанс. Константин Константинович демонстрировал свою любительскую подводную съемку в Черном море. На последних кадрах появился и сам оператор: среднего роста, широкогрудый, стройный, он, весело улыбаясь, шел к берегу, шлепая ластами по воде.

А вчера на аэродроме я видел этого беззаботного кинолюбителя после испытательного полета. В противоперегрузочном костюме, защитном шлеме и кислородной маске он казался пришельцем из другого мира — мира огромных, неземных скоростей. Его спокойные светлые глаза смотрели сосредоточенно, настороженно, как-то особенно зорко.

Авиаторы Коккинаки широко известны в нашей стране. Большая семья Коккинаки — дочка и шесть сыновей — жила в Новороссийске. Только самый старший, как и отец, стал железнодорожником, четверо — летчиками, один — бортинженером. Мальчики сначала увлекались морем. Плавали на кораблях юнгами, матросами, а потом один за другим уходили в авиацию. Начало этой семейной традиции положил второй по старшинству брат, Владимир.

Когда киносеанс кончился, хозяин пригласил меня в небольшую уютную комнату с письменным столом и книжными полками во всю стену. Я обратил внимание на фотографию: в кустарнике на берегу реки лежит разбитый самолет.

— Первый самолет, который я сбил, — объясняет испытатель.

—А когда началась Великая Отечественная война, я вступил в истребительный полк, которым командовал дважды Герой Советского Союза Степан Павлович Супрун. Положение на фронте было очень тяжелое, боевые вылеты следовали один за другим. В те дни мне удалось лично и в групповых воздушных боях сбить девять фашистских самолетов. Когда Супрун погиб, я принял полк и воевал, пока вновь не отозвали на испытательную работу.

Современное развитие авиации, — продолжал испытатель, — позволяет конструкторам заранее предвидеть поведение самолета в воздухе, не допустить в расчетах грубых ошибок. Но всего предусмотреть невозможно. Как-то пошел я в первый полет на опытной машине. Для испытателя это всегда серьезная задача. Получаешь ответ на основные вопросы: как самолет отрывается от земли, как держится в воздухе, на какой скорости садится? Когда же я, перед тем, как идти на посадку, выпустил шасси, на приборной доске вспыхнула только одна лампочка: вышла лишь левая «нога».

Докладываю о «происшествии» на старт и все-таки решаю садиться. Когда решение принято, волнение проходит. Теперь все внимание приковано к самолету. Чтобы избежать катастрофы, надо выполнить посадку идеально точно и на минимальной скорости. Эту минимальную скорость определяю каким-то шестым чувством: помогает многолетний опыт работы.

Осторожно подвожу машину к земле, колесо мягко касается бетонной дорожки. Самолет катится, кренясь на правую плоскость, а я, как эквилибрист на проволоке, скупыми движениями рулей удерживаю его в этом неустойчивом положении. И только когда скорость гаснет, машина опускается на правое крыло и, чиркнув им по бетону, разворачивается.

Помолчав, Константин Константинович заговорил снова:

— Как-то мне предложили испытывать один из опытных самолетов, рассчитанный на сверхзвуковые скорости. Интересно! — Глаза испытателя весело блеснули.— Ведь это шагнуть в завтрашний день, в то время, когда самолеты будут летать на скорости, в четыре, пять и более раз превышающей скорость звука. Техника пилотирования тут будет иметь свои особенности. Если самолет разовьет скорость 4—6 километров в секунду, то скажется влияние кривизны Земли и для полета потребуется подъемная сила меньше веса самолета. При скорости 7—8 километров в секунду подъемная сила будет совсем не нужна. А если летчик поднимется на высоту, где плотность воздуха незначительная, то его самолет превратится в искусственный спутник Земли.

Конечно, в предстоящих мне полетах таких явлений быть не могло, — улыбается Коккинаки.— Но неожиданности произойти могли! Так получилось в первом полете.

...Надеваю парашют и сажусь в кабину опытного самолета. Для испытателя она вроде лаборатории, в которой предстоит провести различные исследования, сделать много записей. Только за стеклом этой лаборатории мчится навстречу воздушный поток огромной силы. Подставь палец, и его отрежет, словно ножом.

Но об этом думать некогда. Запускаю двигатель и после короткого разбега отрываю машину от земли. Все идет нормально, как вдруг на высоте 300 метров самолет своевольно опускает нос, словно ныряет. Сила, возникшая при перегрузке, вырывает ручку управления из рук, поднимает меня с сиденья и ударяет головой о фонарь кабины. В следующее мгновение самолет круто задирает нос, и еще большая сила швыряет меня на сиденье, вдавливает в него.

От двенадцатикратной перегрузки кровь становится тяжелой, как железо, сердце не в состоянии подать ее к головному мозгу, и сознание туманится. Я напрягаю все мышцы, стараясь удержаться на сиденье, но напрасно. Меня безжалостно бросает то вверх, то вниз, бьет головой о фонарь кабины, ударяет обо что-то лицом. По неизвестной причине машина попала в полосу так называемых автоколебаний. Самолет, по сути дела, стал неуправляем. В таком положении испытатель обязан прибегнуть к парашюту. Но тогда опытная машина разобьется, а причина автоколебания останется невыясненной.

Выбрасываться буду только в самом крайнем случае! Я хватаю ручку управления и тяну ее на себя, стараясь удержать в этом положении.

Самолет, как бешеный, мечется то вверх, то вниз. От ударов и страшных перегрузок я вижу все словно в тумане. Мне кажется, что время остановилось, и я, стиснув зубы, тяну и тяну на себя ручку управления, а меня бьет и бьет то головой, то лицом.

«Держись! Упорствуй!» — говорю я себе. И когда силы меня почти покидают, автоколебания прекращаются.

Коккинаки зажигает потухшую сигарету, глубоко затягивается и, улыбнувшись, спрашивает:

— А знаете, сколько времени продолжалась эта история? Всего семь секунд.

— А что же было потом?

— Прежде всего я попросил старт освободить посадочную полосу и прекратить со мной разговоры. В голове от ушибов гудело, и голос в наушниках причинял страшную боль. Защитный шлем съехал набок. Лоб и лицо в крови. Самолет тоже пострадал: некоторые детали его деформировались, а другие сломались. Да и кто знает, что неисправно в самолете? Поэтому я очень осторожно развернул машину и со всем вниманием выполнил посадку. Риск мой оказался не напрасным. Инженеры установили причину возникновения автоколебания и устранили ее.

— А как вы себя чувствовали в рекордном полете?

— Когда летишь по прямой, скорости не ощущаешь,— говорит Коккинаки, — а выполняя стокилометровый замкнутый маршрут — я вел самолет по кривой каплевидной формы,— ощущаешь значительную перегрузку, которая действует в течение всего полета.

Я об этом, конечно, знал, но противоперегрузочного костюма не надел. Не люблю в нем летать! Он мешает, а для установления рекорда нужно было вести машину очень точно.

Мне удалось достигнуть средней скорости на маршруте 2 148,3 километра в час. И это результат усилий всего нашего коллектива: ведущего инженера Изотова, кандидата технических наук Васильченко, заслуженного летчика-испытателя Седова, инженера Ковалевского и других специалистов — техников, механиков, операторов на радиолокаторах. Я как бы завершал их огромную работу, и это накладывало большую ответственность. Время рекордного полета коротко — исчисляется минутами. Чтобы точно выдержать маршрут, надо все время действовать: включать и выключать различные рычаги, кнопки. Поэтому я на земле по секундомеру заранее расписал все свои действия в полете и отработал движения до автоматизма.

На отдельных участках маршрута скорость полета превышала 2 500 километров в час. Хоть это и вдвое быстрее звука, но по сравнению со скоростью космической ракеты не так уж много...

Рекорд по замкнутому стокилометровому маршруту мог быть установлен только на отличном, очень маневренном самолете. Этим требованиям полностью отвечает наш «Е-66».

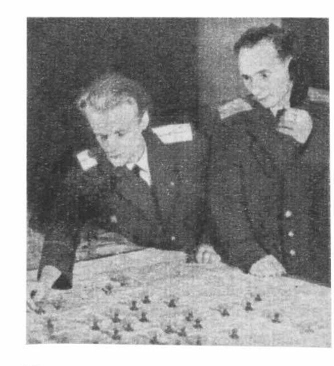
Константин Константинович смотрит на часы и поднимается:

— Сейчас по телевизору будут передавать «Пиковую даму», пойдемте послушаем. Очень люблю музыку Чайковского!

А. ГОЛИКОВ

Собака берет след.

На плане города номера патрульных машин. Дежурные милиции дают команду ближайшей к месту происшествия.

Фото О. КНОРРИНГА.

Ночь. Простучат торопливые шаги случайного прохожего, прошуршит по асфальту запоздавший автомобиль, и снова все тихо.

Возле тротуара прикорнула синяя с красной опояской «Победа». Легкий щелчок в машине.

— Я «Кавказ», я «Кавказ»,— раздается в радиоприемнике.

Обитатели синей «Победы» — командир и три члена экипажа — вслушиваются в летящие из эфира слова:

— Номер семьдесят два, направляйтесь на Зверинецкую улицу, к продовольственному магазину. Повторяю...

«Победа» срывается с места. Поворот, еще поворот, и машина останавливается у магазина. Четверть часа назад какой-то пьяный разбил витрину и украл стоявшие за стеклом бутылки.

— След, след,— говорит проводник, подводя служебно-розыскную собаку к магазину. Несколько секунд собака крутилась у разбитой витрины, потом рванулась вперед, таща за собой проводника. Подбежав к двухэтажному дому, собака ринулась в парадное. Там, забившись в угол, стоял молодой парень. Из карманов его пальто торчали горлышки винных бутылок.

Вор задержан. Его доставляют в отделение милиции, а машина номер семьдесят два отправляется на свой пост.

Всю ночь бодрствуют дежурные милиции, готовые по первому телефонному вызову 02, по первому сигналу о нарушении порядка в городе принять необходимые меры.

ЧАСОВЫЕ

Осторожно! Помещение загазовано

...А вот еще одна машина мчится по безлюдным улицам Москвы. Впереди у нее горит голубая — цвета газового пламени — фара. Это аварийная служба «Мосгаз».

По телефону 04 сообщили: в доме на Авиамоторной улице на первом этаже пахнет газом; ровно через минуту туда выехала аварийная бригада.

Первым в подъезд входит бригадир. Газом тянет из подвала. Надев маску кислородного прибора, он спускается вниз. Электрический свет зажигать нельзя. Концентрация газа так велика, что достаточно даже самой маленькой искры, и произойдет взрыв — «хлопок», как называют его газовщики. Следом за бригадиром идет слесарь. Он специальным фонарем освещает длинное узкое помещение — одна из стен его разрушена. Днем здесь ремонтировали отопление, и, очевидно, сами того не заметив, рабочие повредили газовую трубу, замурованную в стене.

Бригадир начинает осторожно

По радиотелефону получена команда.

Авария предотвращена.

ГОРОДА 01, 02, 03, 04

«Скорая помощь» — на вызов.

Сейчас ему нужен наркоз.

освобождать трубу от кирпича. Работа опасная, удары сотрясают воздух, а в подвале — гремучая смесь. Но надо найти и устранить повреждение.

Вот наконец и обнаружена крошечная, еле заметная пробоина, из которой со свистом вырывается газ. На нее накладывают «бинт» — мешковину, обмазанную глиной. Авария ликвидирована.

Жильцы большого дома на Авиамоторной улице спокойно спят, и многие из них даже не подозревают, какую беду — взрыв, пожар, отравление — только что отвели от них рабочие службы «Мосгаз».

...03!

На Беговой улице грузовиком сбило человека. Выезжает «Скорая помощь».

Врач еще на ходу выпрыгнул из машины, подбежал к пожилому человеку, лежащему на земле. Открытый перелом обеих ног, вывих правого плеча. Возможно, сломаны ребра. Сознание ясное, но боли он не чувствует. Врач измеряет давление. Низкое. Пульс почти не прослушивается. Руки и лицо покрыты холодным липким потом, губы посинели. Такое состояние медики называют шоковым. Еще совсем недавно человек, попавший в катастрофу и получивший ранение, умирал иногда не от самой травмы, а от шока.

Теперь созданы специально оборудованные противошоковые кареты «Скорой помощи». В такой машине врач не только доставляет пострадавшего в больницу, но тут же, на месте, оказывает ему первую помощь, пытается вывести его из состояния шока.

...Раненого перенесли в машину. Врач сделал ему несколько уколов новокаина, затем ввел в вену атропин и морфий. «Скорая помощь» уже мчится по улицам, а врач продолжает бороться за жизнь человека. Шоковое состояние не прекращается. Больному дают наркоз — закись азота, подключают аппарат искусственного дыхания, и наконец можно сказать: жизнь его вне опасности. Машина въезжает во двор больницы...

А что же водитель грузовика, который сшиб человека, скрылся? Остался безнаказанным? Нет. О нем уже сообщили в Отдел регулировки уличного движения. Дежурный по ОРУДу следом за «Скорой помощью» прибыл на Беговую улицу. Специалисты-эксперты измеряют тормозной путь, расстояние между следами от колес, фотографируют рисунок протекторов, отпечатавшийся на асфальте; устанавливают, в каком направлении уехал автомобиль. Струсивший, пытавшийся скрыться водитель и не подозревает о том, как велико количество самых разных свидетелей его преступления. Пройдет какое-то время — в одних случаях больше, в других меньше,— и работники ОРУДа найдут преступника. Так и в этом случае — в одном из московских гаражей через два дня была задержана машина нарушителя.

Спит Москва. Но всю ночь горит свет в доме на Кропоткинской улице.

Где-то набирают номер 01, и на пульте перед дежурной вспыхивает красная лампочка.

Сообщение о пожаре! Немедленно включается магнитофон. Автоматические часы засекают время, сообщение записывается на пленку. Дежурная громко повторяет адрес. Старший диспетчер тут же определяет район, где случилась беда, включает светящееся табло, на котором уже отмечено, какие автоцистерны, автонасосы из каких частей должны выехать на пожар.

Пока одна дежурная уточняет адрес, выясняет обстоятельства, связанные с пожаром, другая передает вызов в часть. Команда выезжает через три минуты.

Центральный диспетчерский пункт пожарной охраны держит связь с машинами. Как только они прибудут на место, станет известен размер пожара. А тем временем в пожарные части, расположенные неподалеку от горящего помещения, поступает приказ «Приготовиться!»: может понадобиться их помощь.

Крупные пожары в Москве — большая редкость. И мы видели только пожар в сарае, который за несколько минут был потушен.

Славные часовые охраняют покой большого города.

Л. КАФАНОВА

Большого пожара нам не удалось увидеть...

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Это письмо пришло к нам из Новосибирска от Александра Юрьевича Маслова. Вот отрывок из этого письма: «...Я хочу рассказать вам о Лизе Зазимко, об очень чутком, умном и волевом человеке. Сейчас Лиза в санатории, в Калининградской области. Она не может ходить, она парализована. Скоро ее выпишут отсюда и увезут во Фрунзе, где живут ее родственники. Я не знаю ее родственников, я не знаю, как встретят ее там. Лиза очень хочет работать. У нее есть специальность. Но устроится ли она? Быть может, вы ей сможете чем-нибудь помочь?..»

...Улица вся в снегу. И как будто она упирается в горы. Горы кажутся очень близкими. Но они далеко.

Говорят, весной, когда цветет вишня, улица эта такая же белая. По обе стороны стоят, стерегут дома фруктовые деревья.

Вот на этой улице в городе Фрунзе и живет Лиза Зазимко.

Комната просторная и светлая. Кровать, на спинке кровати мешочки, в них карандаши, блокноты. На столе книги, книги, книги...

У Лизы карие с искоркой глаза.

— Вы приехали узнать, как мои дела? Спасибо, все в порядке. Даже больше чем в порядке, мне скоро обещают машину «Москвич». Сначала пришли товарищи из ВТЭКа и отказали мне. И я поняла: я ведь даже сидеть не могу, как же буду водить машину? И вот изо дня в день стала тренироваться. Подолгу заставляла себя сидеть в коляске, выезжала в ней на улицу. Недавно меня снова посетила комиссия. И машина в скором времени обещана мне.

Она еще сказала:

— Знаете, мне хочется посмотреть всю Киргизию. Я ведь изучаю киргизский язык и даже перевела рассказ... В общем,— она улыбнулась,— у меня очень большие планы...

Несколько часов я проговорила с Лизой. Что можно рассказать о человеке, который столько лет прикован к постели? Оказывается, рассказать можно очень много. Впрочем, рассказ этот будет не только о Лизе Зазимко.

Это случилось в ту осень, когда Лиза окончила десять классов. Тогда она мечтала стать летчицей. О многом она мечтала... Это был тот возраст, когда хочется стать летчицей, актрисой, врачом одновременно.

И вдруг — несчастье. Лиза попала в катастрофу, поврежден позвоночник, полный паралич ног. Что делать, как жить? Она смотрела, как шли мимо окон люди. Быть может, у них были какие-то неудачи и огорчения... Но они шли!

Рядом были мама, сестра, брат. Приходили друзья, утешали, советовали.

Тут случилось и другое горе: отец Лизы Дмитрий Афанасьевич Зазимко ушел из семьи.

...Лиза решила поступить в техникум на бухгалтерское отделение: куда-нибудь, лишь бы не оставаться без дела. Училась, конечно, заочно.

Потом ее отправили в Ленинградский институт хирургического туберкулеза. Ей сделали операцию. Операция не дала результатов. Лиза лежала неподвижно. Зачем все, зачем? Зачем ее привезли сюда? Зачем окончила она техникум? Ей ничего не нужно... Как-то вечером к ней пришла ученый секретарь института Розалия Израильевна Свирская.

— Слушай, Лиза, что бы ты хотела делать сейчас, чем заниматься? Я знаю: тебе не нравится специальность бухгалтера.

Лиза молчала.

— Я уже много думала о тебе. Ты любишь читать, ты чувствуешь слово. Не поступить ли тебе учиться на корректора?

Лиза молчала.

— Мы поможем тебе. Сюда будут приходить педагоги. И, вероятно, кто-нибудь из твоих сокурсников будет тебе помогать.

В их группе было пятнадцать. И все стали ее помощниками. Она так и не может сказать, кто ходил к ней больше, кто был менее внимателен к ней. Она никогда не забудет эту группу — всех пятнадцать.

Когда Лиза окончила училище, к ней пришла Екатерина Николаевна Куренкова, старший корректор Лениздата.

— Будем знакомы,— сказала она,— я принесла вам работу.

...Прошло два года. Четыре стены, кровати и окружающие тебя люди, которым ты уже сказала все, все... Ну, а Ларисе Резниковой, пожалуй, говорила больше, чем всем.

Лариса поправилась и покидала институт. Она уезжала в Пятигорск.

Лиза Зазимко.

— Помни, Лиза, я твой большой друг. Когда надо будет, позови, приеду.

Лиза думала: «Вот мы пробыли вместе два года. Такая обстановка, конечно, сближает людей. А уедет в свой Пятигорск, начнет работать. Работа у нее интересная. И письма будут приходить все реже и реже...» Лиза сказала вслух:

— Все это слова, Лариса, слова. Пройдет время...

— Посмотришь,— только и ответила Лариса.

...Прошло уже несколько лет. «Посмотришь...» Да, она убедилась, что Лариса — настоящий, большой друг. Письма, книги, посылки...

«Я очень хочу тебя видеть. Мне это просто необходимо». И Резникова приезжала к Лизе. Особенно часто письма приходили от Ларисы, когда Лизу перевезли под Калининград, в санаторий. «Хорошо ли тебе, какие там люди?» — спрашивала Лариса.

Лиза писала ей длинные-длинные письма...

«Ты знаешь, Лариса, здесь был совершенно необыкновенный человек из Новосибирска, лесопатолог Александр Юрьевич Маслов. Как он рассказывает о лесах! Так рассказывает, что леса снятся мне по ночам. И потом, он, пожалуй, больше волнуется о моей судьбе, чем я сама. Сейчас он уехал в Новосибирск. Он ищет новую конструкцию кресел. Они мне необходимы. Советуется с конструкторами. И когда он успевает? Ведь у него работа, семья. И пишет мне подробные, бодрые, совершенно необходимые мне письма. Он волнуется, как я буду жить во Фрунзе... Как устроюсь у родных. Ведь мамы уже нет... Как встретят меня в этом городе, в котором я не была давно-давно...»

Лиза вернулась во Фрунзе. И она тоже волновалась не меньше, чем Александр Юрьевич. Она приехала к родной сестре. И ей, конечно, будет хорошо у нее. А кто придет к ней? Вспомнят ли о ней старые друзья, найдутся ли новые? Будет ли у нее работа? Она никому не напомнит о себе. Только попросит работу, только работу! Одним из первых пришел инструктор горкома комсомола Николай Дурнов.

— Во-первых, нужна связь с миром,— сказал он.

И Лизе поставили телефон. Потом стали приходить к ней совершенно незнакомые люди. Они вваливались в комнату шумной гурьбой и объявляли:

— Мы шефы.

Шефы из библиотеки, шефы с трикотажной фабрики... Они-то и притащили огромную коробку: комсомольцы фабрики прислали подарок — телевизор.

— Мы шефы...— Снова новые друзья. Работники Академии наук Геннадий Секисов и Сталь Тургумбаев. Они принесли ей работу — корректировать рукописи. Принесли ей книги. Они принесли ей массу всевозможных планов. Они непременно хотят познакомить ее с работниками радио. Она ведь перевела рассказ. Так почему же она не сможет сделать инсценировку для радио? Конечно, сможет...

И после они стали заходить к ней часто. И действительно, Лиза сделала несколько инсценировок для радио. И самая удачная у нее получилась по повести ее любимого писателя Паустовского «Разливы рек».

Как-то раздался телефонный звонок. Ну, конечно, Геннадий.

— Послушай, Лиза, у нас сегодня в академии вечер. И мы разыгрываем лотерею. На тебя тоже взяли два билета.

— Ну и напрасно, я ведь невезучая,— сказала Лиза.

Через час снова звонок.

— Поздравляем, ты выиграла скатерть, салфетки и чашки с блюдцами. Завтра все принесем тебе.

Она просто не может передать, какое у нее было тогда настроение. И совсем ни при чем здесь скатерть и чашки с блюдцами. Просто — друзья помнили о ней.

Вот так бывает в жизни. А отец живет на соседней улице. С тех пор, как случилось несчастье, он никогда не приходил к Лизе, никогда не спросил: «Дочка, ну как ты?»

А комсомольцы города Фрунзе решили помочь Лизе купить машину «Москвич». Для этого они будут трудиться на стройке после своего рабочего дня.

Сколько людей пишут, заботятся о ней!.. Письма, книги, посылки идут к ней из разных городов страны...

И вот я иду по снежной улице. Иду и думаю о Лизе. «Если бы вы знали, какие у меня планы, как хочется работать, работать...» И думаю о людях, о наших добрых, простых людях.

Поезд веселья в Благовещенске

Погода редко балует дальневосточников. Но нынешняя зима особенно злая. Когда в Москве термометр показывал 1—2 градуса тепла, в Благовещенске ртутный столбик опускался до 30—45 градусов ниже нуля.

Но неистовства погоды не помешали веселому торжеству — зимнему празднику сельской молодежи Приамурья, не испортили настроения хозяев и гостей.

Право участвовать в нем завоевали те, кто лучше всех трудился, кто хорошо проявил себя в учебе, в общественных делах. И вот в Благовещенске собрались доярки и дояры, свинари и свинарки, телятницы и чабаны, сельские механизаторы, передовики промышленности, комсомольские активисты, агрономы, зоотехники. Около полутора тысяч человек — цвет молодежи края — прибыло на праздник!

Центральные улицы Благовещенска принарядились. На фасадах домов лозунги, плакаты, транспаранты со словами привета участникам торжества. Из репродукторов в морозный воздух льются задорные песни, частушки.

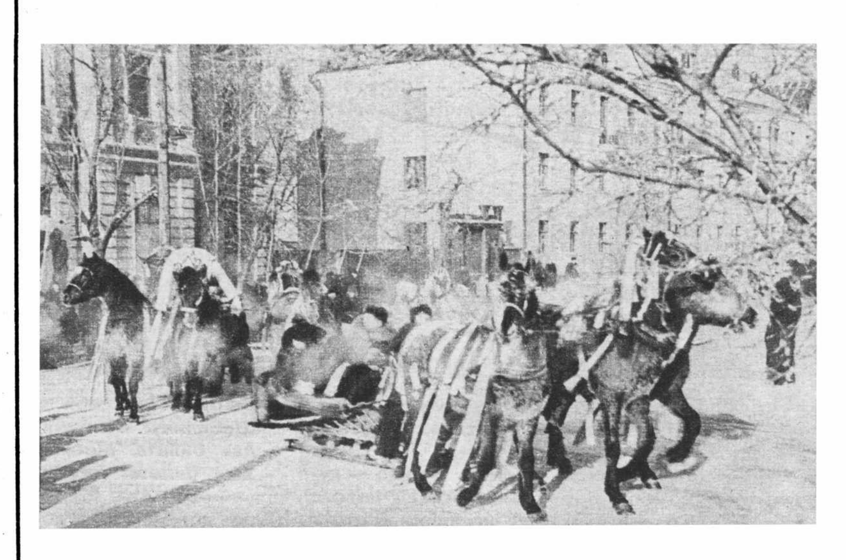
На набережной Амура дается старт поезду веселья. Тридцать лихих русских троек, увитых яркими лентами, украшенных цветами, мчат героев дня. Звонкой трелью заливаются колокольчики.

В небе показался самолет. Он сбросил тысячи разноцветных листовок с добрыми словами в адрес лучших животноводов и полеводов. Потом в морозной синеве появился второй — многоместный пассажирский аэроплан,— участники праздника совершали круг почета над городом.

По улицам промчалась длинная вереница легковых автомобилей. На шестидесяти «Волгах», «ЗИЛах» и «Победах» молодые победители проехали «наземный» круг почета.

В областном театре драмы и Доме офицеров состоялись торжественные собрания, на которых были подведены итоги соревнования молодежи. Лучшим комсомольским организациям — Благовещенского района и Озерянского совхоза — были вручены переходящие красные знамена обкома КПСС. Многие передовики получили медали «За освоение целинных земель», значки ЦК ВЛКСМ, почетные грамоты, ценные подарки, денежные премии.

Вечером на улицах вспыхнули огни иллюминации, в воздух взлетели снопы ракет, а в клубах и театрах начались балы.

Д. ПРОСЕКОВ

Благовещенск.

Фото Л. Безрукова.

Восемь и шестьдесят пять

Сколько на свете коллекционеров? На этот вопрос никто, пожалуй, не ответит. Ясно одно, их очень много и собирают они все: шедевры живописи и спичечные этикетки, марки и автографы, фарфор, насекомых, книги. В поисках заветных уникумов сближаются самые разные люди, завязываются самые необыкновенные знакомства, которые часто переходят в настоящую дружбу.

Такая дружба связала двух москвичек: 65-летнюю художницу Анну Сергеевну Шевченко и 8-летнюю школьницу Наташу Телешевскую. Объединил их общий интерес — прикладное искусство и... куклы.

Правда, коллекционируют они по-разному. В собрании Наташи вместе с рисунками, лепными фигурками и куклами, созданными самой девочкой, встречаются и подаренные экспонаты. А коллекция Анны Сергеевны — плод ее сорокалетней работы. В ее собрании и тончайшие вышивки по шелку, и воздушно легкие кружева, и цветы, и красочные кукольные костюмы, заслужившие высокую оценку индийских художников на советской выставке в Дели.

Анна Сергеевна Шевченко, Наташа Телешевская и кукла Снегурочка.
Фото Г. Санько.

Увидев коллекцию Анны Сергеевны, вспоминаешь волшебные истории, услышанные в детстве. Здесь и кукольные композиции из русских народных песен и сказок, и озорные паяцы, и крошечные смешные гномики, словно сошедшие со страниц сказок Перро и Андерсена.

Ю. ГУРЬЕВ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

Рассказ

Сергей ЗАЛЫГИН

Рисунки П. САРКИСЯНА.

Что случилось у нас в Сибири: как ни осень, так ненастье?! И еще: как ненастье, так хороший урожай!

Утром просыпаешься, глядишь в окно — кусочки синего неба видны над крышей нового пятиэтажного дома, который заселили всего с месяц назад. Тучи торопятся с запада на восток, какие-то разорванные, пестрые, фиолетовые и даже коричневые. «Ну,— думаешь,— это они убегают прочь, наверное, будет день без дождя. А может быть, и завтрашний день обойдется!»

Как бы не так: часа два-три — и все небо уже серое, неподвижное, тусклое, и во второй половине дня — дождь.

А сегодня мне не пришлось даже помечтать о ясном и безоблачном дне, о теплом и тихом вечере.

Еще не проснулся, звонок:

— Карпенок, спишь, поди-ка?

Это мой шеф, завсельхозотделом областной газеты Павел Исидорович Шебалин.

Я удивился. Во-первых, он мне только вчера вечером звонил, расспрашивал о положении дел в Суетинском районе. Вчерашний день Шебалин провел на бюро обкома, и мы с ним не встретились в редакции. Во-вторых, почему «Карпенок»? Я уже делал всем работникам редакции неоднократные и самые серьезные предупреждения, чтобы прекратили свои насмешки. Не в бабки играем, областную газету делаем! Поедешь в район — к тебе соответствующее отношение, для всех ты корреспондент, товарищ Карпекин Федор Семенович, все читали твои материалы на газетных полосах. В редакции же только и слышишь: «Карпенка в набор сдали?», «Карпенку правку сделали», «Карпенок идет ящиком». В-третьих, я только вчера вернулся из Суетинского района...

— Ты что же, Карпенок, в самом деле спишь?

— Сплю... В редакции буду ровно в девять. Минута в минуту.

— Вот что значит, Карпенок, новая комната! С телефоном. Жил в частной комнатушке и забот не знал, никто тебя не тревожил. Ты после университета сколько времени в Первомайке жил? Год?

Год... Про себя я подумал: «Что ему надо, Шебалину? Сегодня у меня на «Барабанщицу» два билета. Московская труппа на гастролях. Два билета. Два!»

— Вот что, Федор Семенович, тебе известно: комбайны из совхозов Суетинского района перебрасывают в Черемисино?

— Известно. Сегодня ночью эшелон должен быть на месте.

И опять соображаю: «Это о Суетке кто-то запрашивает шефа. Вот и все. Сейчас успокоится. Восьмой ряд, одиннадцатое и двенадцатое места...»

— Так вот, Федор Семенович...

Так вот, через полтора часа я ходил по путям хорошо знакомой мне пригородной станции Первомайка, откуда я совсем недавно переехал в город, в новый дом, и разыскивал эшелон с техникой из Суетинского района. Нашел я его на восьмом пути. Билеты на «Барабанщицу» тоже были в восьмой ряд. Я отсчитал от головы одиннадцатую платформу, подумал и решил взобраться на двенадцатую.

На этой платформе стояли комбайн-ростовец и трактор-алтаец. В кабине трактора были люди.

Только я подошел к этой платформе, как открылась кабина трактора и кто-то сказал совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в том, что я должен ехать с эшелоном:

— Товарищ Карпекин, давай сюда! Не слыхал, скоро тронемся?

Из кабины торчал наружу довольно крупный нос, выше — козырек синей фуражки, а ниже — губы и часть подбородка с рыжеватой шерсткой.

Я ответил, что и сам бы не прочь узнать, скоро ли тронется экспресс Суетка—Черемисино, который должен быть на станции назначения двенадцать часов тому назад.

Никто в кабине не обиделся, но никто и не засмеялся, синий козырек чуть приподнялся — должно быть, владелец фуражки провел рукой по затылку,— и тот же голос ответил:

— Семафор открыли... Вроде и гудок был. Не слыхали? Только заходите с левой стороны и сзади. А то как раз машинист возьмет с места — и вы под колесами!

В кабине трактора было трое, но один, должно быть, штурвальный, вылез наружу и уступил мне место. Облокотившись на траки, он приготовился слушать, о чем в кабине пойдет разговор с новым человеком.

Тот же голос сказал мне:

— Значит, помогать суетинцам! Порядок! Пресса, скажу вам, сила!

Я же принялся ругать погоду, а тем временем мысленно ругал еще и своего шефа и поглядывал влево: что это за человек сидит там в углу, который откуда-то знает меня?

Но между этим человеком и мною сидел еще один — полный, с опущенной на плечо головой. Этот был трактористом, я почему-то сразу решил, что он водитель того самого трактора, в котором мы сидели. Он дремал, заслонив собою большую часть кабины, и я снова видел только крупный нос, синий козырек и невыбритый подбородок. Теперь с другой стороны — с правой.

Накрапывало. Тучами было затянуто все небо, и все оно медленно-медленно вращалось в ту сторону, куда должен был тронуться наш эшелон.

Я стал смотреть, как оно вращается, и думать о Шебалине и о «Барабанщице», как вдруг толстяк-тракторист вскинул голову:

— Это что ж такое? А? Это как же называется? Каким образом?

Я не знал, каким образом это хотел назвать тракторист, но тоже сразу понял, в чем дело: вместо нашего состава с десятого или одиннадцатого пути тронулся другой. Влажные крыши пульманов и теплушек все быстрее ускользали мимо нас на зеленый огонек семафора, нам хорошо их было видно сверху, из кабины.

— Пошли, товарищ Карпекин! Пошли, пошли! Поможете нам!

Я не понял еще, куда и зачем должен идти, в чем помогать, как перепрыгивал уже через рельсы и подлезал под вагоны, стараясь не отстать от человека в брезентовом плаще и в синей фуражке, который откуда-то знал меня.

Я ворвался в дверь железнодорожной станции, на которой было написано «Вход посторонним строго воспрещен», когда он уже был там — стоял посреди небольшой сумрачной

комнаты и обеими руками держал спинку стула. На стуле сидел железнодорожник в новенькой форме и говорил:

— Выйдите, я вам говорю, гражданин! Я вам как человеку говорю: выйдите! Я вам как человеку объясняю: сейчас все составы срочные и сверхсрочные — выйдите! Вы без расписания, и никто из-за вас график нарушать не будет. Выйдите!

Мой знакомый незнакомец поглядел влево, потом вправо, и я подумал, что сейчас железнодорожник и его стул окажутся либо в палисаднике с чахлой и мокрой травкой, либо в темном коридоре с обшарпанными стенами.

Но он только нагнулся резко к столу и спросил:

— Это что такое?

Железнодорожник почувствовал, что останется на своем стуле, и сказал, не поворачиваясь:

— Вам какое дело? Выйдите! Это селектор! Выйдите!

— Пишите, товарищ корреспондент областной газеты, товарищ Карпекин,— вдруг как-то неожиданно спокойно сказал мой незнакомец: — «Сидящий около селектора дежурный станции Первомайка...» Как ваша фамилия?

— Выйдите, гражданин, как человеку говорю,— ответил дежурный, но теперь он уже сам привстал со своего стула...

— «...сидящий около селектора бюрократически ответил представителю Суетинского района...»

Я вынул записную книжку с позолоченным штампом газеты и самопишущую ручку.

— Литературно это мы позже обработаем,— сказал я.— Пока что запишем факты как таковые: «сидя-щий око-ло селектора...»

— Само собой,— подтвердил мой незнакомец,— само собой, литературу отложим на после. Вы какой институт кончали, товарищ Карпекин?

— Ленинградский государственный университет имени Жданова. Факультет журналистики!.. «Де-журный... бюро-кра-ти-чески ответил...»

— Порядок! А мне копию этой заметочки для транспортного отдела обкома можно будет?

— Отчего же! Конечно, можно!.. «...тически ответил представителю Сует-ского района». Как ваша фамилия, товарищ дежурный?

— А сами вы сибиряк, товарищ Карпекин?

— Коренной. Как ваша фамилия, товарищ?

Спустя минут двадцать мы снова сидели в кабине трактора. Под нами потряхивалось сиденье, трактор трясло на платформе, платформу — на стыках железнодорожного пути.

— К вечеру будем в Черемисине — никак не раньше! — вздыхал представитель Суетинского района.

Я сидел теперь с ним рядом и хорошо видел его лицо — смуглое, с неровной кожей на щеках. Нос оказался не таким большим на этом лице, как я увидел его в первый раз, сбоку, а глаза были чуть раскосые, серые и встревоженные.

Тракторист, который по-прежнему сидел с нами в кабине, назвал его Николаем Петровичем, но имя ничего не подсказало мне — никак я не мог этого человека вспомнить.

Между тем Николай Петрович нагнулся к моему уху и сказал:

— Вот что значит пресса! Никому нет охоты под общественное мнение попадать! Помните, как вы меня пропечатали за строительство? Так я тоже переживал! Струнков говорит: «Брось! Через две недели быльем зарастет!» Может, для кого и заросло, а я до сих пор помню!

Прекрасно знаю, что была у меня критическая корреспонденция о неудовлетворительном ходе строительства больничных учреждений в Суетинском районе. Кажется, в связи с месячником здравоохранения, проходившим в области. Знаю, что разговаривал я тогда с председателем райисполкома Струнковым — у него брал материал. Но кто в той корреспонденции еще фигурировал? Под какой фамилией названы там вот этот самый нос и вот эти самые глаза? Убейте, не знаю, не помню!

И теперь уже спросить об этом у их владельца совершенно невозможно. Надо было раньше позаботиться, когда меня окликнули в Первомайке.

— Вы когда весной обратно в Суетку приехали,— продолжал Николай Петрович,— помните, мы сидели в кабинете у Стрункова? Он мне и говорит: «А ну-ка, дай интервью о ходе строительства!» Я говорю: «Ладно уж... Вот больнице отопление дадим центральное, а тогда и это самое интервью». Ну, Струнков тогда сам все положение обсказал.

Опять помню, как «обсказал» положение Струнков. Названные им факты пригодились, были использованы редактором и в передовой. Как положительные.

— Между прочим, тот раз, как вы меня пропечатывали, меня на месте не было. Я лес заготавливал на севере области. В нашем районе, сами знаете, три дерева, вот тебе и весь урман. А тут настоящий прорыв на лесозаготовках образовался. Струнков говорит: «А ну-ка, поезжай, выправь положение!» Два месяца выправлял. Все бы ничего — холода были страшенные!

Николай Петрович еще говорил о больницах, о школах, об РТС и еще не раз вспомнил, как я его пропечатал. То ли из-за грохота мне так слышалось, то ли на самом деле он неправильно произносил это слово: у него получалось «припечатал».

Огромные массивы хлебов надвигались на нас... Кое-где в хлебах лежали зеленые пятна березовых колков, кое-где хлеб свален был в валки, местами же он был полегший. И везде он был густой, уже перестоявший и матово блестел от влаги.

Состав наш прибыл на станцию Черемисино под вечер. Поставили нас около платформы, такой короткой и неудобной, что разгружаться на ней мы стали бы до утра.

Опять мы ходили с Николаем Петровичем к начальнику станции, звонили в райком, и в результате нас расцепили на две части и развели к разным платформам.

Но все равно очень трудно и медленно двигалось дело, особенно с несамоходными комбайнами.

Николай Петрович бегал от одной разгрузки к другой, кричал: «Эх, взяли!» — налаживал вместе с комбайнерами и трактористами козлы, а когда порожние платформы отходили в сторону, обязательно осматривал каждую: не забыли ли там чего-нибудь.

Сгруженные машины расставлял на колонны, которые должны были двинуться в разные совхозы Черемисинского района.

Я и сам не заметил, как тоже стал бегать от платформы к платформе, кричать: «Эх, взяли!» — таскать какие-то бревна, и только однажды подумал, что время — семь тридцать вечера, и сейчас открывается занавес в областном театре, а в восьмом ряду... Дальше думать я не стал.

Еще потому не стал, что как раз в это время подошел пассажирский поезд, с подножки вагона соскочил высокий человек в кожаном пальто и фетровой шляпе и торопливо направился к нам. Его я сразу узнал: председатель Суетинского райисполкома товарищ Струнков.

Как было не узнать: позавчера ведь только виделись в Суетке, только позавчера, хотя мне казалось, будто с тех пор прошло по крайней мере недели две, в течение которых я работал в редакции, собирался в театр, ехал из Первомайки сюда, в Черемисино!

Струнков меня тоже тотчас узнал. «Какими судьбами, товарищ корреспондент? К нам пристроились? Приветствую, приветствую! Вот, надо оказывать помощь отстающим! Сами убрались — теперь северянам помогать!» Потом он и Николаю Петровичу протянул руку: «Докладывай. Как дела? Почему на день опоздали? Нехорошо, нехорошо! А я-то в уверенности, что наша техника сегодня уже на полную катушку работает!»

Струнков двинулся вдоль наших машин, а Николай Петрович шел рядом и докладывал.

Потом Струнков сделал кое-какие указания, велел поторапливаться и сказал:

— Ну, вот что, ты здесь пока командуй, а я пойду в райком. Надо с ними кое-что утрясти. Ты мне потом позвонишь.

Николай Петрович кивнул: «Позвоню, обязательно...» и тут же позвал меня:

— Пойдемте с вами на связь... Ответственное дело начинается!

Мы оккупировали кабинет, а точнее — маленькую комнатушку начальника станции, Николай Петрович положил перед собой отпечатанный на машинке листок, в котором было указано, в какие совхозы и сколько направляется комбайнов и тракторов. Первым в этом списке был совхоз под названием «Боевой». Николай Петрович соединился с «Боевым», но телефонистка ответила, что в конторе никого нет.

— Ищи! — ответил Николай Петрович сердито.— Я у тебя контору и не спрашиваю, мне люди нужны: директор, главный агроном, главный инженер. Ищи! Не найдешь, имей в виду: в совхоз не придет техника по причине отсутствия связи! Ясно?

Спустя минут десять уже шел разговор с директором «Боевого».

— Автомашин вы под наши комбайны сколько поставите? — спрашивал Николай Петрович.— Людей? С горючим как? Бочкотара? Питание нашим людям?

Солидный бас на другом конце провода возмутился:

— Собственно, о чем разговор? Есть разнарядка на технику — выполняйте. И так запоздали на день! Там на станции наш представитель — имейте с ним дело!

Николай Петрович закрыл рукой трубку и сказал мне:

— Вот видишь, пресса, вот сразу же и тот случай!

— Какой?

— Самый, можно сказать, опасный! Самый

вредный! Ничего, сейчас он заговорит! — И уже в трубку: — Я так понимаю, вы не готовы наших людей и нашу технику принять... А вот совхоз...— Николай Петрович скосил глаз на список,— совхоз «Белоярский» просит дать ему вдвое больше и всем необходимым взялся обеспечить и людей и машины... Так я записываю: автомашин вы ставите под наши комбайны сколько? Людей сколько?

Главному агроному Белоярского совхоза Николай Петрович как бы между прочим сказал о том, какие «Боевой» взял на себя обязательства. Это было теперь сущей правдой.

То и дело Николай Петрович выбегал на улицу и напутствовал то одну, то другую колонну наших машин... Настала уже ночь, темная и сырая; хотя дождя и не было, но звезды едва-едва мерцали сквозь тучи.

Некоторые наши колонны уже были в пути к месту назначения, а Николай Петрович все снова возвращался к телефону и говорил, что соседний совхоз запрашивает техники вдвое больше и берется обеспечить ее всем необходимым. Иногда он говорил в трубку: «Вот тут рядом со мной специальный корреспондент областной газеты, он записывает ваши обязательства!» — а иногда даже просил меня тоже сказать несколько слов, и я говорил: «Здравствуйте! Думаю у вас побывать на днях».

Николай Петрович удовлетворенно кивал:

— Уборочная! Тут все возможности до конца нужно использовать!

Из одного совхоза чей-то голос ответил:

— Что вы с меня спрашиваете? Я заместитель!

Николай Петрович засмеялся в ответ, неловко, коротко и как-то даже деловито: должно быть, он редко смеялся, а потом сказал:

— Вот и я тоже заместитель! Да! Заместитель председателя Суетинского райисполкома! Вот я и знаю, что вы должны будете завтра сделать: доложить своему начальнику, что вы побоялись взять на себя ответственность, и поэтому совхоз остался без техники, технику другие попросили! — И опять засмеялся тем же неярким смехом.

Теперь я знал, кто такой Николай Петрович, — заместитель Стрункова. Знал, но все равно никак не мог вспомнить, где и когда мы с ним встречались. Должно быть, только на ходу, в коридоре исполкома или в кабинете председателя.

Уже ночью Николай Петрович пожал мне руку и сказал:

— Великое дело — пресса! Общественное мнение — никому нет охоты под него попадать! Поеду-ка я в «Боевой»! Чую, дела у них самые серьезные!

— А вы сколько времени пробудете в Черемисах?

— Так ведь кто его знает! До последнего колоска. Надо будет в обратный путь технику сопровождать.

— А Струнков?

— Что Струнков?

— Он-то ведь здесь?

— А как же! Ему под личную ответственность облисполком вменил это дело! Вот звонить ему буду сейчас!

Я хотел еще продолжать разговор, но Николай Петрович перебил:

— Видишь ты, погода-то какая! — Это он в первый раз за все время заговорил о погоде.— Переночуете в Доме колхозника, а там тоже наезжайте в «Боевой». А?

Я сказал, что обязательно заеду.

Оставшись один, я постарался представить себе, какую можно было бы корреспонденцию написать обо всем том, что мне пришлось видеть нынче. Получилось — никакой. Ну, шел состав, пришел, разгрузили технику, отправили по совхозам — только и всего. Завтра я обязательно буду передавать корреспонденцию о передовиках и отстающих, а для нынешних событий там найдется разве только одна строчка: «...на поля вышла техника, прибывшая в помощь черемисинцам из Суетинского района». А для Николая Петровича и такой строчки не найдется. В то же время меня не покидало такое чувство, словно я что-то увидел нынче, что-то, о чем и не надо говорить второпях. «Ничего,— подумал я,— когда-нибудь я и о таком вот дне, как сегодня, тоже смогу написать. Когда их больше накопится в моей жизни».

Будапештские вечера

Борис ИВАНОВ

Фото автора.

Зимний вечер подкрадывается незаметно, как старость. Бежит час за часом в трудах и заботах, и вдруг в какой-то момент чувствуешь: глаза стали хуже видеть, нужно зажигать свет. А ведь только что день казался бесконечным...

Вечер, вечер... Как часто в эту пору мы подводим мысленно итог прожитого дня, а иной раз за чашкой чая с друзьями — итог и целого периода жизни! И от того, каков он, этот итог, мы радуемся или огорчаемся, строим планы на завтра, на будущее.

Много у меня было таких встреч, таких вечеров в Будапеште, где говорилось об одном дне, равном целым годам, и о годах, не стоящих и одного дня. И когда, вернувшись из Венгрии, я думал, что же мне написать о своей поездке, решил, не мудрствуя лукаво, рассказать о людях, с которыми вместе проводил длинные будапештские вечера.

СЧАСТЬЕ ВИКТОРА КАЛЛО

I

Безденежье всегда, как слякоть на душе. А если в кармане ни гроша перед встречей с любимой девушкой, настроение так портится, что не знаешь, куда себя девать. Именно такое чувство охватило Виктора Калло, когда он накануне не смог выколотить у своего хозяина ни одного форинта, хотя тот должен был ему уже за месяц.

— Потерпи, малый,— сказал сутулый Дьердь.— Видишь, как дела идут плохо!

Что правда, то правда. После того как народная власть национализировала у Дьердя все его недвижимое имущество, дела у него пошли под гору. Он еще больше ссутулился, но сдаваться не хотел и открыл в городе Пече мастерскую, в которой и слесарил Виктор Калло.

Терпеть Виктору было привычно. За свои семнадцать лет он столько натерпелся, что для многих хватило бы с избытком на целую жизнь. Виктор рос круглым сиротой, хотя были у него мать и отец. Впрочем, были ли? Отец завел другую семью, кучу детей и в Викторе не хотел признавать сына. А мать оставила его, трехмесячного, тщательно завернутого в пеленки, на попечение добрых людей.

Такой добрый человек нашелся — бабушка, мать отца, все богатство которой состояло в щедрости ее сердца, в трудолюбии ее крестьянских рук. В небольшом домике одинокой женщины Виктор научился ходить, а ее сказки о добрых духах из Хортобадьской степи, ее вышивки полевых цветов рано пробудили в нем чувство прекрасного.

Когда Виктор кончил шесть классов, бабушка купила ему новые штаны, куртку и билет на поезд до Печа. «Поезжай в город,— сказала она,— поищи там свое счастье. Ты уже большой... И всегда держись своих».

Возраст у бедных людей определяется не годами, а нуждой. В хортистской Венгрии и десятилетний мальчик становился работником в семье. А Виктору было уже тринадцать. К тому же выглядел он — высокий, большерукий — на все семнадцать лет. Да и умел он не только читать, писать, считать, а еще и слесарить, рисовать.

И вот, казалось, Виктор Калло нашел в Пече свое счастье. Нет, не в мастерской сутулого Дьердя, где он слесарил уже третий год. Счастье должно было с минуты на минуту прийти сюда, в городской парк, такое же нежное, лазурное и веселое, как полевые цветы на вышивках бабушки.

Огорчало отсутствие денег. Ведь он обещал Анне пойти с ней в кафе. Она уже намекнула ему в прошлый раз, что ей надоело бесцельно шататься по улицам. Город она и без провожатого знает хорошо, выросла в нем...

Этот намек больно кольнул мужскую гордость. К тому же Виктор знал, что Анна из очень богатой семьи, ни в чем себе не отказывает, живет с папой и мамой в красивом особняке. Но изредка мелькавшую мысль о каком-то неравенстве Виктор сразу же отбрасывал. «Подумаешь! — рассуждал он.— Времена не те. Да и Анна умница, любит меня. Иначе зачем бы она со мной встречалась?» Но другой голос напоминал напутствие бабушки: «Держись своих». Но... что знает бабушка? Он

Памятник погибшим в борьбе с контрреволюцией.

выучится, он будет артистом. Это решено твердо. И он скажет сегодня об этом Анне...

— Викто́-ор! — услышал Калло за спиной.

Этот голос Виктор мог отличить из сотен голосов. Особенно манеру произносить его имя: немного в нос, с ударением на последнем слоге, растягивая букву «о», — «Викто́-ор!»

И снова ее пальцы в его ладонях, мягкие, теплые и такие тонкие, что Виктор всегда боялся повредить их в своей лапище.

— Ну что, сегодня опять будем считать звезды?

— Их так много, а ведь мы еще не дошли до тысячи, — пытался отшутиться Виктор.

— Боюсь, что мы пересчитываем одни и те же звезды...

Ох, уж это безденежье! От неловкости и рукава на пиджаке кажутся слишком короткими и туфли на ногах какими-то неуклюжими. Виктор хотел поначалу просто честно признаться: старый Дьердь опять подвел его. Но тон, которым говорила Анна о звездах, сдержал его искренность. Он предложил пойти в клуб, где его друзья, ребята из самодеятельности, играют сегодня «Молодую гвардию». Благо, вход был бесплатный.

— О нет! «Молодую гвардию»? Лучше уж считать звезды...

— Но для меня это так важно, Анна! Пойдем!

— Что важно? «Молодая гвардия»?

— Сцена, театр! Я хочу быть артистом. И тогда тебе будет всегда со мной хорошо, — выпалил Виктор, сочтя момент подходящим, чтобы открыть свою тайну.

— Что-о? Чумазый слесарь — артист?

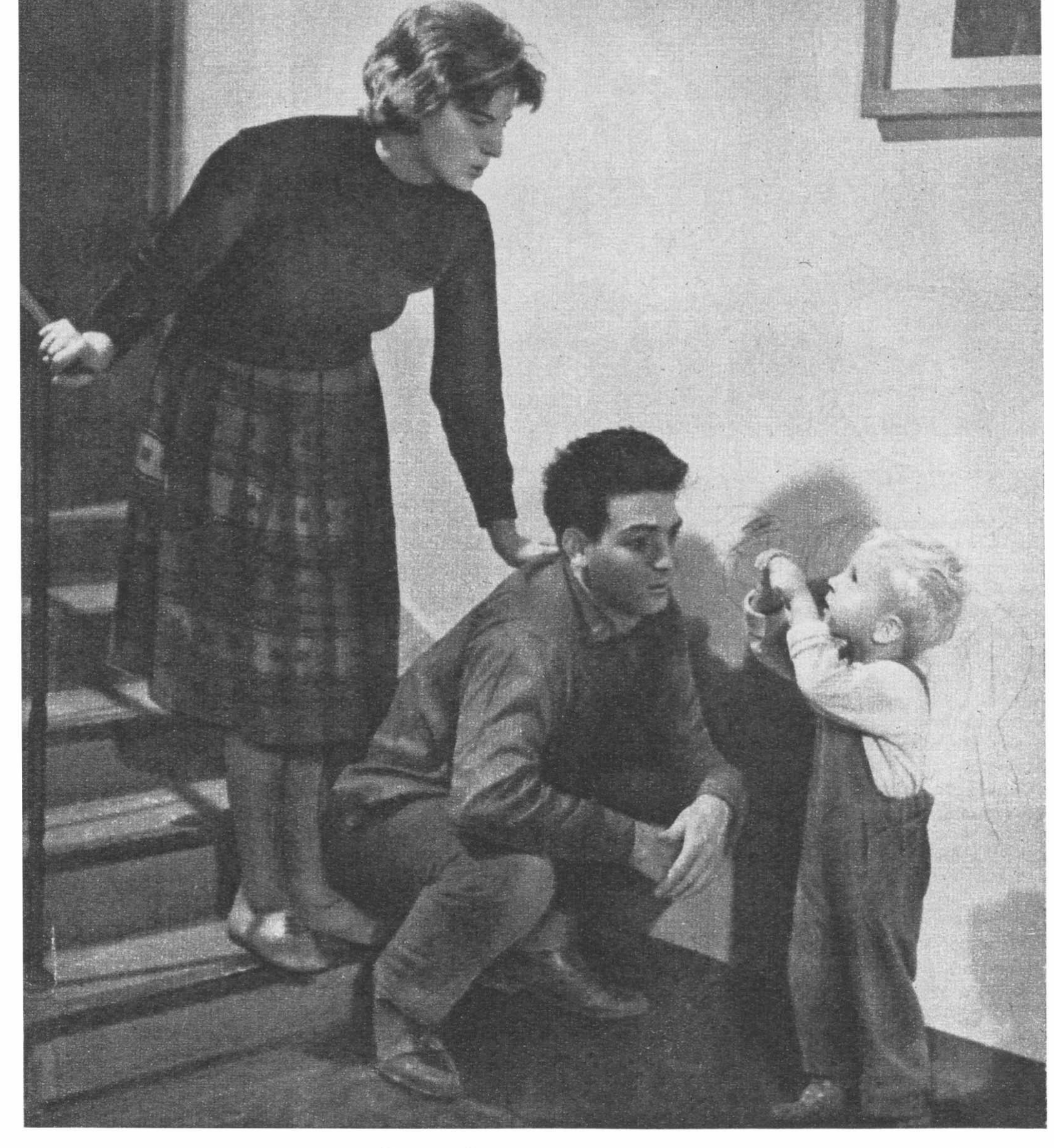
Анна сразу поняла, что сказала что-то очень плохое, обидное. «Ах, какая я дура!» — пронеслось у нее в голове. Анна встречалась с Виктором не случайно. Он ей нравился. На знакомство с рабочим парнем ее родители смотрели сквозь пальцы: блажь скоро пройдет, а прослыть демократами — это даже полезно!

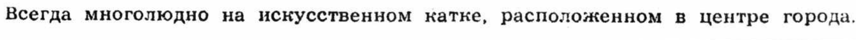
Виктор какое-то мгновение не понял смысла услышанного, но только мгновение. Его длинные руки повисли, как плети. В горле вдруг стало очень горько. Когда-то раньше он уже испытывал эту горечь. Ах да, когда на деревенской улице слышал слово «подкидыш»! Но тогда он бежал к бабушке и зарывался головой в ее широкие юбки. А куда бежать сейчас? Куда?..

Виктор повернулся и побежал. Не пошел, а побежал к своим приятелям в заводской клуб.

Больше уж он не возвращался к сутулому Дьердю. Слесарил Виктор по-прежнему, но на металлическом заводе, вместе со своими друзьями. И только один год.

А Анна? Сказать, что он ее больше не видел, значило бы сказать неправду.

Виктор Калло в кругу семьи. Фото Фаркаша Тибора.

II

Во время обеда Иштван Сабо, тоже слесарь, сказал Виктору:

— Слышал, какая-то комиссия приехала из Будапешта. Ищут таланты. Показал бы свои рисунки.

— Пусть ищут где-нибудь в другом месте!.. И не порть себе аппетит.

— От твоей злости гуляш хуже не станет, а я говорю всерьез.

В ответ Виктор только махнул рукой, его широкие брови сошлись у переносицы, и разговор прекратился.

Но сообщенная Иштваном новость не выходила из головы весь остаток дня. Не давала покоя и ночью. Виктор несколько раз вставал, пересматривал свои зарисовки улиц Печа, родной деревни Бобоча, наброски портретов бабушки, знакомых ребят и даже сутулого Дьердя. «Все не то, все плохо! — с горечью думал Виктор. — Засмеют!.. Куда мне, чумазому слесарю, соваться?»

Но стоило ему снова лечь в постель, закрыть глаза, и воображение рисовало другую картину: высокий мужчина в очках (почему в очках?) внимательно смотрит его рисунки и говорит: «Отлично, отлично! Вы должны ехать в Будапешт учиться».

Утром болела голова и работа не клеилась. Виктор с трудом двигал напильник, ниже обычного склонив голову к тискам. Вдруг кто-то тронул его за плечо.

— Здравствуйте, товарищ Калло!

Перед ним стоял толстый мужчина, белый воротничок туго стягивал его шею, черные глаза весело улыбались.

— Я из Академии живописи и ваяния. Ваши друзья говорят, что вы художник. Хотелось бы посмотреть ваши рисунки.

— Да так, баловство одно. Болтают зря.

— А все-таки, можно посмотреть?

В душе у Виктора затеплилась надежда. «А вдруг?» Надежда оказалась сильнее сомнений. В этот день Калло не обедал, а показывал свои рисунки представителю из комиссии. Представитель ничего не говорил, перебирая листы, перелистывал альбомы и только покачивал головой. Прощаясь, заметил:

— Работать надо, Виктор Калло, работать!

Виктор с этого дня работал еще усерднее. Нет, не карандашом, не кистью, не углем, а напильником, зубилом, молотком. И никто из товарищей не напоминал ему о комиссии из Будапешта, пока он сам не напомнил им о ней.

А случилось это так.

Как-то осенним вечером, вернувшись домой с работы, Виктор нашел на столе письмо. На конверте был штамп: «Будапештская Академия живописи и ваяния». Страх, любопытство, нетерпение охватили его. Дрожащими руками он разорвал конверт. На листке бумажки было напечатано всего две фразы: Виктора Калло приглашали на экзамен. Приехать в Будапешт он должен был через неделю.

Как прошли семь дней перед отъездом, Виктор толком не помнит. Единственное, что глубоко запало в сердце, что подстегивало его в самые трудные минуты, — это слова товарищей: «Смелее, Калло, не теряйся! Ждем тебя только на каникулы».

Виктор свято выполнил наказ друзей: не терялся, старался, что было сил. Рисунок сдал.

Будапешт строится. В новом районе города.

Всегда многолюдно на искусственном катке, расположенном в центре города.

Оживленно на улицах Будапешта.

Предстоял экзамен по лепке. Тема свободная. Срок — семь дней. Но как лепить, когда за всю свою жизнь он никогда не имел дела с глиной? Отступить, сказать: «Не умею»? А что тогда он услышит на своем заводе в Пече? Помнил, очень хорошо помнил Виктор и едкую насмешку Анны.

«Нет, Анна, из чумазого слесаря будет художник, будет!» Сколько раз он повторял про себя эти слова, работая в классе лепки! Но как Виктор ни бился, ничего у него не получалось: то голова оказывалась слишком большой, то ноги короткими, то вообще черт знает что выходило из-под его рук. На иронические замечания других абитуриентов, на их колкости Виктор Калло отвечал тем, что тут же разбивал свою композицию.

И вот наступил канун сдачи экзамена. Завтра утром придут профессора, посмотрят, кто что сделал, и вынесут свой приговор. Да, для Виктора их решение прозвучит как приговор.

Сторож уже шел по длинному коридору и запирал классы. А на станке у Виктора, как и шесть дней назад,— бесформенный комок глины. Сейчас сторож выгонит и его. Но впереди еще одна ночь. Целая вечность. Не попробовать ли, не рискнуть ли в последний раз? Надо уговорить сторожа позволить ему остаться в классе на ночь. А если он не согласится? Покашливание сторожа слышалось уже около двери.

И Виктор Калло решился. Он спрятался в пустой шкаф. Когда щелкнул замок, Виктор вышел из шкафа, зажег свет и лихорадочно принялся за работу. Он лепил то, что было самым дорогим, самым любимым у него в жизни,— свою бабушку.

Когда за широким окном забрезжил рассвет, все было готово. Виктор даже сам удивился: со стола, как живое, смотрело на него родное лицо — тонкий нос, плотно сжатые строгие губы, к большим глазам сбегались от висков струйки морщин. Виктор опустился на стоявшую в углу табуретку, прислонился спиной к стене да так и заснул. Разбудил его чей-то голос.

— А кто автор? — раздалось у него над самым ухом.

Виктор увидел группу людей в белых халатах, стоявших около его скульптуры. Спрашивали явно его.

— Я автор! — сказал Виктор, поднимаясь с табуретки.

— Хорошо! Вам надо учиться!

Это говорил тот самый толстый человек с веселыми черными глазами, который летом приезжал в Печ на металлический завод.

III

Минуло шесть лет. Это были годы радостных надежд, взлетов, горьких разочарований, сомнений, споров, годы, до краев наполненные трудом и потому пролетевшие так быстро. Виктору казалось, что он только вчера ранним утром шел вот по этому коридору, усталый, довольный и очень уверенный в себе. Он тогда не пошел в общежитие отдохнуть после бессонной ночи, а отправился на почту, чтобы послать две телеграммы: бабушке и на завод. Каждая из телеграмм состояла из одного слова: «Приняли».

Сегодня утром, когда Виктор увидел в газете фотографию своей дипломной работы, он тоже был доволен и очень уверен в себе. Но к этому чувству силы и уверенности нет-нет да и подкрадывалось другое чувство — чувство ответственности. Виктор знал, что он талантлив, а сознание этого накладывало на него особенную ответственность перед теми, кто его вырастил, кто помог ему из простого слесаря стать художником.

«Держись своих»,— сказала ему бабушка девять лет тому назад. Эти слова стали для Виктора девизом в жизни. Однажды, по молодости лет, он усомнился в них и получил предметный урок. Теперь его долг — не только держаться своих, но и служить своим, отдавая всего себя без остатка. Последние дни перед выпуском Виктор часто думал об этом и боялся обмануть надежды друзей. И сейчас, когда он шел в класс-мастерскую, эта мысль не выходила из головы.

— Викто́-ор! — вдруг услышал Калло знакомый голос, знакомую интонацию.

Что такое? Виктор весь сжался от неожиданности, словно его ударили в спину чем-то очень острым. Уж не галлюцинация ли это, не плод ли нервного напряжения, с которым была связана подготовка дипломной работы?

Виктор резко обернулся. Навстречу шла Анна, обнажив в улыбке свои белые, мелкие зубы. «Не узнать? Не поздороваться? Бежать? Глупо, глупо, глупо!»

— Читала, видела, пришла поздравить! Да ты совсем не изменился! — сыпала Анна.

И, как тогда, в тот памятный вечер, ее тонкие пальцы утонули в его широкой ладони, обожгли своей теплотой.

— Куда торопишься? Ах, в мастерскую! Я с тобой, можно?

Виктор в ответ кивнул головой. Растерянность прошла, как только он перешагнул порог мастерской.

— Садись, Анна, хочу сделать твой портрет,— сказал спокойно Виктор, пододвигая ей высокий табурет.— Увековечу тебя. Не возражаешь?

— О, это даже интересно!

Виктор всегда работал быстро. Он так увлекался, что не чувствовал времени, не видел того, что происходило вокруг. Сейчас же на него нашло особенное вдохновение. Портрет рождался как по волшебству. Он даже не слышал толком, что ему рассказывала Анна. А она болтала без умолку. Теперь она живет здесь, в Будапеште. Папа эмигрировал в Австрию. Пишет, что там ему лучше. Она работает в банке. У нее есть уютный уголок.

В ответ Анна услышала только два слова: «Не отвлекай, мешаешь».

К вечеру скульптурный портрет был почти готов.

— На сегодня хватит! Ты и так устала,— сказал Виктор, снимая халат.

— Как здорово! Вылитая я!

— Ты находишь?

— Тут и делать больше нечего.

Виктор осторожно снял со станка сырой бюст, приподнял, как бы оценивая дело рук своих, а потом с силой бросил на пол к ногам Анны.

— Вот и все! — твердо сказал он, повернулся и быстро вышел из мастерской.

* * *

Имя Виктора Калло я услышал в первое же утро моего пребывания в Будапеште. В редакции «Орсаг-Вилаг» Жужа Гал, журналистка, переводчица, «ваш ангел-хранитель», как ласково ее отрекомендовали мне венгерские друзья, сказала:

— А еще надо обязательно посмотреть памятник тем, кто пал в борьбе с контрреволюцией. Он недалеко отсюда, на площади Республики. Автор его — Виктор Калло, очень талантливый молодой скульптор. Вам интересно будет познакомиться и с ним лично. Встречу можно устроить хоть сегодня.

Предложение Жужи Гал было как нельзя кстати. Встреча с молодыми венгерскими интеллигентами входила в мои планы.

Через четверть часа мы были на площади Республики. Посередине ее на белой мраморной плите стоял бронзовый монумент. Художник изобразил простого человека в момент его гибели от вражеской пули. Он вот-вот упадет на землю, колени его уже согнуты, но дух борца не сломлен. Взмах руки как бы шлет проклятие убийцам, а гордо закинутая назад голова, взгляд, устремленный вперед, говорят: герои, даже умирая, верят, что дело, за которое они борются, победит.

— Над этой скульптурой я работал и много и мало,— рассказывал мне вечером Виктор Калло.

Мы сидели в его мастерской, расположенной в новом районе Будапешта. Просторную комнату не загромождало ничто лишнее. У стены стоял незаконченный барельеф Карла Маркса.

— Моя мечта — создать в скульптуре образ Маркса,— говорил Калло, когда знакомил меня со своей мастерской.— Это уже третья попытка.

Жена Виктора, Георгина, под стать мужу, высокая, стройная, накрывала на стол. Потом белоголовый мальчик уселся у мамы на коленях. Тепло, просто, по-домашнему уютно было мне здесь. А мысль между тем возвращалась к человеку на площади Республики. Этот бронзовый человек жил, потрясал своей правдой. Он продолжал жить и в сердце художника, его создавшего.

— Почему я сказал: и много и мало? — как бы отвечая на мой немой вопрос, сказал Виктор.— Сейчас поясню. Год окончания академии был для меня омрачен контрреволюционным мятежом. Было в ту осень и трудно и сложно. Не все сразу разобрались, что к чему, особенно некоторые наши интеллигенты. К тому же такие люди, как папа Анны, подогревали мятеж с Запада, а их отпрыски раздували костер здесь, в стране. События эти потрясли меня до глубины души. Хотелось как-то выразить свою боль, рассказать всем о героях. Это был мой долг, душевная потребность, которая ни минуты не давала покоя. Но все, что бы я ни слепил, казалось холодным, схематичным, недостойным. Вскоре был объявлен конкурс. Думал, может, он меня подстегнет. Но неудачи преследовали меня. Срок сдачи проектов надвигался неумолимо. Оставалось два дня, а выставить нечего. И тогда я по своей давней студенческой привычке заперся в мастерской. Благо, не было сторожа с ключами и никто не мешал работать ночью. Поверите ли, сорок восемь часов я не отходил от станка. И что же? Видимо, то, что я так долго искал, наконец пришло... Короче говоря, мой проект получил первую премию...

Допоздна засиделись мы за гостеприимным столом Виктора Калло. О чем только не говорили, но возвращались к искусству, спорили, соглашались, спрашивали.

Как бы продолжением этого разговора была встреча в другом месте, за другим столом.

Вступая во второе столетие

...На обложке журнала изображалась мчащаяся тройка — символ путешествия того времени. Уже была построена железная дорога из Петербурга в Москву, в столице готовились к пуску первой конки, но «птица-тройка» была еще главным средством сообщения в громадной стране.

Журналом землеведения, естественных наук, изобретений и наблюдений назывался далекий предок современного «Вокруг света», который начал выходить с 1861 года.

Среди путевых очерков, заметок о любопытных явлениях природы, о нравах и обычаях разных народов журнал сообщал о том, как белые «цивилизаторы» в США истребили около 14 миллионов краснокожих индейцев, о том, что в 1861 году английские колонии дали десятки миллионов фунтов стерлингов дохода колонизаторам, об исследовании дна Атлантического океана для прокладки телеграфного кабеля Европа — Америка, о строительстве Суэцкого канала и препятствиях, которые чинило этому английское правительство, о новых арктических экспедициях...

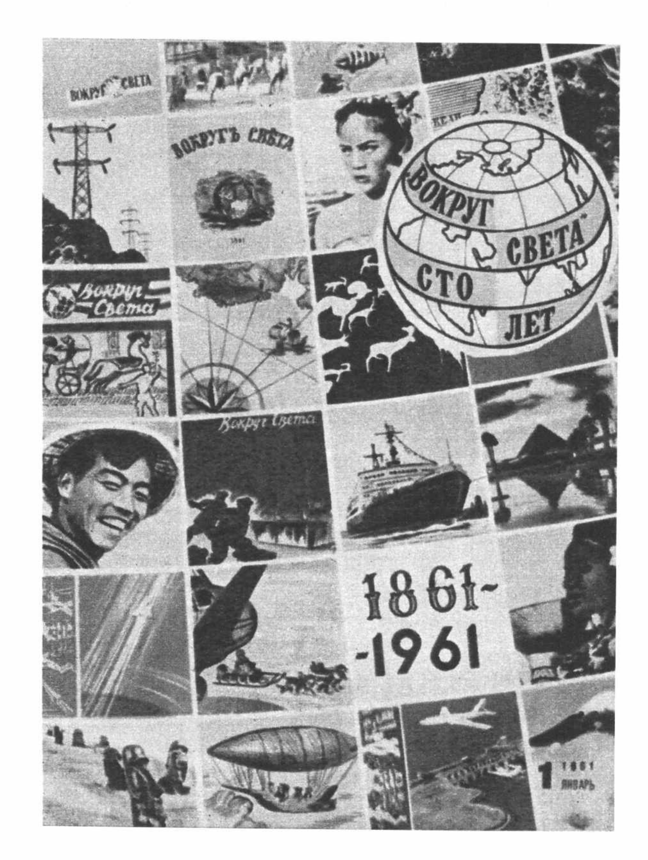
В 1906 году журнал публикует серии статей «по истории освободительного движения на Западе» и «о жизненном укладе, который выработали у себя страны, опередившие нас в деле общественного благоустройства»... На обложке двадцать шестого номера за 1906 год напечатан портрет Карла Маркса, а в номере помещены портреты Ф. Энгельса и Ф. Лассаля.

За сто лет не раз менялся облик журнала, но всегда «Вокруг света» оставался журналом путешествий, приключений и фантастики. Он рассказывал о путешествиях Пржевальского и Миклухо-Маклая, Гумбольдта и Обручева. Журнал впервые познакомил русского читателя со многими произведениями Жюля Верна, Эдгара По, Герберта Уэллса, Джека Лондона.

После Великого Октября на страницы журнала пришел новый герой, строивший Комсомольск-на-Амуре, тяжелую индустрию Урала, покорявший Арктику. «Вокруг света» стал журналом революционной романтики и приключений, а ныне — географическим научно-популярным журналом ЦК ВЛКСМ. Вместе с другими юношескими изданиями он призван помогать коммунистическому воспитанию советской молодежи.

Сегодня журнал рассказывает о новой географии Советской страны и всего земного шара, о том, как под руководством Коммунистической партии закаляется и крепнет молодежь страны, о романтиках наших дней, о людях сильных, смелых, преданных Родине.

Накануне своего столетия журнал организовал две большие экспедиции. Одна — по стройкам семилетки — прошла на автомобиле «ГАЗ-69» по маршруту Москва — Рязань — Курск — Керчь — Счастливое — Киев — Закарпатье — Минск — Смоленск — Москва. Другая экспедиция совершила путешествие по 60-му меридиану, от Крайнего Севера до южной границы страны.

Журнал по-прежнему знакомит читателя с произведениями прогрессивных зарубежных литераторов.

Вся страна готовится к XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Журнал начал подготовку к съезду: в новом разделе «Пути, открытые в Завтра» мы будем публиковать материалы о развитии народного хозяйства. Ученые, писатели и журналисты расскажут о преобразовании Сибири и других районов страны.

В. САПАРИН,
главный редактор журнала «Вокруг света»

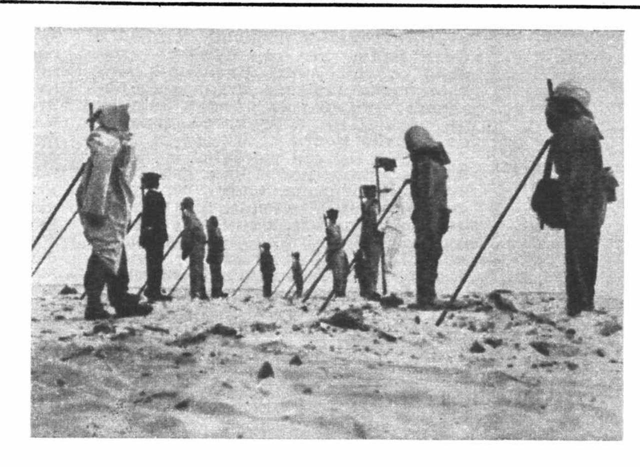

РЕМЕСЛО ИОСИТО ИТЦУКИ

Оставшись без работы, 35-летний Иосито Итцуки из Токио все же нашел способ добывать себе средства на пропитание. Иосито научился... дразнить собак богатых хозяев. Причем делал он это совершенно незаметно. Собаки обычно кусали Итцуки, и он получал соответствующую мзду с их владельцев. Дела шли неплохо. Но все же в конце концов Иосито был уличен и предстал перед городским судом. Суд обвинил его сразу в нарушении общественного порядка, истязании животных, вымогательстве и неуплате налогов...

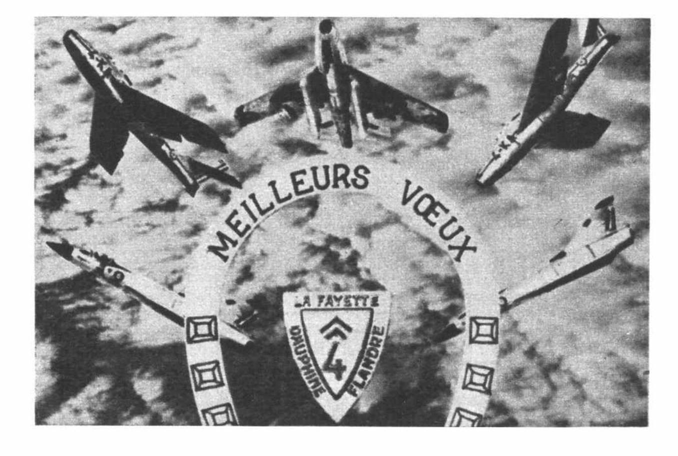
Через год после тюремного заключения, к которому приговорен Иосито, он окажется перед прежней проблемой: каким путем заработать себе на жизнь?

...А ЛЮДИ ПРОТИВ!

Это не люди. Это чучела. Они были установлены на подпорках в пустыне Сахаре, где Франция производила испытания атомной бомбы. Французские военные изучали эффективность своего ядерного оружия на манекенах, одетых в военную форму. Чучела, понятно, не возражали против этого эксперимента. Но зато люди на африканском континенте, в самой Франции, во многих других странах выступили против таких опытов. Люди — не бессловесные чучела. Пусть это запомнят любители ядерного оружия!

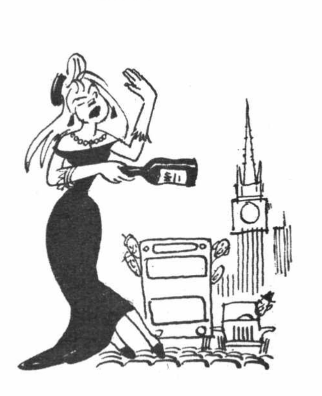
«ЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ»

Новогодняя открытка. Ее отправил своим родным французский солдат. Как видите, открытка имеет весьма воинственный вид. А слова, написанные на ней солдатом, грустные: «Вот уже два месяца, как меня забрали в армию...» Первые два месяца. А что будет потом? Отправят ли его в Алжир, или заставят служить генералам НАТО, готовящим военные провокации? Грустно солдату...

На открытке написано: «Лучшие пожелания». О чем мечтают солдаты Франции, чего хотят они от этого года? Конечно, того, чтобы бомбардировщики и истребители, изображенные на открытке, не поднимались в воздух, неся смерть, чтобы французским парням не грозила гибель на чужой алжирской земле, чтобы в мире был мир. Но у солдата не оказалось другой открытки под рукой...

СОМНИТЕЛЬНАЯ СЛАВА

В современной Англии актриса Сара Черчилль приобрела широкую известность. За последние годы Сару Черчилль неоднократно задерживала полиция в барах и ресторанах, где она устраивала пьяные скандалы. Однажды, выпив изрядное количество спиртного, Сара пыталась регулировать движение транспорта на людном перекрестке. На счету буйной дочки сэра Уинстона немало подобных «невинных» развлечений. И вот результат: по решению лондонского суда Сара Черчилль взята под государственную опеку сроком на один год.

Геннадий Ваганов во время гонки в Маккини Крик.

В. ВИКТОРОВ, И. НЕМУХИН   Фото М. БОТАШЕВА.

СНЕГ И СЕК

Снова пролегла лыжня по склонам гор. Давно ли мы стояли на легкой трибуне, в долине Маккини Крик? Давно ли проносились перед нами по кругу лыжники, а мы никак не могли найти в их пестрой веренице наших спортсменов? До сих пор, как вспомнишь, дыхание захватывает.

Собираясь в Скво Вэлли на «белую» олимпиаду, мы понимали, что спор на калифорнийском снегу будет еще более ожесточенным, чем четыре года назад на снегу альпийском, что скандинавские гонщики полны решимости освободиться наконец от непрошеных соседей по трибуне почета. Еще бы! За всю историю международных встреч никого и близко не подпускали к призовым медалям лыжники Швеции, Финляндии и Норвегии, и во всех судейских протоколах, утверждающих чемпионов лахтинских и холменколленских игр, мировых и олимпийских первенств, можно было встретить имена спортсменов лишь трех северных стран! И вдруг на весь мир зазвучали рядом с ними простые русские фамилии — Кузин... Колчин... Шелюхин... Аникин... Ваганов... На всех крупнейших международных соревнованиях судьи начали флагами салютовать советским спортсменам, успешно заканчивающим спор за каждую десятую секунды.

Да, за последние шесть лет немало заставили наши ребята поволноваться и скандинавских боссов и спортивных журналистов. А мы с гордостью наблюдали эти сенсационные перемены в лыжном спорте и на мировом чемпионате в Лахти, и на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо, и на уральском и московском снегу.

И получилось, что на «белых» олимпиадах в Италии и в США главный спор разыгрался на эстафетной дистанции. Ведь и в Кортина д'Ампеццо всем казалось, что скандинавским гонщикам удалось оттеснить их новых соперников, но эстафета, последний аккорд соревнований, закончилась, как известно, нашей победой. И вот в Скво Вэлли все повторялось сначала, с той лишь разницей, что уже после первого этапа мы, казалось, полностью теряли шансы не только на первое, но даже и на шестое место.

Легкий настил трибуны уплывал из-под наших ног — уже семь гонщиков успели передать эстафету спортсменам, идущим на втором этапе, а наш Шелюхин еще только появился на стадионе. Мы восьмые! Где уж нам вести теперь борьбу со скандинавским трио!

Но в последующие полчаса мы успели сменить отчаяние на робкую надежду, надежду на горделивый задор, а задор на безудержное ликование. Такова была наша эстафета — болельщиков. Геннадий Ваганов, Алексей Кузнецов и, наконец, Николай Аникин сделали невозможное возможным. Их высокое мастерство, помноженное на несокрушимую волю, вывело советскую команду с восьмого места на третье. Лыжники СССР оставили за призовой чертой гонщиков Швеции...

Вот что вспомнилось нам сейчас, в преддверии нового большого лыжного сезона. Его международная часть открывается в нынешнем году под Ленинградом в последние дни января. Там с советскими спортсменами встречаются наши старые знакомые по Скво Вэлли — лыжники Финляндии, Швеции, Норвегии и других стран.

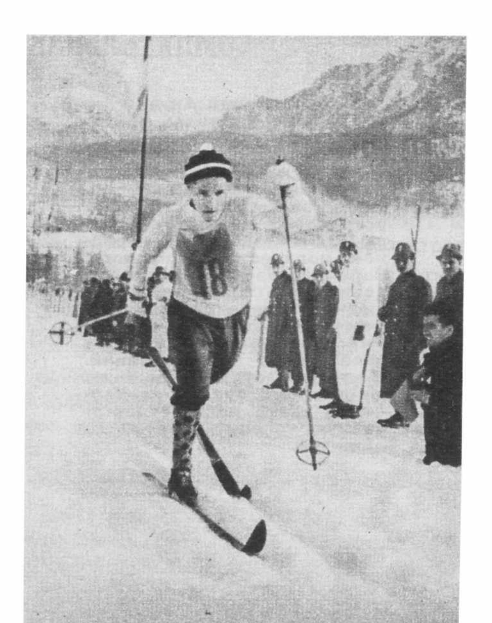
Чем же были заняты сильнейшие гонщики мира, готовясь к новому, послеолимпийскому сезону, к продолжению спора на лыжне? Чтобы ответить на этот вопрос, нам снова придется вернуться в Скво Вэлли.

На высокогорном калифорнийском снегу финские гонщики, признанные лидеры последних лет, многих разочаровали. В первой гонке — на 30 километров — всеобщее удивление вызвала неудача знаменитого Вейко Хакулинена, который оказался лишь шестым. По долине Индианок прокатился даже слушок, что финны на сей раз просчитались и, экономя силы перед «белой» олимпиадой, не смогли достигнуть к ее открытию расцвета своей спортивной формы. Но уже после второй гонки — на 15 километров — Хакулинен оказался на третьем призовом месте; на последнем этапе эстафеты, перед самым финишем, он сумел обогнать чемпиона «белой» олимпиады на 15 километров норвежца Брусвеена, закрепив за своей командой золотые медали, а на дистанции 50 километров снова поднялся на постамент почета — за серебряной медалью.

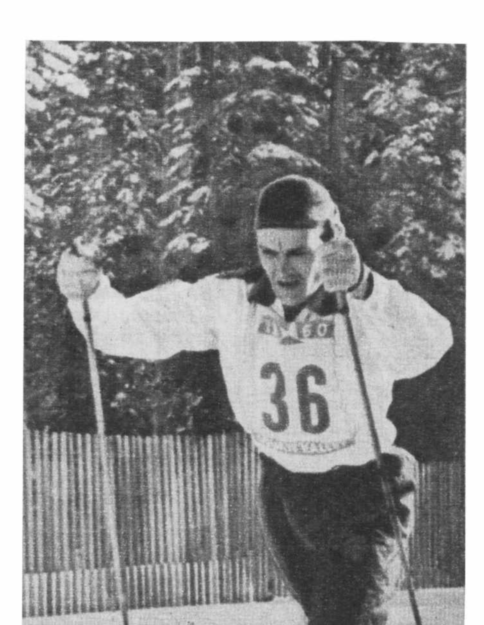
Как оказалось, финские тренеры и на сей раз с максимальной точностью привели своих питомцев к полному расцвету сил в момент решающих стартов. Они пожертвовали первой олимпийской гонкой для окончательной «доводки» спортивной формы и в конце концов добились большого успеха. Этого-то умения безошибочно попадать в «яблочко» еще не достигли советские лыжники. Недаром один из финских тренеров заявил после международных соревнований в Свердловске, на которых Павел Колчин буквально разгромил Вейко Хакулинена: «Мы боимся русских лыжников в январе. В феврале с ними соперничать значительно легче».

Вот в чем секрет успеха скандинавских гонщиков! Они умеют быть сильными в самый нужный,

в самый ответственный момент сезона. Как же надо дозировать свои усилия в течение долгих месяцев подготовки, чтобы не просчитаться и сохранить силы к самому разгару зимы? Ответа на этот вопрос и искали после Скво Вэлли советские лыжники, чтобы избежать ошибок прошлой зимы.

В связи с этим нам вспомнилась беседа с Николаем Аникиным после финиша гонки на 30 километров в Скво Вэлли. «Я рассчитывал твердо бороться за первое место,— рассказывал Аникин,— но с каждым километром мои надежды испарялись буквально на глазах. Куда исчезли так тщательно накопленные силы? Лишь теперь, на финише, я понял, что растерял их еще по пути в Скво Вэлли, на последней отборочной гонке в Бакуриани. Эта гонка оказалась лишней, и она-то и унесла мою свежесть, а вместе с ней и все надежды на победу. Вот он, результат: вместо золотой олимпийской медали всего лишь бронзовая».

Сколько горечи было в этих словах! А ведь Николай Аникин — один из самых вдумчивых наших спортсменов, способных глубоко анализировать свои успехи и неудачи на лыжне. Только Павел Колчин, пожалуй, может сравниться с ним. Но и лидер советских лыжников Колчин прошлой зимой не сумел сохранить свои силы к моменту самых важных встреч в долине Маккини Крик. Когда Павел Колчин рассказывает о том, как он проходит дистанцию, то даже искушенный лыжник широко открывает глаза. Колчин не просто идет, он «читает» лыжню, учитывая для развития скорости каждый бугорок, каждую впадинку. А вот правильно «прочесть» свою «внутреннюю» лыжню, правильно использовать каждый «бугорок», каждую «впадинку» своих сил Колчин не смог. Он настолько ослабел от трудных тренировок, что, приехав в Скво Вэлли, заболел и выбыл из борьбы, не взяв ни одного старта.

Это, конечно, не могло не сказаться на результатах, показанных нашей командой на VIII Олимпийских играх. Теперь Павел Колчин снова полон боевого задора и вместе со своей женой, мировой чемпионкой Алевтиной Колчиной, готовится к реваншу. Олимпийский год не очень удачно сложился и для Колчиной: в Скво Вэлли она была лишь четвертой,— и единственным ее утешением было то, что все три призовых места в олимпийской гонке заняли ее подруги — Мария Гусакова, Любовь Баранова и Радья Ерошина.

Да, на «женском фронте» наши дела более успешны. Советские гонщицы сейчас не имеют себе равных в мире, и невольно возникает вопрос: не следует ли пригласить хозяйку Уктусских гор как некогда называли многократную чемпионку страны Зою Болотову, ныне хозяйку женской сборной команды СССР, в качестве тренера наших... лыжников? Но такого еще не бывало, чтобы женщина готовила лыжников-мужчин. Они, наверное, полны решимости сами наконец разгадать секрет неутомимости.

Итак, в эти дни состоится первая проверка лыжных сил. На старт вместе с Павлом Колчиным, Николаем Аникиным, Анатолием Шелюхиным выйдут их молодые товарищи — Геннадий Ваганов, дважды занявший четвертое место в Скво Вэлли, участники «белой» олимпиады Александр Губин и Павел Морщинин. А кто же окажется главным соперником советских гонщиков нынешней зимой? Ошибиться здесь трудно, потому что скандинавские корифеи не поддаются пока атакам времени. По-прежнему в отличной форме герой Скво Вэлли, обладатель золотой и серебряной медалей швед Сикстен Ернберг, по-прежнему блистает на лыжне наш старый знакомый Вейко Хакулинен и полны боевого задора норвежцы Хаккон Брусвеен и Халгейр Бренден. А рядом с ними стоит очень сильная молодежь, и у кого больше шансов на успех, угадать трудно. В лыжном спорте свои возрастные законы. Ведь в Скво Вэлли гонку на 50 километров выиграл самый молодой из трех олимпийских чемпионов — финн Калеви Хямяляйнен, а чемпионом на 15 километров оказался самый старший — Хаккон Брусвеен. Вряд ли такая ситуация могла бы возникнуть в легкой атлетике! Вот почему мы думаем, что Павел Колчин и Николай Аникин, хоть каждому из них уже по тридцать, в нынешнем сезоне окажутся в расцвете своих сил. А им будет где проверить эти силы! После соревнований под Ленинградом сильнейшие лыжебежцы мира встретятся в Фалуне (Швеция), в Закопане (Польша), в Лахти (Финляндия) и, наконец, в Холменколлене (Норвегия).

Там на снегу будет продолжаться борьба за победные секунды.

НА СНИМКАХ ВНИЗУ:

Так выглядел Калеви Хямяляйнен на финише 50-километровой гонки в Скво Вэлли.

Павел Колчин — один из сильнейших гонщиков мира.

Николай Аникин после гонки в Скво Вэлли беседует с врачом команды Н. Федоровой.

Вейко Хакулинену исполнилось 36 лет, но он по-прежнему на лыжне.

Сикстен Ернберг, как всегда, невозмутим.

Вперед, только вперед!

В вместительной ложе Центрального Дома культуры железнодорожников всегда оживленно, даже весело. Здесь занимают места корреспонденты, шахматные критики, гроссмейстеры, пострадавшие на подступах к финалу. В этой ложе все события, возникающие на 10 досках, берутся под строгую лупу критиков. Счастье для участников, что они не слышат, как сильно им достается от этих дотошных наблюдателей. Участники чемпионата не знают, как легко, как просто играть в шахматы... сидя в ложе!

В ложе обычно находится штаб тренеров. Именно штаб, ибо никогда раньше не наблюдался такой обширный «съезд». Почти у каждого участника имеется свой тренер. Здесь такое скопление тренеров, что часто не знаешь, кто кого тренирует! Но мастера К. Кламана ни с кем не спутаешь: он в форме пожарной службы. Новый тренер Б. Спасского шутит: «Мое дело маленькое — следить за тем, чтобы Боря в турнире «не погорел»!».

Хорошо известно, что М. Ботвинник много лет творчески сотрудничал с В. Рагозиным. М. Таль и А. Кобленц — одно шахматное целое. Но есть гроссмейстеры, которые грешат «многотренерством». Так, например, В. Смыслова тренировали В. Алаторцев, А. Лилиенталь, В. Симагин, И. Болеславский, И. Бондаревский. Угадайте же, кто тренер Смыслова в этом чемпионате? Не угадаете: никто!

Надо сказать, что «одиночкам» иногда приходится тяжело. Бывают такие запутанные отложенные позиции, что одному гроссмейстеру трудно в них разобраться и «второй глаз» необходим. Так, например, отложенная позиция в партии Л. Полугаевский — Ю. Авербах подвергалась «шлифовке» со стороны Льва Полугаевского и его тренера Льва Аронина вдоль и поперек. У «двух Львов» не хватило времени. «Мы смотрели позицию «только» 30 часов (!) и все же не сумели найти лучшее продолжение»,— рассказал нам Полугаевский. Самое забавное, что Полугаевский, несмотря на столь тщательный анализ, при доигрывании попал в жесточайший цейтнот и вздохнул с облегчением, когда игра закончилась вничью.

Агрессивное настроение всех участников не снижается. Достаточно сказать, что в пятом, шестом и седьмом турах 24 партии кончились результативно, а таблички с ненавистной для зрителей надписью «ничья» появились всего шесть раз.

На предыдущем чемпионате страны Т. Петросян «сдал дела» чемпиона в руки В. Корчного. Победа Т. Петросяна в пятом туре нынешнего первенства над чемпионом страны слегка пошатнула положение В. Корчного в турнире. Первая «клякса» в турнирной таблице появилась и у старейшего участника чемпионата И. Болеславского, которого «обидел» его давнишний друг Д. Бронштейн.

В пресс-бюро расставлены 10 досок. Туда явился во время шестого тура М. Ботвинник. Экс-чемпион мира в сопровождении представителей шахматной прессы обошел все 10 досок. Остановившись у позиции Т. Петросяна, Ботвинник хмуро сказал: «Да, не Рио-де-Жанейро!» Играя с чемпионом Украины Л. Штейном, Петросян попал в такую безнадежную позицию, что даже не сумел проявить характерные для него стойкость и упорство в обороне. Что у Петросяна был плохой день, это факт. Но это никак не умаляет замечательного успеха молодого мастера. Известно, что Петросян проигрывает «раз в год». Заставить Петросяна сдаться на 26-м ходу — успех, которым может гордиться Штейн, чье имя начинает приводить в трепет самых закаленных бойцов. Осторожно, Штейн атакует!

Покидая ЦДКЖ, М. Ботвинник утешал пострадавшего Петросяна: «Вы не расстраивайтесь, считайте, что с Корчным и Штейном вы сыграли вничью».

С третьей победой подряд можно было поздравить в этот вечер Бориса Спасского, который в цейтнотной пляске заматовал Ю. Авербаха, не без любезного соавторства партнера.

Понятно, что не все участники могут выступать удачно. Если говорить про неудачников, то бросается в глаза совершенно не соответствующий его силе и таланту результат Марка Тайманова. «Когда я играю беленькими, я никого не боюсь»,— обычно говорит Марк. На этот раз Тайманов проиграл все четыре партии, играя белыми! Плохие дела Тайманова переживает прежде всего музыкальный мир. Можно не сомневаться, что кое-кому Марк еще испортит настроение.

В седьмом и восьмом турах Л. Штейн продолжал наступление и разгромил А. Лутикова и А. Банника. «Проблема Штейна» — это тема дня. Очень может быть, что Штейн — новый Бронштейн или даже новый Стейниц?!

Говорят, что понедельник — плохой день. С этим, несомненно, согласится В. Смыслов, который проиграл в день доигрывания — в понедельник — Т. Петросяну важнейшую партию. Петросян играл как «тигр», но трудно поверить, что черными сражался шахматист такого высокого класса, как Смыслов. Борьбы фактически не было.

— Понедельник — прекрасный день! — смеется одессит Е. Геллер, который «заработал» два очка в отложенных партиях с В. Тарасовым и В. Симагиным.

В эти дни больших шахмат в ложе ЦДКЖ появился еще один критик. Но он в отличие от многих не только критик, но и вдохновитель. Это Михаил Таль. Его творческое влияние чувствуется во многих партиях этого первенства: все участники стараются играть под девизом: вперед, только вперед!

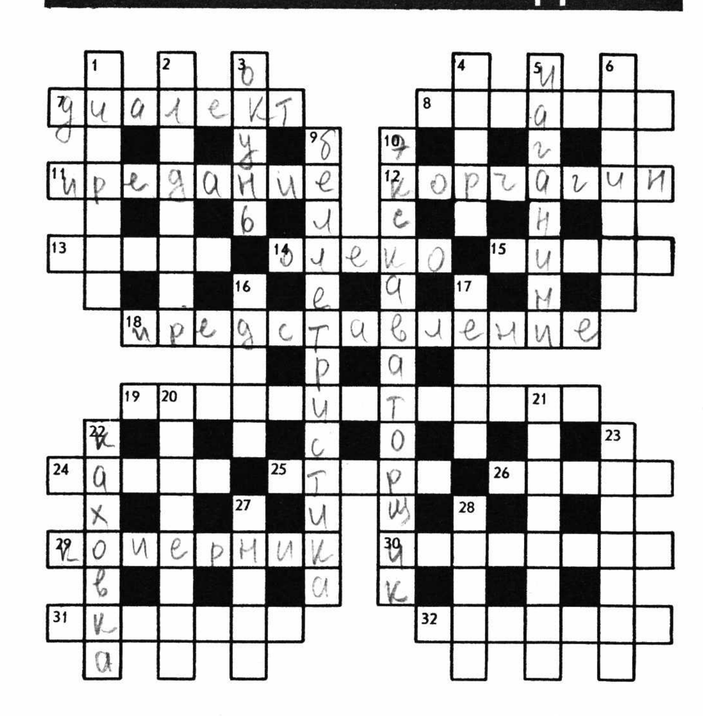
Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В американской печати в последнее время появился ряд ссылок на опубликованную в журнале «Огонек» № 3 за 1961 год статью немецкого журналиста В. Шрайера. При этом используются неправильно изложенные в этой статье факты, касающиеся имевшей место в 1958 году катастрофы американского самолета «С-130» на советской территории близ города Еревана.

Редакционная коллегия журнала «Огонек» считает необходимым информировать своих читателей, что указанная статья В. Шрайера была перепечатана из немецкого журнала «Нейе Берлинер Иллюстрирте» и что неправильное изложение в ней фактов, касающихся обстоятельств катастрофы американского самолета «С-130», допущено автором этой статьи.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Местное наречие, говор. 8. Первый поэт коми. 11. Народное сказание. 12. Герой романа Н. Островского. 13. Государство в Азии. 14. Опера С. В. Рахманинова. 15. Цветок. 18. Театральное зрелище. 19. Распорядитель. 24. Кондитерское изделие. 25. Пьеса В. Билль-Белоцерковского. 26. Минерал. 29. Польский астроном XV—XVI веков. 30. Редкоземельный элемент. 31. Грузоподъемный механизм. 32. Часть слова.

По вертикали:

1. Моторное топливо 2. Областной центр в РСФСР. 3. Пресноводная рыба. 4. Самая большая река Франции. 5. Итальянский скрипач-виртуоз. 6. Фотографический снимок. 9. Художественная литература. 10. Специальность рабочего. 16. Город в Чувашии. 17. Северное созвездие. 20. Советский кинорежиссер. 21. Слесарный инструмент. 22. Песня времен гражданской войны. 23. Древняя страна на Ближнем Востоке. 27. Стихотворение А. С. Пушкина. 28. Металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Мордвинов. 8. Лазо. 9. Озон. 10. Гурон. 11. Плавни. 12. Асбест. 14. Колба. 16. Скала. 18. Табун. 20. Сенкевич. 21. Форсунка. 23. Станс. 25. Атлас. 26. Жатва. 27. Романс. 30. Лоренц. 32. Просо. 33. Рагу. 34. Омар. 35. Янцзыцзян.

По вертикали:

1. «Враги». 2. Квиринал. 3. Юнона. 4. Балл. 5. Моевка. 6. Вомбат. 7. Бокс. 11. Прожектор. 13. Трускавец. 15. Бэкон. 16. Слива. 17. Анонс. 19. Акула. 22. «Следопыт». 24. Статуя. 26. Жермон. 28. Овал. 29. Спица. 30. Лодзь. 31. Ниас.

На первой странице обложки: Летчик-испытатель Константин Коккинаки.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Мончегорский комбинат «Североникель». Электроплавильный цех выдает очередную плавку.

Фото А. Гостева.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

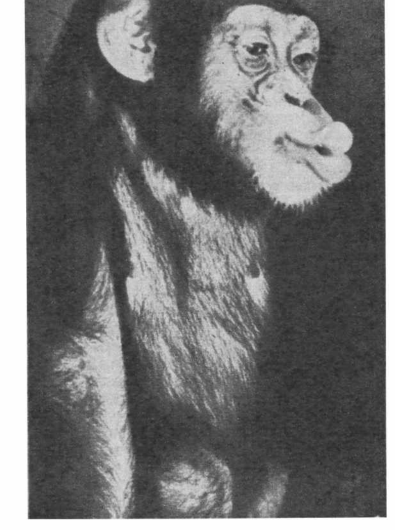
Оформление И. Долгополова.

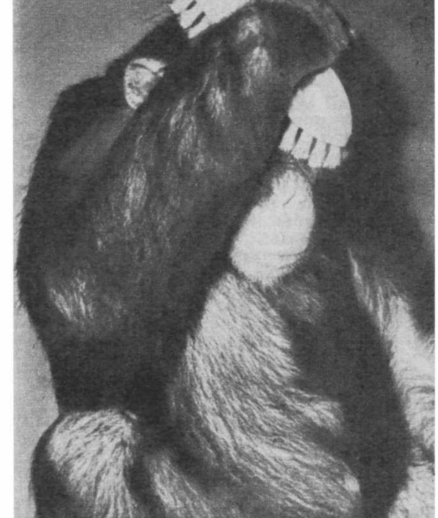
Рукописи не возвращаются.

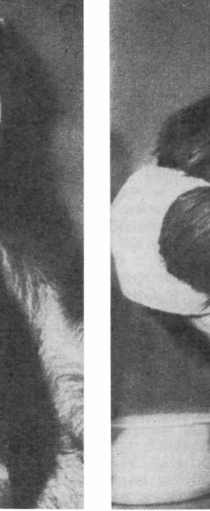
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01215. Подписано к печати 26/I 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000 Изд. № 6 Заказ 92.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В дружной труппе Капеллини
Полным ходом жизнь идет.
У артистки-героини
Масса всяческих забот...

Уложить себе прическу —
Это вовсе не предел.

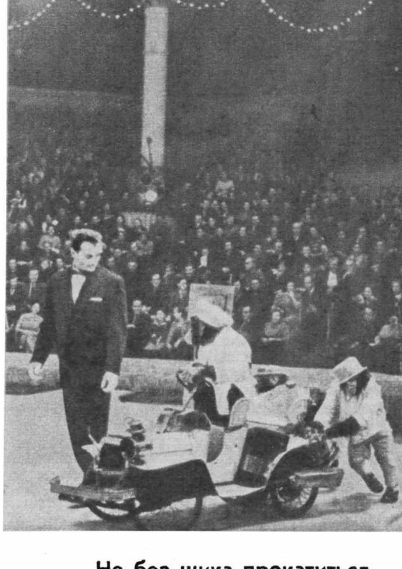
Масса всячес

Четвероногие артисты Парижского цирка,

В пышном платье появиться
На арене цирковой.

Не без шика прокатиться
На машине легковой.

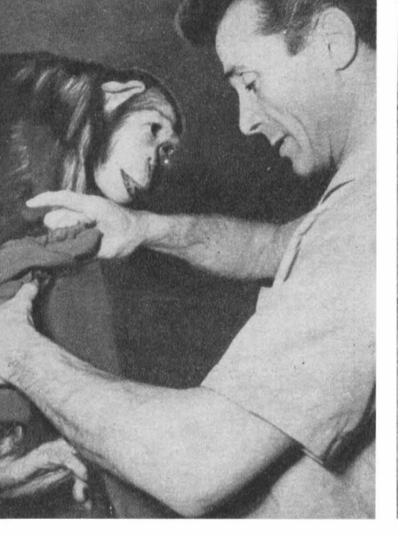

— Ах, доктор! Инфаркт?
— Короткое замыкание...

Рисунок В. Воеводина.

Нерешительный.

Рисунок В. Сигачева.

Надо влезть еще в «матроску».

Сделать ряд текущих дел...

ких забот...

дрессировщик — Капеллини.

Подчеркнуть сверхмодным шагом
В рок-н-ролле мастерство,
Дав возможность всем стилягам
Собезьянничать его...

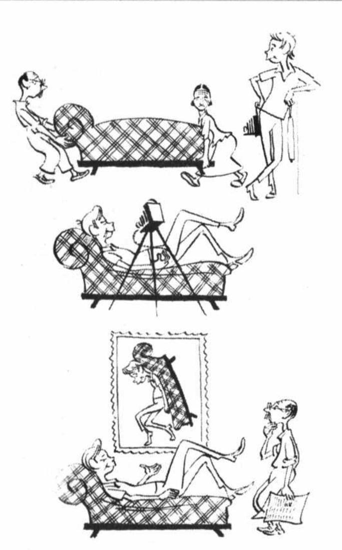
Провести с большим стараньем
С дрессировщиком дуэт.

И в минуты расставанья
Передать друзьям привет!

Юрий БЛАГОВ

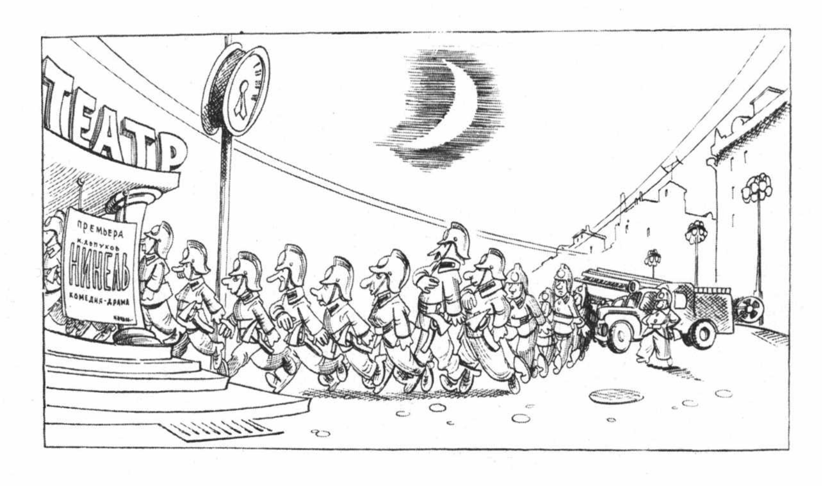
Фото Ю. **КРИВОНОСОВА.**

Чудеса фотоискусства.
Рисунок Ю. Черепанова.

Без слов.
Рисунок В. Соловьева.

Когда театр «горит».
Рисунок И. Оффенгендена.

Цена номера 30 коп.